

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕССЪ?*)

ГЕРВЕРТЬ СПЕНСЕРЪ. Собраніе сочиненій въ 7-ми томахъ. Изданіе
Н. Л. Тиблена.

I.

Одна изъ статей Спенсера, напечатанныхъ въ первомъ томѣ русскаго изданія, — „Польза и красота“. — начинается такимъ замѣчаніемъ Эмерсона: „то, что природа въ одно время производитъ для пользы, она обращаетъ впоследствии въ предметъ украшенія“. Въ доказательство этого положенія Эмерсонъ приводитъ устройство морской раковины, у которой „части, служащія одно время вмѣсто рта, въ дальнѣйшемъ періодѣ ея развитія остаются позади и принимаютъ форму красивыхъ бугорковъ“. Пользуюсь случаемъ, чтобы указать на заключающійся въ положеніи и примѣрѣ Эмерсона объективно-антропоцентрической пошибъ: природа нѣчто полезное для животнаго, особенность, обеспечившую ему счастливый исходъ изъ борьбы за существованіе, эту особенность природа обращаетъ впоследствии въ нѣчто пріятное для человѣка, красивое съ человѣческой точки зрѣнія; ибо трудно предположить, чтобы Эмерсонъ говорилъ отъ лица „морской раковины“, любующейся на свои „красивые бугорки и рубчики“. Такимъ образомъ любезность и предупредительность природы къ человѣку доходитъ до того, что она коверкаетъ

*) 1869 г.

единственно pour ses beaux yeux животное, имѣющее, разумѣется, свои собственные, хотя и неуловимые для насъ интересы. Спенсеръ не замѣчаетъ этой странной телеологіи, или пропускаетъ ее мимо ушей, можетъ быть потому, что у Эмерсона, съ которымъ мы не знакомы, она составляетъ не болѣе, какъ случайную, черновую мысль, которой онъ самъ не придаетъ особеннаго значенія. Но Спенсеръ находитъ, что это замѣчаніе Эмерсона имѣетъ право на гораздо болѣе широкое приложеніе, и можетъ быть распространено и на развитіе человѣчества. Онъ утверждаетъ, что и въ области явленій общественной жизни происходитъ та же смѣна полезнаго и прекраснаго; что предметъ пользы для одного историческаго періода оказывается предметомъ украшенія для послѣдующихъ. Въ маленькой статейкѣ, развивающей эту мысль, Спенсеръ развертываетъ въ миниатюрѣ всѣ свойства своего соціологическаго мышленія и изложенія, съ которыми мы еще встрѣтимся ниже въ большемъ видѣ. Поставивъ положеніе, Спенсеръ начинаетъ сыпать самыми разнообразными примѣрами, подтверждающими положеніе, и затѣмъ ищетъ рациональнаго основанія для своего эмпирическаго вывода. Надо впрочемъ замѣтить, что примѣры, приводимые имъ въ статьѣ „Польза и красота“, выбраны гораздо менѣе удачно и расположены гораздо менѣе искусно, чѣмъ это имъ дѣлается обыкновенно. Желаніе втиснуть факты въ заранѣ поставленную рамку ужъ слишкомъ очевидно, въ чемъ автору значительно помогаетъ неопредѣленность его терминологіи: рѣзко разграничивая прекрасное и полезное, онъ не проводитъ однако между ними опредѣленной демаркаціонной линіи, и читатель не знаетъ, что собственно Спенсеръ разумѣетъ подъ общимъ именемъ прекраснаго и что—подъ именемъ полезнаго. Это было бы, разумѣется, не бѣда, еслибы дѣло шло о вещахъ общепризнанныхъ, не подлежащихъ спору. Но категоріи прекраснаго и полезнаго слишкомъ часто произвольно суживались и расширялись, и точныя взаимныя отношенія ихъ установились въ сознаніи очень немногихъ. Спенсеръ, къ сожалѣнію, не принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ, но крайней-мѣрѣ въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь.

Какъ образецъ, я приведу только одинъ изъ его примѣровъ или, лучше сказать, одну группу примѣровъ. „Глыбы камня, говоритъ онъ, которыя, какъ храмъ, въ рукахъ жрецовъ имѣли нѣкогда правительственное значеніе, стали въ настоящее время служить предметомъ антиварскихъ поисковъ, а сами жрецы сдѣлались героями оперъ. Изваянія грековъ, которыя за красоту свою сохраняются въ нашихъ художественныхъ музеяхъ и снимки съ которыхъ служатъ украшеніемъ общественныхъ мѣстъ и входовъ въ наши залы, нѣкогда считались за божества, требовавшія повиновенія; подобную же роль играли нѣкогда и тѣ чудовищные идолы, которые теперь забавляютъ посѣтителей нашихъ музеевъ“. Вотъ одинъ изъ камней, положенныхъ Спенсеромъ въ основаніе его обобщенія: предметъ пользы для предковъ дѣлается предметомъ украшенія для потомковъ. Нетрудно видѣть, что камень этотъ находится въ положеніи неустойчиваго равновѣсія и легко можетъ способствовать провалу всего зданія. Васъ поражаетъ необыкновенная поверхностность выраженій и неизбежно возникаетъ рядъ вопросовъ: 1) Почему Спенсеръ полагаетъ, что храмы древнихъ имѣли исключительно практическое значеніе? и не были ли они въ то же время, какъ и въ наше, украшеніемъ данной мѣстности и не украшались ли они и сами, сообразно эстетическимъ взглядамъ древнихъ, во славу божества и въ поученіе молящихся? 2) Почему „антикварскіе поиски“ отнесены къ категоріи красоты и не предпринимаются ли они большею частью съ полезною цѣлью изученія жизни нашихъ предковъ? 3) Не входила ли идея красоты, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ древнія, какъ и въ новыя, религіи, а слѣдовательно и въ формы богослуженій, совершаемыхъ жрецами? и не играетъ ли нѣкоторой роли элементъ пользы въ томъ обстоятельствѣ, что жрецы являются героями оперъ? 4) Всѣ ли греческія статуи создавались на религіозныя тѣмы, и не цѣнили ли греки въ своихъ статуяхъ, даже изображавшихъ божества, не только ихъ религіозное значеніе, а и эстетическое? и не уясняемъ ли мы себѣ иногда по произведеніямъ греческаго искусства греческую жизнь и міросозерца-

ніе? 5) Равнымъ образомъ не изучаемъ ли мы индусовъ и египтянъ по тѣмъ чудовищнымъ идоламъ, которые стоятъ въ нашихъ музеяхъ? и не потому ли Спенсеръ употребилъ относительно ихъ выраженіе „забавляютъ“, что съ областью прекраснаго съ нашей, современной точки зрѣнія, они не имѣютъ никакой связи, хотя для своего времени и мѣста необходимо представляли нѣкоторый художественно-религіозный идеаль?—Ясно, что примѣръ Спенсера можетъ быть перевернуть вверхъ дномъ и послужить весьма полновѣснымъ подтвержденіемъ обратнаго положенія, именно, что прекрасное для одной эпохи дѣлается полезнымъ для послѣдующихъ. И эта послѣдняя формула, прямо противоположная формулѣ Спенсера, якобы подтверждаемой приведеннымъ примѣромъ, будучи поставлена въ надлежащія границы, представляетъ не гипотезу, но несомнѣнно достовѣрную истину. Мы не можемъ такъ полно наслаждаться греческимъ искусствомъ, какъ наслаждались имъ сами греки; у насъ есть свое искусство, которое намъ дороже и понятнѣе. Но если наше эстетическое пониманіе греческаго искусства необходимо слабѣе таковаго же пониманія грековъ, то для насъ существуетъ историческое, научное значеніе греческаго искусства, какое для грековъ не существовало. Во всякомъ случаѣ, примѣръ Спенсера не только не подтверждаетъ его положенія, но показываетъ, что порядокъ, въ которомъ чередуются въ исторіи полезное и прекрасное, подлежитъ закону, по крайней-мѣрѣ гораздо болѣе сложному, нежели тотъ, который предлагаетъ англійскій мыслитель. Найдутся скептики, которые будутъ отрицать даже возможность формулированія такого закона, потому что полезное и прекрасное имѣютъ тысячи точекъ соприкосновенія, и рѣзкое противопоставленіе ихъ другъ другу возможно только при весьма поверхностномъ взглядѣ. Говорить о вещахъ, составляющихъ „исключительно предметъ пользы“ или исключительную область прекраснаго, какъ говорить это Спенсеръ,—дѣло слишкомъ рискованное.

Какъ бы то ни было, но въ рядѣ примѣровъ въ родѣ вышеприведенныхъ, Спенсеръ находитъ индуктивное доказательство

своей формулы. Затѣмъ онъ обращается къ дедуктивному подтвержденію и находитъ его въ слѣдующемъ: „существенное, предварительное условіе всякой красоты есть контрастъ. Для того, чтобы получить художественный эффектъ, свѣтъ долженъ быть располагаемъ рядомъ съ тѣнью, яркіе цвѣта съ мрачными“ и т. д. Спенсеръ опять приводитъ рядъ примѣровъ изъ различныхъ сферъ искусства. Этотъ общій принципъ контраста, какъ условія красоты, объясняетъ, по мнѣнію Спенсера, и то, почему полезное прошлаго превращается въ настоящее прекрасное. Мы видѣли, что положеніе о такомъ превращеніи по крайней мѣрѣ односторонне, и потому, стремясь доказать его, Спенсеръ очевидно долженъ былъ еще болѣе запутаться. Мы не намѣрены трактовать объ искусствѣ, о взаимномъ отношеніи полезнаго и прекраснаго; мы слѣдимъ только за логическою нитью аргументаціи Спенсера, и потому, помимо нашихъ личныхъ взглядовъ, примемъ законъ контраста, какъ основной законъ прекраснаго и искусства. Становясь такимъ образомъ на его собственную точку зрѣнія, мы надѣемся, оказываемся достаточно безпристрастными. Куда же онъ насъ поведетъ? Онъ утверждаетъ, что задача искусства состоитъ исключительно въ воспроизведеніи жизни прошлаго. „По причинѣ своего контраста съ нашимъ настоящимъ образомъ жизни, образъ жизни прошедшаго кажется намъ интереснымъ и романтическимъ“, а „вещи и происшествія, влекущія за собой сцѣпленіе идей, которыя не представляютъ значительнаго контраста съ нашими ежедневными представленіями, являются относительно невыгоднымъ сюжетомъ для искусства“. Спенсеръ доказываетъ далѣе, исходя все изъ того же принципа, что живопись не должна передавать „жизнь, дѣла и стремленія своего времени“, а обязана обратиться въ историческую. „То, что имѣетъ какое-нибудь практическое назначеніе въ настоящее время, говоритъ онъ, или имѣло такое значеніе въ очень недавнее время, не можетъ получить характера украшенія и, слѣдовательно, не будетъ приложимо къ цѣлямъ искусства“. Мы уже не говоримъ о томъ странномъ взглядѣ, который обнаруживаетъ Спенсеръ, говоря объ „украшеніи“, какъ о назначеніи искусства. Но по-

ложимъ, что это можетъ показаться иному дѣломъ спорнымъ; далѣе Спенсеръ грѣшитъ уже прямо противъ логики. Онъ высказываетъ самую странную поверхностность, утверждая, что искусство *должно* искать контрастовъ въ прошедшемъ; какъ-будто ихъ мало въ настоящемъ; какъ-будто на чердакѣ того самаго дома, гдѣ живетъ Спенсеръ, ученый и спокойный Спенсеръ, не гнѣздится невѣжество, нищета и назойливая дума о кускѣ хлѣба въ pendant думѣ философа о судьбахъ человѣчества; какъ-будто у всѣхъ сердце бьется такъ же ровно, какъ у ученаго и невозмутимаго Спенсера; какъ-будто нѣтъ въ настоящемъ умныхъ людей и дураковъ, негодяевъ и честныхъ людей, людей цивилизованныхъ и коснѣющихъ въ грубости, нѣтъ стона и улыбки, брачнаго ложа и гробовыхъ мастеровъ, свѣта и тѣни, подалуя и оплеухи, звона цѣпей и колокольнаго звона, полиціи и мазуриковъ?... Съ чего же искусству гоняться за контрастами во времени, когда подъ руками у него неисчерпаемый рудникъ контрастовъ въ пространствѣ? По крайней мѣрѣ, гдѣ основанія въ самомъ спенсеровскомъ законѣ контраста для воспрещенія искусству передавать „жизнь, дѣла и стремленія своего времени“?

Читатель видитъ, что вся аргументація Спенсера не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и что здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи объ оцѣнкѣ его теоретическихъ началъ, потому что ихъ логическія подпорки подкашиваются сами собой. И еслибы въ вышедшихъ до сихъ поръ по русски десяти выпускахъ собранія его сочиненій, кромѣ подобныхъ доказательствъ и положеній, не было ничего, то я, разумѣется, не счелъ бы нужнымъ говорить объ немъ. Но я собираюсь говорить, и говорить много.

Спенсеръ—имя, не пользующееся особенно громкою извѣстностью, но весьма почтенное. Сочиненія его не переведены ни на одинъ языкъ, кромѣ русскаго; не пользуется онъ, кажется, большою популярностью и на своей родинѣ. Но вотъ мнѣнія объ немъ людей, достаточно компетентныхъ:

„Г. Гербертъ Спенсеръ (въ статьѣ, сперва напечатанной въ Leader марта 1852, и перепечатанной въ его Essays 1858) съ большою силою

и ловкостью провел параллель между теоріей развитія органических формъ и теоріей отдѣльныхъ твореній. Онъ выводитъ изъ аналогіи съ домашними организмами, изъ измѣненій, которымъ подвергаются зародыши многихъ видовъ, изъ трудности отличить разновидности отъ видовъ, изъ общаго начала постепенности, что виды измѣнились, и онъ приписываетъ измѣненіе измѣненнымъ жизненнымъ условіямъ. Тотъ же авторъ (1855) разработалъ психологію на основаніи необходимой постепенности въ приобрѣтеніи каждой умственной силы и способности“. (Ч. Дарвинъ: „О происхожденіи видовъ“).

„Нѣтъ надобности говорить о людяхъ, еще въ наше время придерживающихся старыхъ мнѣній. Но если одинъ изъ самыхъ мощныхъ и отвѣдныхъ дѣятелей, какихъ только производила до сихъ поръ англійская мысль, человекъ, исполненный научнаго духа—мистеръ Гербертъ Спенсеръ, и тотъ, во главѣ своей философіи, выставляетъ ученіе; что высшій критерій истинности извѣстнаго положенія заключается въ непостижимости его отрицанія“... и т. д. (Дж.-Ст. Милль. „Огюсть Контъ и позитивизмъ“).

Выписавъ эти отзывы, мы начинаемъ трусить. До сихъ поръ читатель, слѣдуя за нами, видѣлъ, что Спенсеръ ошибается, ошибается грубо, непростительно; но блескъ мнѣній Дарвина и Милля можетъ ослѣпить его, и на насъ обрушится старый укоръ въ неуваженіи къ авторитетамъ. Но изъ дальнѣйшаго читатель, надѣмся, убѣдится, что мы воздаемъ Кесарево Кесареви и Божіе Богови. Прибавимъ еще, что русскій издатель сочиненій Спенсера, г. Тибленъ, считаетъ его, „величайшимъ изъ современныхъ мыслителей“ и отводитъ ему такое же мѣсто въ рациональной философіи, „какое заняли Дарвинъ въ философіи естествознанія и Вокль въ философіи исторіи“. И сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что это не издательская реклама. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько мнѣніе русскаго издателя преувеличено и насколько отзывъ Милля объясняется установившимися въ англійской печати обычаями этикета *), мы должны во всякомъ случаѣ сказать, что Спенсеръ—

---

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что слова Милля заимствованы нами изъ той части книги «Огюсть Контъ и положительная философія» (Спб. 1867) которая редактировалась издателемъ сочиненій Спенсера. Субъективный элементъ сказывается и въ переводѣ, переводчикъ своей личности сте-

умъ очень крупнаго калибра; одинъ изъ тѣхъ всеобъемлющихъ синтетическихъ умовъ, которые отъ времени до времени вносятъ духъ единства и жизни въ разрозненные факты, добытые нѣсколькими поколѣнiями менѣе даровитыхъ и даже совершенно бездарныхъ тружениковъ науки. О широкомъ захватѣ Спенсеровской мысли можно судить уже по однимъ оглавленiямъ двухъ первыхъ томовъ русскаго изданiя. Первый томъ заключаетъ въ себѣ статьи: „Прогрессъ, его законъ и причина“; „Философiя слога“; „Трансцендентальная физиологiя“; „Происхожденiе и дѣятельность музыки“; „Польза и красота“; „Гипотеза развитiя“; „Источники архитектурныхъ типовъ“; „Теорiя слезъ и смѣха“; „Грациозность“; „Значенiе очевидности“; „Личная красота“; „Польза антропоморфизма“; „Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ“; „Генезисъ науки“; „Обычаи и приличiя“; „Соціальный организмъ“. Второй томъ: „Физиологiя смѣха“; „Возбужденiе и воля“; „Торговая нравственность“; „Деньги и банки“; „Этика тюремъ“ и т. д. (Второй томъ русскаго изданiя еще не приведенъ въ концу). Эти большею частью мелкия статьи, въ родѣ нашихъ журнальныхъ, или „научные, политическiе и философскiе опыты“ представляютъ болѣе или менѣе законченные отрывки большихъ работъ. Изъ остальныхъ вышедшихъ до сихъ поръ по русски томовъ одинъ („Основныя начала“) посвященъ разработкѣ, въ позитивномъ смыслѣ, нѣкоторыхъ собственно такъ-называемыхъ метафизическихъ вопросовъ и изложенiю закона развитiя; другой излагаетъ „Основанiя биологiи“; третiй занятъ „Нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ воспитанiемъ“ (сюда же вошли статьи „Гипотеза туманныхъ массъ“ и „Нелогическая геологiя“). Въ отдѣльной брошюрѣ излагается планъ „Классификацiи наукъ“ и „Причины разногласiя съ Контотомъ“. Кромѣ того, наконецъ, мы ждемъ

реть не можетъ, а потому глубокое уваженiе къ Спенсеру могло подсказать г. Тиблену немного слишкомъ сильныя зптитеты для передачи на русскiй языкъ словъ Милля.

„Соціальной статистики“ и „Основаній психологіи“. Послѣднее сочиненіе есть, кажется, лучшій трудъ Спенсера.

Изъ этого длиннаго списка видно, что едва-ли найдется какая нибудь область знанія, которую бы Спенсеръ объжалъ и не затронулъ хоть мимоходомъ. Вопросы о границахъ религіи и науки, о конечныхъ научныхъ и религіозныхъ идеяхъ, вопросы фізіологическіе, педагогическіе, психологическіе, экономическіе, политическіе, геологическіе такъ или иначе вызываютъ его отвѣты, хотя, само собою разумѣется, отвѣты эти далеко не всегда одинаково удачны. Но вездѣ и во всемъ они имѣютъ синтетическій, обобщающій характеръ. Мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста и не чувствуемъ себя достаточно сильными для того, чтобы представить читателю оцѣнку всѣхъ или даже только всѣхъ главнѣйшихъ выводовъ Спенсера. Мы можемъ только рекомендовать чтеніе Спенсера, какъ особенно пригодное и полезное для нашей публики, весьма мало знакомой съ современною западною філософскою мыслью. Спенсеръ позитивистъ, хотя и не принадлежитъ къ школѣ Конта и весьма тщательно и ревниво заявляетъ о своей самостоятельности, до такой степени тщательно и ревниво, что это производитъ даже непріятное впечатлѣніе. Основныя начала положительной філософіи,—исключительно опытное происхожденіе всѣхъ нашихъ знаній, ихъ относительность, невозможность проникнуть въ сокровенныя сущности вещей, строжайшая законосообразность явленій природы,—эти положенія еще слишкомъ мало переварены даже мыслящею частью нашего общества. И еслибы мы могли и хотѣли представить читателю все плодотворное для него значеніе чтенія сочиненій Спенсера, мы, какъ выражаются на ученыхъ диспутахъ официальные оппоненты, сказали бы гораздо больше, чѣмъ собираемся сказать теперь. Уясненіе основныхъ началъ положительной філософіи есть, быть можетъ, въ настоящую минуту одно изъ настоятельнѣйшихъ дѣлъ для русскаго читающаго люда. Но мы предоставляемъ ему знакомиться съ этими началами изъ первыхъ рукъ, такъ-какъ теперь есть для этого кое-какая возможность, благодаря предпріятію г.

Тиблена. Начиная съ широкыхъ и смѣлыхъ обобщеній въ „Основныхъ началахъ“, которыя не мѣшаютъ автору твердо помнить границу между областями „Познаваемаго“ и „Непознаваемаго“, до крошечной, но прелестной, какъ картинка, статейки „Граціозность“ (Т. I, Опыты), читатель почти въ каждой статьѣ Спенсера найдетъ что нибудь новое и оригинальное, что-нибудь такое, надъ чѣмъ стоитъ призадуматься. Словомъ, мы совѣтуемъ всѣмъ и каждому читать и читать Спенсера, не пугаясь его сжатого и своеобразнаго языка, къ которому привыкнуть не трудно.

А теперь обратимся опять пока все къ той же „Пользѣ и красотѣ“. Еслибы какой либо всероссійскій публицистъ торжественно провозгласилъ, что дважды-два стеариновая свѣчка, и въ доказательство привелъ бы таблицу умноженія, въ которой весьма явственно изображено, что дважды-два отнюдь не стеариновая свѣчка, а четыре; еслибы онъ далѣе заявилъ, что чай есть напитокъ пріятный и полезный, а *потому* его слѣдуетъ пить только по утрамъ, или что политическая свобода есть благо, а *потому* только высшіе классы должны ею пользоваться; еслибы всероссійскій публицистъ написалъ или произнесъ что-нибудь въ этомъ родѣ,—то такія странныя умозаключенія допустили бы три различныя объясненія. Впервыхъ, публицистъ могъ сболтнуть рядъ фразъ, не замѣчая, что онѣ не клеятся между собой; вовторыхъ, публицистъ могъ нагло и злонамѣренно свернуть съ логической дороги по направленію къ какому-либо изъ вѣсомыхъ или невѣсомыхъ земныхъ благъ; втретьихъ, публицистъ могъ быть непроходимо тупъ. Ни одно изъ этихъ объясненій не можетъ быть приложено къ ошибкамъ Спенсера: ни въ неряшливости, ни въ тенденціозной наглости и ни въ тупости его заподозрить нельзя. Онъ мыслитель несомнѣнно сильный, осторожный и безпристрастный. А между тѣмъ приведенные промахи столь же несомнѣнно грубы до послѣдней степени, такъ что ихъ замѣтилъ бы самый дюжинный умъ. Можетъ быть, не всякій жалкій писака, взгляды котораго опредѣляются однѣми случайностями и не имѣютъ какого бы то ни

быле общаго источника и устья, рѣшился бы подписаться подъ такой статьей, какъ „Полезьа и красота“. Потому что это не защита ложнаго принципа, не случайная ошибка въ вычисленіи, не злонамѣренное извращеніе, не небрежное отношеніе къ предмету изслѣдованія,—это просто чисто логическія ошибки, непростительно плохое наведеніе и непростительно плохой силлогизмъ. „Одинъ изъ самыхъ мощныхъ дѣятелей, какихъ до сихъ поръ производила англійская мысль, человѣкъ, исполненный научнаго духа“, въ доказательство своего положенія, приводитъ примѣры, опровергающіе его; затѣмъ ставитъ другое положеніе, и изъ него дѣлаетъ логически невозможный выводъ. Надъ такимъ фактомъ стоитъ призадуматься и поискать причинъ, которыя отвели мыслителю его обыкновенно зоркіе глаза. Помимо простаго, такъ-сказать, психологическаго интереса подобнаго изслѣдованія, надо еще имѣть въ виду поучительность и даже плодотворность грубыхъ ошибокъ сильнаго ума. Намъ приходится на память афоризмъ, кажется, Бэкона: если притивій человѣкъ хоть немного уклонится отъ настоящей дороги, то въ дальнѣйшемъ слѣдованіи отойдетъ отъ цѣли своего пути гораздо дальше и заблудится гораздо скорѣе, чѣмъ человѣкъ съ черепашинымъ ходомъ. Дѣло, значить, возможное, что сильный умъ впадаетъ въ ошибки болѣе грубыя, чѣмъ ошибки какой-нибудь тупицы. И если намъ удастся открыть причины логическаго промаха человѣка недюжиннаго,—въ нравственномъ ли его складѣ, или въ какомъ либо изъ основныхъ его теоретическихъ положеній, то помимо тѣхъ истинъ, которыя будутъ добыты нами попутно, мы убѣдимся еще, что исходная точка мыслителя, или его приемъ, вообще найденная фальшивая складка должна завести въ непроходимыя дебри всякаго, хоть будь онъ семи пядей во лбу. И чѣмъ болѣе рѣзкій диссонансъ представляетъ ошибка въ общей гармоніи міросозерцанія мыслителя, то-есть чѣмъ она грубѣе, тѣмъ значить глубже лежатъ ея основанія и тѣмъ поучительнѣе будетъ наше изслѣдованіе.

Нѣкоторый намекъ на искомое въ настоящемъ случаѣ объясненіе мы можемъ найти у самого Спенсера, въ его любопытной

статьѣ „Значеніе очевидности“. Спенсеръ доказываетъ въ ней, что точное наблюденіе есть дѣло вовсе не такъ легкое и простое, какъ обыкновенно думаютъ; что наблюдателя одинаково сбиваютъ съ толку и присутствіе и отсутствіе предвзятой мысли или, какъ онъ, а можетъ быть переводчикъ, не совѣмъ вѣрно выражается,— гипотезы. Эту съ перваго взгляда парадоксальную и безъ должныхъ ограниченій дѣйствительно парадоксальную мысль онъ доказываетъ, по обыкновенію, примѣрами.—Лѣтъ полтораста тому назадъ въ Англіи существовало такое повѣрье: плодъ деревьевъ, растущихъ на морскомъ берегу, свѣшивается въ море и черезъ нѣсколько времени превращается въ существа, заключенныя въ раковинахъ и извѣстныя подъ именемъ „уточекъ“; эти уточки усаживаются на погруженныхъ въ море вѣтвяхъ. Но на этомъ не оканчивается метаморфоза, и изъ уточекъ съ теченіемъ времени образуются морскія птицы, такъ-называемыя „уточек-гуси“ (Wag-tale-goose). Эта исторія уточекъ-гусей признавалась не только простонародьемъ, а и натуралистами того времени, и притомъ у послѣднихъ вѣрованіе это „было основано на наблюденіяхъ, которыя были переданы и одобрены величайшими учеными авторитетами и опубликованы съ ихъ распоряженія. Въ статьѣ помѣщенной въ „Philosophical Transactions“ сэръ Робертъ Морей, описывая этихъ уточекъ, говоритъ; „Въ каждой раковинѣ, которую я вскрывалъ, я находилъ совершенную морскую птицу: маленькій носъ, подобный носу гуся, обозначенные глаза, голову, шею, грудь, крылья, хвостъ и сформировавшіяся ноги, перья, вездѣ совершенно образовавшіяся и темноватаго цвѣта, и ноги, подобныя ногамъ морскихъ птицъ“. Теперь эти уточки смирно сидятъ на одной изъ низшихъ ступеней зоологической лѣстницы, и Спенсеръ находитъ, что и представить себѣ нельзя, что такое Морей могъ принять въ ихъ организаціи за голову, крылья и т. д. морской птицы, нѣтъ даже намекъ на самое отдаленное сходство. А между тѣмъ Морей наблюдалъ и видѣлъ все это своими собственными глазами. Въ 1662 г., въ Мидльбургѣ была издана книга „Metamorphosis naturalis“, особенно любопытная потому, что въ ней впервые была сдѣлана

попытка подробно описать метаморфозы насѣкомыхъ. Къ книгѣ приложены таблицы съ изображеніемъ послѣдовательныхъ степеней развитія насѣкомыхъ, то-есть личинокъ, куколокъ и окончательно развитыхъ насѣкомыхъ. Куколки нашихъ бабочекъ имѣютъ обыкновенно на переднемъ концѣ нѣсколько острыхъ возвышеній, расположенныхъ совершенно неправильно. „Несмотря на то, говорить Спенсеръ, въ таблицахъ этого „*Metamorphosis naturalis*“ каждая куколка имѣетъ столь измѣненныя возвышенія, что представляется смѣшная человѣческая голова и каждому виду приданы различные профили. Вѣрилъ ли художникъ въ метемпсихозу и думалъ найти въ куколкахъ преобразившееся человѣчество; или былъ увлеченъ ложной аналогіей, которую такъ усиленно проводилъ Ботлеръ между переходомъ отъ куколки къ бабочкѣ и отъ смертности къ безсмертію, и поэтому замѣчалъ въ куколкѣ типъ человѣка, — неизвѣстно. Но мы видимъ здѣсь фактъ, что, подъ влияніемъ того или другаго предвзятаго мнѣнія, онъ сдѣлалъ свои рисунки совершенно отличными отъ дѣйствительныхъ формъ. Онъ не только думаетъ, что это сходство существуетъ, не только говоритъ, что можетъ видѣть его: предвзятое мнѣніе такъ овладѣваетъ имъ, что руководить его кистью и заставляетъ воспроизводить изображенія, до крайней степени непохожія на дѣйствительныя“. Далѣе Спенсеръ приводит тотъ фактъ, что два наблюдателя, исповѣдующіе различныя теоріи, смотря на одинъ и тотъ же предметъ, въ одинъ и тотъ же микроскопъ, описываютъ обыкновенно предметъ не одинаково.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ поразительно ложная передача фактовъ самыми изощренными органами чувствъ обуславливается присутствіемъ ложнаго предвзятаго мнѣнія. Но и отсутствіе всякаго предвзятаго мнѣнія столь же невыгодно отзывается на результатахъ наблюденія. Изъ примѣровъ заблужденій этого рода, приводимыхъ Спенсеромъ, мы остановимся только на одномъ, изъ его собственнаго опыта. На дѣтскихъ рисункахъ Спенсера тѣнь какого-нибудь предмета изображалась всегда черною. Молодой рисовальщикъ видалъ на своемъ небольшомъ вѣку, разумѣется, множество тѣней, и такъ-какъ онъ не имѣлъ на этотъ счетъ ни-

какихъ заранѣе установленныхъ мнѣній, а въ большинствѣ видѣнныхъ имъ случаевъ тѣнь приближалась къ черному цвѣту, то глазъ его неспособенъ былъ различить противоположныхъ случаевъ. Такъ дѣло шло до восемнадцати лѣтъ. Тутъ Спенсеръ встрѣтится съ однимъ артистомъ-диллетантомъ, который сталъ ему доказывать, что тѣнь бываетъ не чернаго, а нейтральнаго цвѣта. Молодой человѣкъ спорилъ, приводилъ въ доказательство свое собственное наблюденіе, но, наконецъ, долженъ былъ сдаться. Тутъ только глаза его прочистились, и онъ убѣдился, что до сихъ поръ органъ зрѣнія обманывалъ его, докладывая, что тѣнь всегда черная; онъ увидѣлъ, что она бываетъ весьма часто цвѣтная. Прошло нѣсколько времени, и чтеніе популярнаго сочиненія по оптикѣ навело его на раздумье о причинахъ цвѣтныхъ тѣней. И когда, вслѣдствіе этого, у него составилось опредѣленное понятіе о тѣняхъ, глаза его стали очень явственно различать оттѣнки ихъ. Понявъ, что цвѣтъ тѣни зависитъ отъ цвѣта всѣхъ окружающихъ предметовъ, способныхъ испускать лучи и отражать свѣтъ, онъ увидѣлъ очень ясно, что, напримеръ, въ лунную ночь, возлѣ газоваго фонаря, карандашъ, помѣщенный перпендикулярно къ листу бумаги, дастъ двѣ тѣни: пурпурно-голубую и желто-сѣрую, производимыя отдѣльно горящимъ газомъ и луной. До тѣхъ поръ, пока онъ не узналъ изъ теоріи, что такъ должно быть, и приступалъ къ наблюденію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, онъ не замѣчалъ подобныхъ явленій. Такимъ образомъ, относительно самаго обыденнаго явленія, онъ имѣлъ послѣдовательно три убѣжденія, изъ которыхъ каждое основывалось на наблюденія. „Безъ помощи первой гипотезы, говорить онъ, я, вѣроятно, остался бы при общемъ убѣжденіи, что тѣни черны. Безъ помощи другой я оставался бы, вѣроятно, при убѣжденіи, на половину истинномъ, что онѣ нейтральнаго цвѣта“. Изъ этого Спенсеръ и заключаетъ, что и присутствіе и отсутствіе предвзятаго мнѣнія невыгодно вліяютъ на точность наблюденія: въ первомъ случаѣ наблюдатель невольно поддается своей затаенной мысли и видитъ вещи не такими, каковы онѣ дѣйствительно, а во второмъ — упускаетъ

изъ виду многое, существенно важное въ наблюдаемомъ явленіи. Гдѣ же исходъ изъ этой дилеммы? „Всѣ наблюденія, исключая тѣхъ, которыя производятся подъ вліяніемъ уже установленныхъ и истинныхъ теорій, рискуютъ оказаться извращенными или неполными“. Въ концѣ концовъ мы, значить, все-таки отброшены къ предвзятому мнѣнію, съ тѣмъ, однако, важнымъ условіемъ, чтобы мнѣніе это имѣло за себя извѣстныя, полновѣсныя гарантіи. Оно должно вытекать изъ нѣкоторой прежней, провѣренной и вполне истинной оцѣнки извѣстной группы явленій. Всмотриваясь въ послѣдній изъ приведенныхъ нами примѣровъ Спенсера, нетрудно видѣть, что онъ весьма мало годится въ примѣры заблужденія отъ отсутствія предвзятаго мнѣнія. Молодой Спенсеръ не замѣчалъ цвѣтныхъ тѣней, очевидно, не потому, чтобы онъ не имѣлъ относительно этого какихъ бы то ни было убѣжденій, а напротивъ, въ силу ложнаго убѣжденія, что всѣ тѣни черны; онъ, слѣдовательно, все-таки приступалъ къ наблюденію съ предвзятымъ мнѣніемъ, а не безъ него. То же самое относится и ко всѣмъ приводимымъ имъ примѣрамъ этого рода. Да и едва-ли можно подыскать примѣръ заблужденія отъ отсутствія предвзятаго мнѣнія, потому что самое отсутствіе это немислимо. Человѣкъ всегда приступаетъ къ изслѣдованію съ предвзятымъ мнѣніемъ и, смотря по качеству послѣдняго, доходитъ то до гениальнаго открытія, то до невообразимой нелѣпости. Если читатель не согласится съ этимъ, то только потому, что въ умѣ его съ выраженіемъ „предвзятое мнѣніе“ ассоціировалось представленіе о чемъ-то несостоятельномъ и неизбежно ложномъ, что, разумѣется, невѣрно. Предвзятое мнѣніе обуславливается двумя элементами: во-первыхъ, запасомъ предвѣдущаго, бессознательно или сознательно приобретеннаго опыта и, во-вторыхъ, высотой нравственнаго уровня изслѣдователя. И если этотъ нравственный уровень достаточно высокъ, а предварительная умственная работа была достаточно сильна, то нѣтъ причины опасаться за состоятельность предвзятаго мнѣнія. Бѣконъ, наивно-грубо и, принимая въ соображеніе его личныя качества, даже нѣсколько безсовѣстно гово-

рить: „если мужъ зрѣлаго возраста, *неподкупныхъ чувствъ*, посвященной души, обратить свой умъ на опытъ и частности, то отъ него можно будетъ ожидать многого“. (Либихъ. Фр. Бэконъ Веруламскій и методъ естествознанія). Вы натуралистъ. Передъ вами развертывается безконечная цѣпь явленій природы, но вы останавливаетесь на одномъ изъ звѣнцевъ этой цѣпи, и тѣмъ самымъ задаете себѣ извѣстный частный вопросъ. Почему вы остановились именно передъ такимъ фактомъ, а не передъ другимъ и задали себѣ именно этотъ вопросъ, а не тотъ? Потому что накопленный вами до этого момента опытъ позволяетъ вамъ предугадать отвѣтъ, и существованіе предвзятаго мнѣнія сказывается уже въ томъ простомъ обстоятельстве, что вы обратили вниманіе на явленіе. „Даже въ наукѣ чисто опытной—говоритъ Милль (Система логики)—необходимъ поводъ произвести одинъ опытъ предпочтительно передъ другимъ. Отвлеченно, пожалуй, всѣ произведенные опыты *могли бы* быть сдѣланы по одному побужденію узнать, что именно случится въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, безъ всякаго предварительнаго предположенія относительно результата. Но на дѣлѣ эти не очевидные, тонкіе и часто затруднительные и скучные процессы опыта, бросившіе наибольшій свѣтъ на общій складъ природы, едва-ли были бы предприняты тѣми лицами, которыя ихъ исполнили, или въ то время, когда они ихъ исполнили, еслибы не казалось, что отъ этихъ опытовъ зависитъ то, будетъ ли принята или нѣтъ какая-либо общая теорія, предложенная, но еще не доказанная“. Человѣкъ находитъ только то, что ищетъ, и еслибы можно было предположить, что люди ничего не ищутъ, то они ничего и не нашли бы. Если человѣкъ аккуратно ведетъ свою умственную прихода-расходную книгу, если онъ угадалъ, что запасъ его знаній достаточенъ для отвѣта на заданный имъ себѣ вопросъ—онъ побѣдилъ; если его прежнія знанія ошибочны или ихъ недостаточно—онъ побѣжденъ. Такъ побѣждены были метафизическія теоріи, гонявшіяся за невозможнымъ, задававшія себѣ такіе вопросы, на которые для человѣка нѣтъ отвѣта. Такъ побѣждены были Морей и авторъ „*Metamorphosis natu-*

galis“, приступавшіе къ наблюденію съ предвзятымъ мнѣніемъ, основаннымъ на недостаточномъ званіи. Такъ изъ двухъ микроскопистовъ, наблюдающихъ одно и то же явленіе, но придерживающихся различныхъ теорій, псбѣжденъ, по крайней мѣрѣ, одинъ, а можетъ быть и оба. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, побѣда зависитъ не столько отъ обширности знаній, сколько отъ особенныхъ качествъ ума изслѣдователя. Что же касается до втораго элемента предвзятаго мнѣнія, т. е. до нравственнаго уровня, то, не столь очевидный въ естествознаніи, онъ даетъ себя особенно чувствовать въ социологіи. Такъ-какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ необходимымъ, но и съ желательнымъ, то въ поставляемыхъ нами себѣ цѣляхъ, предвзятое мнѣніе необходимо осложняется нравственнымъ элементомъ. Кромѣ истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнѣніе социолога должно отразить въ себѣ его идеаль справедливости и нравственности, и смотря по высотѣ этого идеала онъ болѣе или менѣе приблизится къ пониманію смысла явленій общественной жизни. Едва только естествоиспытатель намѣтилъ явленіе, желая подвергнуть его наблюденію, воображеніе его уже комбинируетъ усвоенныя имъ предварительно данныя съ подлежащимъ изслѣдованію фактомъ, и онъ приступаетъ къ наблюденію съ готовымъ уже въ общихъ чертахъ рѣшеніемъ. Если предварительно усвоенныя данныя стоятъ прочно, то и рѣшеніе его вѣрно; если нѣтъ—онъ находитъ птицу въ яковинѣ и человеческое лицо на куколкѣ бабочки. Но для социолога этого мало. Морей, добросовѣстно наблюдая „уточекъ“, вслѣдствіе ложнаго предвзятаго мнѣнія видѣлъ въ нихъ птицъ. Славянофиль, положимъ, тоже добросовѣстно изучая до-петровскую Россію, вслѣдствіе не менѣе ложнаго предвзятаго мнѣнія не видитъ въ ней тѣевыхъ сторонъ. Морею могли бы помочь только здравыя понятія о взаимной зависимости естественныхъ фактовъ. Славянофила могли бы спасти отъ заблужденія не только трезвыя взгляды на взаимную связь историческихъ явленій, но и общественный идеаль болѣе высокій, нежели состояніе допетровской Руси, а для выработки такого идеала требуется из-

вѣстный нравственный уровень. Объ этомъ, впрочемъ, еще рѣчь впереди, а здѣсь съ насъ довольно того факта, что предвзятое мнѣніе неизбѣжно играетъ весьма значительную роль въ нашихъ изслѣдованіяхъ, какъ бы мы безпристрастны ни были. Сѣтовать на это нечего, вопервыхъ, уже потому, что это неизбѣжно, а вовторыхъ, потому, что если предвзятое мнѣніе ведетъ весьма часто къ неполнымъ и ошибочнымъ наблюденіямъ и умозаключеніямъ, то имъ же обуславливается и дальнѣйшее движеніе науки впередъ. Отказаться отъ предвзятаго мнѣнія, значитъ отказаться отъ всего своего умственного и нравственного капитала, что и невозможно и было бы невыгодно, если даже допустить возможность такого самоотреченія. Нужно только имѣть въ виду, что предвзятое мнѣніе должно, какъ говоритъ Спенсеръ, вытекать изъ установившихся и истинныхъ теорій.

Возвращаясь опять къ вышеприведеннымъ ошибкамъ Спенсера, мы видимъ, что онъ неменѣе грубы, чѣмъ ошибки Морей и автора „*Metamorphosis naturalis*“, хотя первыя касаются не непосредственныхъ наблюденій. Морей наблюдалъ усоногихъ подъ вліяніемъ народнаго повѣрья, и нашелъ нѣчто невозможное. Но народное повѣрье составляло только ближайшую причину его заблужденія, и онъ не поддался бы ему, если бы не думалъ, что странная метаморфоза усоногаго въ птицу возможна; доступный ему кругъ фактовъ не опровергалъ этой возможности, и онъ поддался вліянію народнаго предрасудка. Точно такъ же и Спенсеръ. Онъ разсуждаетъ о полезномъ и прекрасномъ и о задачахъ искусства съ заранѣе готовымъ рѣшеніемъ, что въ историческомъ порядкѣ прекрасное слѣдуетъ за полезнымъ, и что искусство не должно изображать жизнь и стремленія настоящаго времени. Если онъ при этомъ видитъ въ усоногомъ птицу, то, принимая въ соображеніе обычную силу его мысли, мы должны придти къ заключенію, что два указанныхъ предвзятыхъ мнѣнія примыкаютъ къ нѣкоторому болѣе основному заблужденію, лежащему въ самомъ корнѣ его міросозерцанія. Обстричь вѣтви дерева—штука нехитрая, и ужь, во всякомъ случаѣ, отъ Спенсера мы могли бы этого ожидать. Другое дѣло срубить

самое дерево. Поэтому, какъ въ заблужденіи Морей насъ въ особенности долженъ интересовать вопросъ: какимъ образомъ ученый могъ поддаться влиянію народнаго предрасудка?—такъ и относительно ошибокъ Спенсера главнымъ образомъ любопытно знать: почему въ умѣ его установилось мнѣніе о томъ, что искусство должно передавать только жизнь прошлаго, и установилось до такой степени прочно, что мѣшаетъ ему отличить птицу отъ усоногаго. Словомъ, мы должны предположить, что карточный домикъ „Полезы и красоты“ есть только пристройка къ нѣкоторому неменѣе карточному, но болѣе обширному домику.

Этотъ обширный карточный домикъ есть соціологическая теорія Спенсера, и на ней-то мы и остановимся. Мы займемся собственно только однимъ обобщеніемъ Спенсера, но обобщеніемъ весьма широкимъ, захватывающимъ наиболѣе дорогія для человѣка вѣрованія и убѣжденія,—подведеніемъ подъ одинъ и тотъ же масштабъ законовъ явленій природы и общественной жизни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что аналогія между организмомъ естественнымъ и соціальнымъ, между развитіемъ органическимъ и общественнымъ прогрессомъ составляетъ одинъ изъ пунктовъ, наиболѣе интересующихъ Спенсера. Онъ возвращается къ ней при всякомъ удобномъ случаѣ не только почти во всѣхъ своихъ мелкихъ статьяхъ, но и въ „Основныхъ началахъ“ и въ „Основаніяхъ біологіи“ и въ опытѣ о воспитаніи, и на этой же идеѣ построена, безъ всякаго сомнѣнія, его „Соціальная статика“, въ русскомъ переводѣ еще несуществующая. Законы соціального прогресса составляютъ для него не болѣе, какъ частный случай общихъ, трансцендентныхъ законовъ развитія вообще, а потому читатель можетъ получить изъ нашей статьи понятіе не только о воззрѣніяхъ Спенсера на частный вопросъ первостепенной важности, но и объ одной изъ самыхъ любимыхъ общихъ идей его. Считаемъ, однако нужнымъ замѣтить, что соціологическая теорія Спенсера есть Ахиллесова пятка его философіи, и каковъ бы ни былъ результатъ, къ которому мы придемъ, онъ отнюдь не долженъ быть распространенъ на всѣ выводы Спенсера. Ахиллесова

же пятка эта требует въ настоящемъ случаѣ весьма тщательнаго обслѣдованія, потому что нѣкоторыя особенности мышленія и изложенія Спенсера могутъ скрыть отъ читателя несостоятельность его воззрѣній на задачи социологіи и его способовъ рѣшенія ихъ.

Спенсеръ излагаетъ свои мысли въ высшей степени спокойно и безстрастно, обставляетъ ихъ множествомъ примѣровъ изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей науки и жизни, причемъ обнаруживаетъ огромныя свѣдѣнія, и располагаетъ свои примѣры чрезвычайно искусно. Эти-то свойства его аргументаціи дѣлаютъ ее чрезвычайно опасною, и въ особенности для насъ русскихъ. Спенсеръ трактуетъ объ общественныхъ вопросахъ совершенно такъ же безстрастно, какъ о гипотезѣ туманныхъ массъ или о фазахъ развитія гидры. Мы къ этому не привыкли. Мы, къ счастью или къ несчастію, не доросли до объективнаго отношенія къ фактамъ общественной жизни, и субъективная точка зрѣнія сквозитъ въ каждой строкѣ, какъ нашихъ собственныхъ политическихъ писателей, такъ и большей части тѣхъ иностранныхъ авторовъ, съ которыми мы до сихъ поръ знакомились. Поэтому, встрѣчаясь съ спокойнымъ мыслителемъ, ищущимъ одной только голой и объективной истины, очевидно неподкапывающимся подъ чьи бы то ни было интересы, мы можемъ либо просто отвернуться отъ добытыхъ имъ неприятныхъ для насъ истинъ, или же слѣпо увлечься ихъ истинностью. И то, и другое, разумѣется, прискорбно. Мы и безъ того играемъ относительно Западной Европы роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству старомодныя шляпки. Въ то время, какъ мы еще дѣлимся на материалистовъ и спиритуалистовъ, передовая западная мысль, въ лицѣ Конта, Спенсера, и проч., стрицаетъ и ту, и другую систему. Въ то время, какъ въ нашемъ обществѣ то и дѣло раздаются упреки передовымъ людямъ въ атеизмъ,—позитивизмъ называетъ атеистовъ „самыми нелогическими теологами“ (выраженіе Конта и—совершенно независимо отъ него—одного изъ крайнихъ лѣвыхъ гегеліанцевъ). Легко можетъ быть, что нѣкоторые принципы позитивной социологіи перейдутъ къ намъ то-

гда, когда они уже падутъ въ Западной Европѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, напримѣръ, въ социологическихъ выводахъ Спенсера одна часть нашего мыслящаго общества можетъ увлечься грандіознымъ захватомъ явленій природы и общественной жизни въ руки одного великаго принципа; а другая—той научной санкціей, которую, повидимому, даетъ Спенсеръ существующему порядку. Притомъ же онъ обладаетъ такими знаніями и такъ ловко пускаетъ ихъ въ ходъ, что читатель невольно поддается ему и видитъ въ его выводахъ только непреоборимую истину. Аргументація Спенсера обыкновенно располагается по тому же плану, какой мы видѣли въ статьѣ „Польза и красота“. Онъ ставитъ положеніе, затѣмъ приводитъ возможно большее количество примѣровъ, подтверждающихъ его, и наконецъ, выдвигаетъ рациональное основаніе своему выводу. Слѣдуя этому плану изложенія, Спенсеръ подавляетъ читателя массой пояснительныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ. Мысль его оказывается чрезвычайно широкою, и читатель, поддавшись обаянію этой ширины, не замѣчаетъ проскальзывающаго кое-гдѣ недостатка глубины. Онъ едва успѣваетъ слѣдить за авторомъ, легко и свободно переносящимся изъ одной области въ другую, и вездѣ оказывающимся у себя дома. А между тѣмъ, авторъ только самымъ поверхностнымъ образомъ захватываетъ эти области и, самъ увлеченный стройностью своей формулы, стремится главнымъ образомъ доказать ея всеобъемлемость. Поэтому, когда онъ въ концѣ концовъ обращается къ дедукціи для подтвержденія индуктивнымъ путемъ добытой формулы, старается связать ее причинно съ нѣкоторымъ болѣе общимъ фактомъ, ему приходится только перефразировать свой первоначальный выводъ, еще требующій, по крайней-мѣрѣ, подтвержденія, если не доказательства, или же установить его на крайне шаткихъ основаніяхъ. Получается карточный домикъ, непрочности котораго читатель, находясь уже во власти мыслителя, легко можетъ не замѣтить.

II.

Что такое прогрессъ?

Выставивъ этотъ вопросъ, Спенсеръ замѣчаетъ, что слово „прогрессъ“ крайне неопредѣленно, потому что имъ обозначаются предметы чрезвычайно различные. Главное же неудобство этого слова состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что съ нимъ связано телеологическое понятіе: „всѣ явленія разсматриваются съ точки зрѣнія человѣческаго счастья; только тѣ измѣненія считаются прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся упрочить счастье человѣка, и считаются они прогрессомъ только потому, что способствуютъ этому счастью“. Телеологическій смыслъ слова „прогрессъ“ суживаетъ его значеніе, а потому „наша задача, говоритъ Спенсеръ, состоитъ въ томъ, чтобы проанализировать различные классы измѣненій, обыкновенно называемыхъ прогрессомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе классы, которые сходны съ ними, но прогрессомъ не считаются; при этомъ мы хотимъ разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ ихъ существенная природа, независимо отъ отношеній къ нашему благоденствію“. (Основныя начала, 159). Такъ Спенсеръ и дѣлаетъ въ своемъ опытѣ „Прогрессъ, его законъ и причина“, а, перенеся послѣдній почти цѣликомъ въ „Основныя начала“, во избѣжаніе сбивчивости, даже замѣняетъ слово „прогрессъ“ словомъ „развитіе“ (evolution).

Итакъ, что такое развитіе? не развитіе человѣка или общества, животнаго или солнечной системы, дерева или человѣческаго языка, а развитіе вообще; каковы его трансцендентные законы? Для отвѣта на этотъ вопросъ Спенсеръ обращается прежде всего къ частному случаю, — къ развитію органическому. Открытія и изслѣдованія физиологовъ показали, что процессъ, которому подвергается яйцо при преобразованіи его въ животное, и сѣмя при переходѣ въ взрослое растеніе, состоитъ въ постепенномъ усложненіи. Бэръ формулировалъ законъ органическаго прогресса, какъ переходъ отъ простаго къ сложному, отъ

однороднаго къ разнородному, путемъ послѣдовательныхъ расчлененій или дифференцированій. Въ первую пору своего существованія зародышъ представляется относительно однороднымъ какъ по ткани, такъ и по химическому составу. Но съ теченіемъ времени въ немъ явственно обособляются сначала двѣ части, изъ которыхъ каждая дифференцируется въ свою очередь, и т. д. Этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока организмъ достигнетъ, наконецъ, кульминаціонной точки своего развитія, т.-е. усложненія. Это широкое и вполне научное обобщеніе Спенсеръ кладетъ въ основаніе обобщенія еще болѣе широкаго, хотя, какъ увидимъ, и не столь научнаго, какъ обобщеніе Бэра. „Законъ органическаго развитія—говорить онъ—есть законъ всякаго развитія. Касается ли дѣло развитія земли или развитія жизни на ея поверхности, развитія общества, государственнаго управленія, промышленности, торговли, языка, литературы, науки, искусства,—всюду происходитъ то же самое развитіе отъ простаго къ сложному путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Начиная отъ первыхъ сколько-нибудь замѣтныхъ космическихъ измѣненій до позднѣйшихъ результатовъ цивилизаціи, мы находимъ, что превращеніе однороднаго въ разнородное есть именно то явленіе, въ которомъ заключается сущность прогресса“.

Положеніе поставлено, и Спенсеръ начинаетъ, по обыкновенію, приводить многочисленные примѣры. Отъ развитія солнечной системы, очеркъ которой строится имъ на гипотезѣ туманныхъ массъ, онъ переходитъ къ геологическому развитію земли, къ развитію земной фауны и флоры, и затѣмъ, наконецъ, къ развитію рода человѣческаго, въ его индивидуальныхъ формахъ, расовыхъ и національныхъ группахъ и въ „соціальной организаціи“.

Нынѣ существующіе дикіе народы и нѣкоторыя отрывочныя свидѣтельства исторіи рисуютъ намъ первобытную культуру до-достаточно удовлетворительно. Въ первобытномъ обществѣ раздѣленіе труда почти не существуетъ. Оно, можетъ быть, нейдетъ дальше спеціализаціи мужскаго и женскаго труда. Но, затѣмъ, каждый членъ общества является одновременно охотникомъ,

рыбакомъ, оружейникомъ, вонномъ—словомъ, энциклопедистомъ по всѣмъ доступнымъ первобытному человѣку отраслямъ труда и знанія. Каждое семейство само удовлетворяетъ, своими собственными силами, всѣмъ своимъ потребностямъ. И потому, принимая въ соображеніе однородность физическихъ условій мѣстности, занятой кучкой первобытныхъ людей, мы видимъ, что вся эта кучка въ цѣломъ представляетъ почти идеальную однородность. Между членами ея нѣтъ большаго различія въ занятіяхъ, въ уровнѣ интеллектуальнаго развитія, въ физической силѣ, въ организаціи. Но съ теченіемъ времени общество дифференцируется на управляющихъ и управляемыхъ. Сначала это различіе не имѣетъ слишкомъ рѣзкаго характера. Вожди, предводители, какъ и предводимые, сами рубятъ дрова и ходятъ на охоту, сами строятъ свое жалкое жилище и готовятъ луки и стрѣлы. Но зерно разнородности уже залегло въ дѣвственной почвѣ первобытнаго общества и скоро власть вождей обращается въ наследственную. За вождями окончательно удерживается ихъ роль правителей, они перестаютъ работать сами, употребляя для этого рабовъ, приобретенныхъ войною или инымъ путемъ, а остающійся у нихъ такимъ образомъ досугъ идетъ на интеллектуальное развитіе. Своимъ чередомъ образуется власть духовная. Наше однородное общество распалось на управляющихъ и управляемыхъ, а управители — на управителей свѣтскихъ и духовныхъ. Общество стало разнороднѣе. На этой ступени дифференцірованіе не останавливается, и въ концѣ-концовъ образуется въ высшей степени сложная организація управленія. Мы доходимъ до нынѣшняго конституціоннаго типа, въ которомъ болѣе или менѣе строго разграничиваются власти законодательная, исполнительная, судебная со всѣми ихъ развѣтвленіями: монархъ, министры, палаты, суды, казначейства, полиція, администрація губернская и уѣздная, департаменты, отдѣленія и т. д. Духовная власть, находившаяся первоначально въ рукахъ равныхъ между собою лицъ, распределяется съ теченіемъ времени между патриархами, митрополитами, архіепископами, епископами и т. д. Нравы и обычаи, подъ вліяніемъ различія обще-

ственныхъ положеній, также утрачиваютъ свою однородность. Наука, уже дифференцировавшаяся отъ религіи и философіи, сама дробится на множество вѣтвей. Въ то же время происходитъ быстрое дифференцированіе и въ средѣ управляемыхъ. Подъ вліяніемъ экономическаго раздѣленія труда въ тѣсномъ смыслѣ, они распадаются постепенно на множество классовъ, занятыхъ какимъ-нибудь однимъ спеціальнымъ дѣломъ; такъ что мы доходимъ, наконецъ, до того, что рабочій дѣлаетъ только булавочныя головки или одно изъ колесъ часоваго механизма. Въ концѣ-концовъ трудно узнать первобытное однородное общество.

Далѣе Спенсеръ слѣдитъ за этимъ же переходомъ отъ однороднаго къ разнородному въ развитіи языка, письменности, искусствъ. Напримѣръ, поэзія, музыка и танцы составляли нѣкогда одно цѣлое. Израильтяне плясали и пѣли при сооруженіи золотого тельца. Пляска и игра на цимбалахъ сопровождали пѣніе торжественнаго Моисеева гимна на побѣду надъ египтянами. Въ Греціи, въ Римѣ и даже въ позднѣйшее время въ христіанскихъ странахъ хоръ плясалъ подѣ музыку. Но теперь мы видимъ, что эти три отрасли искусства совершенно дифференцировались. Мы имѣемъ молчаливый балетъ, въ которомъ музыка не имѣетъ почти никакого значенія; у насъ есть опера, въ которой мы слушаемъ только музыку и пѣніе или даже одно только пѣніе и гдѣ поэзія, въ собственномъ смыслѣ, играетъ роль болѣе чѣмъ сомнительную. И это еще такія сферы, гдѣ связь между тремя первичными элементами наиболѣе сохранилась. Кромѣ того, переходъ отъ однороднаго къ разнородному сказывается не только въ отдѣленіи этихъ трехъ искусствъ другъ отъ друга, но и въ послѣдовательныхъ дифференцированіяхъ, черезъ которыя прошло каждое изъ нихъ. Древняя поэма дифференцировалась въ этическую и лирическую. Первобытные ударные музыкальные инструменты въ родѣ барабана послѣдовательно замѣнились множествомъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. Первобытный хороводъ, развиваясь, распался на безчисленное количество различныхъ танцевъ.

Подводя всему этому итогъ, Спенсеръ видитъ полное торже-

ство своей формулы органическаго развитія, какъ прототипа всякаго развитія, какое мы себѣ только можемъ представить. Надо удивляться терпѣннѣю и искусству, съ которыми Спенсеръ, во всѣхъ возможныхъ явленіяхъ природы и общественной жпзни, слѣдитъ за элементами своей индукціи. Это очень поучительныя страницы, которыя мы съ удовольствіемъ выписали бы цѣликомъ, если бы у насъ не было впереди дѣла поважнѣе.

Какъ бы ни была исполнена эта часть труда Спенсера, читатель уже изъ немногихъ приведенныхъ нами примѣровъ долженъ убѣдиться, что его обобщеніе есть обобщеніе чисто эмпирическое. Спенсеръ на этомъ не останавливается и, установивъ индуктивнымъ путемъ законъ развитія, ищетъ затѣмъ его причину. Какъ истый позитивистъ, онъ прямо отказывается уловить эту причину, какъ нумень, какъ „вещь въ себѣ“ метафизиковъ. Онъ и здѣсь не идетъ дальше феноменальной стороны и только хочетъ свое эмпирическое обобщеніе поднять до уровня обобщенія рациональнаго. Если, разсуждаетъ онъ, переходъ отъ однороднаго къ разнородному представляетъ до такой степени общее явленіе, то онъ долженъ быть связанъ съ какимъ-нибудь рядомъ извѣстныхъ намъ фактовъ, которые, вслѣдствіе безконечнаго повторенія и ежедневнаго опыта, сами уже не требуютъ для себя доказательства, но могутъ быть признаны причиною развитія, т. е. перехода отъ однороднаго къ разнородному. Гдѣ же искать этой причины? Самое общее свойство всѣхъ видовъ развитія состоятъ въ томъ, что всѣ они представляютъ нѣкоторыя измѣненія, а слѣдовательно, причина развитія должна корениться въ нѣкоторыхъ характеристическихъ чертахъ измѣненій вообще. Эти характеристическія особенности всякихъ измѣненій, общія всѣмъ имъ, сводятся для Спенсера къ двумъ трансцендентнымъ законамъ. Первый изъ нихъ формулируется такъ: „Каждая дѣйствующая сила производитъ болѣе одного измѣненія, каждая причина производитъ болѣе одного дѣйствія“, или въ болѣе отвлеченномъ видѣ: „всякое измѣненіе сопровождается болѣе, нежели однимъ измѣненіемъ“. Спенсеръ полагаетъ, что этотъ основной законъ измѣненій находится къ за-

кону развитія въ такомъ же отношеніи, какъ законъ тяготѣнія къ законамъ Кеплера. Аргументація Спенсера на этомъ пунктѣ понятна и безъ тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, которыми онъ добросовѣстно обременяетъ свое изложеніе. Дѣло-то все въ томъ, что если каждое измѣненіе сопровождается болѣе нежели однимъ измѣненіемъ, то это должно вести все къ большому и большому усложненію результатовъ. Второй законъ, заключающій въ себѣ причину развитія, есть слѣдующій: „условія однородности суть условія неустойчиваго равновѣсія“. Этотъ второй законъ Спенсеръ опять подтверждаетъ примѣрами изъ міра физическаго и соціальнаго. И тѣмъ завершается все зданіе, построенное такъ тщательно и съ такимъ искусствомъ, что подъ него, кажется, иголки не подточить. Въ исходной точкѣ отброшены элементы, могущіе оказать вредное вліяніе на ходъ изслѣдованія; фактовъ собрано множество и методы индуктивный и дедуктивный взаимно пополняютъ и повѣряютъ другъ друга. Въ цѣломъ получается работа, повидимому, мастерская, по тщательности отдѣлки деталей и по ширинѣ обобщенія, охватывающаго весь міръ отъ явленій астрономическихъ и геологическихъ, до жизни и твореній человѣка.

Но если вы поближе взгляните въ это величественное, совершенно симметрическое и украшенное всевозможными орнаментами зданіе, то увидите, что, по отношенію къ занимающимъ насъ соціологическимъ вопросамъ, въ этомъ зданіи требуется сдѣлать весьма существенныя поправки; до такой степени существенныя, что послѣ нихъ дедуктивная сторона изслѣдованія окажется, по крайней мѣрѣ, безсодержательною, индуктивный процессъ неполнымъ и потому результаты его ошибочными, а исходная точка, тщательно охраняемая отъ вторженія телеологическаго элемента — ложною. Мы знаемъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, мы не забыли, что Спенсеръ есть „одинъ изъ самыхъ мощныхъ дѣятелей, какихъ до сихъ поръ производила англійская мысль“, и потому желали бы быть какъ можно сдержаннѣе и осторожнѣе. Да пошлетъ намъ судьба столько же терпѣнія и искусства, сколько она даровала Спенсеру для постройки его

грандіознаго обобщенія, которому самъ онъ придаетъ весьма важное значеніе. Мы боимся главнымъ образомъ запутаться въ *embarras de richesses* слабыхъ пунктовъ аргументаціи Спенсера.

Начнемъ съ конца, т. е. съ двухъ основныхъ законовъ, причинно обусловливающихъ развитіе. Для уясненія ихъ значенія возьмемъ на удачу одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ Спенсеромъ для утвержденія ихъ индуктивнымъ путемъ. Вы зажигаете свѣчку, т.-е. прилагаете къ фитилю ея силу нѣкоторой посторонней теплоты. Начинается рядъ разнообразныхъ химическихъ и физическихъ явленій: образуется углекислота, вода, появляется свѣтъ, химическій процессъ развиваетъ теплоту, образуется струя разгоряченныхъ газовъ, новые токи воздуха; каждый изъ этихъ результатовъ даетъ новые, все болѣе сложные: углекислота, отдѣлившаяся при горѣннн, соединяется съ какимъ нибудь новымъ основаніемъ или вновь разлагается, чтобы выдѣлить свой углеродъ листьямъ растений и т. д. Такимъ образомъ, — разсуждаетъ Спенсеръ, — одна сила приложенной первоначально къ свѣчкѣ теплоты производитъ множество измѣненій, множество дѣйствій. Но она производитъ ихъ, очевидно, только благодаря разнородности среды и состава свѣчки и фитиля; не будь этой разнородности, и сила не произвела бы даже и одного дѣйствія. Эту послѣднюю комбинацію намъ, живущимъ уже въ готовой разнородной средѣ, которая и мыльоны лѣтъ тому назадъ была уже разнородною, трудно себѣ представить. Но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что количество измѣненій, производимыхъ нѣкоторою силою въ нѣкоторомъ тѣлѣ, обуславливается степенью разнородности какъ этого тѣла, такъ и окружающей среды. Уменьшая постепенно, съ одной стороны, разнородность тѣла, на которое непосредственно обращено дѣйствіе силы, и разнородность среды, въ которой происходитъ это дѣйствіе, мы будемъ получать все менѣе и менѣе сложные результаты; такъ что, дойдя до полной однородности, т. е. слитія среды съ тѣломъ, мы, пуская въ ходъ все ту же силу, не получимъ ни одного измѣненія. Эту комбинацію, повторяемъ, намъ трудно себѣ представить. Но возьмемъ простое химическое тѣло,

неокисляющееся не при какихъ извѣстныхъ намъ условіяхъ и, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ уединенное до извѣстной степени отъ вліянія разнородности среды,—золото, и подвергнемъ его дѣйствию одной силы высокой температуры. Мы получимъ только одно измѣненіе или, по крайней мѣрѣ, только одинъ видъ измѣненій,—золото придетъ въ жидкое состояніе, т.-е. въ немъ произойдетъ нѣкоторое перемѣщеніе частицъ. Возьмите, наоборотъ, тѣло разнородное, сложное химическое соединеніе—и сила высокой температуры въ обыкновенной воздушной средѣ произведетъ нѣсколько дѣйствій: тѣло, можетъ быть, расплавится, разложится, затѣмъ элементы его могутъ соединиться съ кислородомъ воздуха и полученные такимъ образомъ окислы опять произведутъ какія нибудь дѣйствія на окружающіе предметы. Но здѣсь мы имѣемъ, вопервыхъ, разнородное вещество, а вовторыхъ, не одну силу теплоты, а кромѣ того силу химическаго сродства. Такимъ образомъ, законъ—одна причина производитъ нѣсколько дѣйствій—долженъ быть въ сущности сведенъ къ истинѣ гораздо менѣе широкой и гораздо менѣе цѣнной: нѣсколько причинъ производятъ нѣсколько дѣйствій. Съ извѣстной точки зрѣнія, вѣрна и первая формула; но такъ-какъ законъ нарастанія дѣйствій обуславливается присутствіемъ уже готовой разнородности среды, то вывести изъ него законъ развитія, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному, нѣтъ никакой возможности. Причина производить болѣе одного дѣйствія только въ разнородной средѣ, а такъ-какъ среда, въ которой мы живемъ и наблюдаемъ всевозможныя явленія, разнородна, то въ ней обыкновенно дѣйствительно имѣетъ мѣсто означенный законъ. Мы говоримъ „обыкновенно“, потому что самая разнородность среды можетъ быть такъ подогнана, что сила произведетъ только одно дѣйствіе, или ни одного дѣйствія, или, наконецъ, нѣсколько силъ не произведутъ ни одного или только одно измѣненіе. Но за всеѣмъ тѣмъ, законъ развитія, какъ переходъ однороднаго въ разнородное, остается такимъ же эмпирическимъ закономъ, какимъ онъ былъ и до установленія перваго основнаго закона измѣненій. Спенсеръ говоритъ: „если гипотеза туманъ-

ныхъ массъ будетъ когда нибудь подтверждена, намъ станетъ яснымъ, что вся вселенная вообще, такъ же, какъ и всякій организмъ, была нѣкогда однородна“ (Опыты, I, 57). Если это когда нибудь случится, то намъ станетъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неяснымъ, какимъ образомъ эта однородная вселенная распалась на существующій разнородный міръ. По крайней мѣрѣ, Спенсеровъ законъ измѣненій не поможетъ намъ здѣсь ни на волосъ. Въ этой однородной вселенной не было, конечно, разнородной среды, иначе она не была бы однородной вселенной, а Спенсеровъ основной законъ измѣненій справедливъ только для разнородной среды. Пусть въ разнородной средѣ однородное (собственно болѣе или менѣе разнородное) переходитъ въ разнородное. Но, отправляясь отъ какого бы то ни было частнаго факта и постепенно восходя все выше и выше, мы все-таки натолкнемся на вопросъ: откуда же взялась разнородная среда? Задавая этотъ вопросъ, мы не приглашаемъ Спенсера стать на онтологическую точку зрѣнія и не становимся на нее сами. Мы не требуемъ отъ него объясненія генезиса вещей, не просимъ рассказать намъ, какъ и почему явилась однородная вселенная. Но какимъ образомъ однородная вселенная превратилась въ разнородную,—это именно поставленная имъ себѣ задача. И однако его законъ измѣненій, при помощи котораго онъ рѣшаетъ эту задачу, имѣетъ мѣсто только уже при существованіи разнороднаго міра. Мы видимъ поэтому, что законъ, по которому всякое измѣненіе сопровождается болѣе нежели однимъ измѣненіемъ, будучи условно вѣрнѣе, отнюдь не можетъ служить доказательствомъ эмпирически найденной формулы развитія, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному. Можетъ ли быть найдено рациональное основаніе этой формулы, или она составляетъ для нашего ума предѣлъ его же не преѣдши,—это другой вопросъ. Но Спенсеръ такого основанія не даетъ, и та доля истины, которая заключается въ его основномъ законѣ измѣненій, ничего по этому пункту не объясняетъ и не доказываетъ.

Къ тому же результату приводитъ анализъ и другаго закона Спенсера—неустойчивости однороднаго. Свой первый основ-

ной законъ Спенсеръ доказываетъ только индуктивнымъ путемъ признавая его такимъ образомъ выраженіемъ конечнаго факта, который не можетъ быть сведенъ къ факту болѣе общаго характера; тогда какъ законъ неустойчивости однороднаго доказывается имъ и путемъ вывода и путемъ наведенія. Вслѣдствіе этого безсодержательность этого втораго закона выступаетъ ярче.—Какъ бы хорошо ни были устроены вѣсы и какъ бы ихъ ни старались предохранить отъ грязи, пыли и ржавчины, обѣ чашки невозможно удержать въ состояніи полнаго равновѣсія: онѣ будутъ постоянно колебаться и, слѣдовательно, усвоивать разнородныя отношенія; такимъ образомъ въ этомъ случаѣ однородное оказывается механически неустойчивымъ и стремится къ разнородности. Другой примѣръ. Нагрѣйте кусокъ металла такъ, чтобы онъ былъ раскаленъ равномерно по всѣмъ своимъ частямъ; когда этотъ раскаленный кусокъ металла начнетъ охлаждаться, то его первоначальная термическая однородность окажется неустойчивою, потому что наружные слои, охлаждаясь быстрѣе внутреннихъ, будутъ отъ нихъ отличаться, и т. д. Такъ или иначе, химическимъ путемъ или электрическимъ, механическимъ или термическимъ, но равновѣсіе однороднаго нарушается.—Читатель, основываясь на этихъ примѣрахъ, подобранныхъ вообще очень ловко, можетъ придать закону Спенсера слишкомъ большое значеніе, можетъ даже забѣжать впередъ и, противопоставляя однородное разнородному, можетъ признать условія разнородности условіями устойчиваго равновѣсія. Дѣйствительно, если мы на одну изъ чашекъ вѣсовъ положимъ гирю, вслѣдствіе чего отношенія чашекъ будутъ разнородны, то коромысло приметъ нѣкоторое наклонное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чашки перестанутъ колебаться, т. е. равновѣсіе получится устойчивое. Но нетрудно подобрать примѣры противоположнаго свойства, сравнивая, на примѣръ, устойчивость стола съ четырьмя ножками съ устойчивостью того же стола, когда одна изъ его ножекъ короче или совсѣмъ выдернута. Но не въ томъ дѣло. Спенсеръ, разумѣется, очень хорошо понимаетъ, что если однородное неустойчиво, то тѣмъ неустойчивѣе въ

большинствѣ случаевъ должно быть разнородное, и разъясненіе этого обстоятельства необходимо для его собственной аргументаціи. За нѣсколько страницъ передъ установленіемъ закона устойчивости однороднаго, Спенсеръ трактуетъ о зависимости, существующей между степенью сложности химическихъ соединений и ихъ устойчивостью предъ дѣйствіемъ высокой температуры. Простыя тѣла, неразложимыя наличными средствами химіи, обладаютъ *наибольшою устойчивостью*, они же представляютъ и полную химическую *однородность*. Закиси, щелочи и земли, составъ которыхъ уже болѣе разнороденъ, менѣе устойчивы нежели элементы, но представляютъ собою самыя устойчивыя изъ сложныхъ тѣлъ. Еще болѣе разнородны окиси, перекиси и кислоты, затѣмъ соли, двойныя соли и т. д. представляютъ и большую неустойчивость. Эта пропорціональность между степенями неустойчивости и разнородности идетъ все crescendo, выражается все рѣзче и оканчивается на органическихъ соединеніяхъ, наиболѣе сложныхъ и наименѣе устойчивыхъ. „При равенствѣ другихъ условій,—заключаетъ Спенсеръ,—постоянство соединеній уменьшается по мѣрѣ возрастанія ихъ сложности“, или, наоборотъ, постоянство соединеній увеличивается по мѣрѣ ихъ упрощенія. Подобные факты, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено (напримѣръ, видъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ проще и однороднѣе организація составляющихъ его недѣлимыхъ), говорятъ скорѣе въ пользу существованія закона устойчивости однороднаго. Какъ только мы достигнемъ однородности вещества въ какомъ нибудь отношеніи, напримѣръ, въ химическомъ, такъ оно оказывается наиболѣе устойчивымъ, а слѣдовательно законъ неустойчивости однороднаго долженъ быть значительно суженъ. Но посмотримъ на доказательства Спенсера. Почему однородныя чашки вѣсовъ механически неустойчивы? Почему термически неустойчивъ кусокъ раскаленнаго металла? Потому, отвѣчаетъ Спенсеръ, что „разныя части какой нибудь однородной агрегаціи подвергаются дѣйствію различныхъ силъ,—силъ, которыя отличаются или по роду своему, или по своимъ размѣрамъ. Будучи же подвер-

гнуты дѣйствию разныхъ силъ, онѣ по необходимости будутъ и измѣняться различнымъ образомъ". Итакъ, для того, чтобы однородное оказалось неустойчивымъ, разные части его должны быть подвергнуты дѣйствию разныхъ силъ, чего, разумѣется, можетъ и не быть. Но, собственно говоря, и этого мало; возможны такіе случаи, когда и при дѣйствию разныхъ силъ на разные части однородной агрегации, она обнаруживаетъ замѣчательную устойчивость. Спенсеръ самъ приводитъ одинъ таковой примѣръ, причемъ даже очень наивно сознается въ безсодержательности своего закона. Дѣло идетъ о нѣкоторыхъ простѣйшихъ животныхъ, именно о такъ - называемыхъ Амоба. Студенистое тѣло амебъ, за все время ихъ существованія, не обнаруживаетъ никакихъ дифференцировокъ, никакихъ признаковъ развитія или усложненія, слѣдовательно, тѣло амебы представляетъ однородную агрегацию, совершенно устойчивую и неимѣющую тенденціи къ разнородности. Это, говоритъ Спенсеръ, зависитъ отъ того, что форма амебъ безпрестанно и неправильно измѣняется: „то, что впоследствии составитъ внутреннюю часть, выходитъ теперь наружу и, какъ временный членъ, прилипаетъ къ какому нибудь предмету, котораго случайно коснулось; то, что теперь составляетъ часть поверхности, скоро будетъ втянуто, вмѣстѣ съ прилипшимъ къ ней атомомъ пищи, внутрь массы". „Нечего ждать, — заключаетъ Спенсеръ, — какого нибудь опредѣленнаго дифференцированія частей въ существахъ, не обнаруживающихъ никакой опредѣленной разницы въ положеніи своихъ частей" (Опыты, I, 116). Но что такое само дифференцированіе? — „появленіе различія между двумя частями вещества" (Основныя начала, 159). Подставивъ это опредѣленіе въ подчеркнутую нами фразу, мы получимъ слѣдующее: „нечего ждать появленія опредѣленнаго различія частей въ существахъ, не обнаруживающихъ никакого опредѣленнаго различія въ положеніи своихъ частей". Неужели это доводъ въ пользу общности перехода отъ однородности къ разнородности? Неужели законъ неустойчивости однороднаго дѣйствительно относится къ закону развитія такъ, какъ законъ тяготѣнія относится къ за-

конамъ Кеплера? Во всякомъ случаѣ многочисленныя и широкія исключенія изъ закона неустойчивости однороднаго даютъ намъ право скептически отнестись ко всѣмъ выводамъ Спенсера, вытекающимъ изъ этого принципа. Онъ говоритъ, на примѣръ: „Сообщите членамъ какого нѣбудь общества одинаковыя свойства, положенія и силы, и они тотчасъ же станутъ стремиться къ неравенству. Однородность, хотя бы она и продолжалась съ виду, въ дѣйствительности неминуемо исчезнетъ“ (Опыты, I, 113). Можетъ быть, но Спенсеръ не доказалъ этого. Мало того, у него самаго можно найти нѣкоторыя общія положенія, прямой выводъ изъ которыхъ наводитъ на діаметрально противоположныя соображенія. „Основныя начала“ въ русскомъ изданіи еще не окончены, но вотъ ссылка на нихъ въ „Основаніяхъ біологіи“: „Въ Основныхъ началахъ было указано (§ 123), что при равенствѣ прочихъ условій несходныя единицы легче отдѣляются другъ отъ друга дѣйствующею на нихъ силою, нежели сходныя; что, дѣйствуя на единицы, представляющія мало различія, сила нелегко разъединяетъ ихъ; но что разъединеніе совершается легко, если различіе между единицами значительно“ (Основанія біологіи, 3). Это значить, что нѣкоторое цѣлое, состоящее изъ сходныхъ единицъ, т.-е. цѣлое однородное, устойчивѣе другихъ цѣлыхъ, состоящихъ изъ единицъ несходныхъ. Исходя изъ этого принципа слѣдуетъ заключить, что еслибы намъ дѣйствительно удалось сообщить членамъ какого нѣбудь общества одинаковыя силы, свойства и положенія, то это общество отличалось бы замѣчательною устойчивостью; входящія въ составъ его совершенно сходныя единицы могли бы разъединиться съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ еслибы въ силахъ, положеніяхъ и свойствахъ ихъ была значительная разница. И если замѣчаніе Спенсера о стремленіи къ неравенству членовъ какого бы то ни было общества согласно съ существующими фактами и можетъ быть подтверждено многочисленными примѣрами изъ исторіи человѣчества, то только потому, что въ дѣйствительности мы еще не видали такого соціального строя, въ которомъ индивидуальныя элементы находились бы

въ состояніи полного равновѣсія. О принципахъ такого идеальнаго строя намъ говорить не приходится, хотя далѣе и понадобится вѣроятно ихъ отчасти коснуться. Но для всякаго очевидно, что они должны тяготѣть къ однородности. И что бы ни говорилъ Спенсеръ о неустойчивости однороднаго, онъ именно въ однородности долженъ искать основаній для устойчиваго общественнаго равновѣсія. Это видно уже изъ того, что въ числѣ признаковъ научнаго развитія древней Греціи онъ считаетъ „не только возрастающую ясность въ понятіи равенства, на которомъ основана соціальная наука, но и нѣкоторое признание того факта, что соціальная устойчивость зависитъ отъ поддержанія справедливыхъ учреждений“ (I, 341). Положимъ, что справедливость есть терминъ, въ обиходномъ употребленіи довольно двусмысленный и даже многосмысленный, получающій значеніе только по той реальной подкладкѣ, которая подъ него вкладется каждымъ вѣкомъ, каждымъ народомъ и каждымъ сословіемъ; и для ближайшаго опредѣленія смысла выраженія Спенсера слѣдуетъ подождать его Соціальной Статики. Но если мы и теперь просто подставимъ конкретные факты въ цитированную выше отвлеченную формулу (изъ Основныхъ Началъ), то получимъ слѣдующее: если сила стремленія къ личному благосостоянію дѣйствуетъ на вполнѣ сходныя единицы, то антагонизма между ними быть не можетъ, тогда какъ та же сила, будучи приложена къ разнородному обществу, состоящему изъ единицъ несходныхъ, необходимо произведетъ въ нихъ борьбу и дальнѣйшее стремленіе къ неравенству. Спенсеру, придающему такое значеніе аналогіи между организмомъ естественнымъ и общественнымъ, стоило бы, для пріисканія условій устойчиваго соціальнаго равновѣсія, только обратиться къ организаци тѣхъ самыхъ амебъ, тѣло которыхъ не обнаруживаетъ никакого опредѣленнаго различія въ положеніи своихъ частей.

Въ концѣ-концовъ къ закону неустойчивости однороднаго, какъ къ причинѣ развитія, приложимы тѣ же возраженія, какія имѣютъ мѣсто относительно перваго основнаго закона измѣненій. Положимъ, что въ существующемъ разнородномъ мірѣ одно-

родное неустойчиво. Но оно неустойчиво только потому, что, во первых, имѣетъ различнымъ образомъ опредѣленныя части (что собственно исключаетъ понятіе однородности), а во вторыхъ, на него дѣйствуютъ различныя силы, т.-е. разнородность среды. Чѣмъ сходнѣе положеніе частей и чѣмъ менѣе среда разнородна, тѣмъ однородное устойчивѣе. И если мы представимъ себѣ наконецъ совершенно однородную вселенную, т.-е. отсутствіе какъ различія въ положеніи ея частей, такъ и разнородной среды, то мы найдемъ ее непреодолимо устойчивой. Но даже не поднимаясь до однородной вселенной, трудно признать философское значеніе за положеніемъ: разнородность есть причина перехода отъ однородности къ разнородности. Законъ неустойчивости однороднаго, объясненный такимъ образомъ, имѣетъ свою условную цѣну, но причинно связать съ нимъ законъ развитія нельзя подъ страхомъ впасть въ *petitio principii*. Можетъ быть, повторяемъ, законъ развитія есть фактъ конечный, выше котораго мы не въ состояніи подняться; можетъ быть, для объясненія мировыхъ явленій слѣдуетъ подступать къ нимъ съ какой-либо другой стороны, допускающей болѣе общій и удовлетворительный принципъ. Но во всякомъ случаѣ, два основныхъ закона Спенсера недостаточны для объясненія развитія, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному. И слѣдовательно, первоначальное обобщеніе Спенсера не поднимается выше уровня эмпириі, не связывается съ какимъ бы то ни было болѣе общимъ и очевиднымъ фактомъ, который можно бы было принять за причину развитія. Но если такъ, если законъ развитія, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному, есть законъ эмпирическій, справедливый только при существованіи извѣстныхъ условій, которыхъ можетъ и не быть, то можно представить себѣ цѣлый рядъ измѣненій, происходящихъ въ обратномъ порядкѣ, т.-е. переходя отъ разнороднаго къ однородному. Этого и самъ Спенсеръ отрицать не можетъ, потому что въ числѣ обширныхъ поправокъ и дополненій, которыя онъ дѣлаетъ къ своему первоначальному изложенію хода всякаго развитія и о которыхъ рѣчь будетъ ниже,—онъ отводитъ значительное мѣсто процессу

„интеграціи“, т.-е. процессу слитія, въ противоположность разъединительному процессу дифференцированія.

Если такъ неудачны попытки Спенсера доказать свой законъ развитія путемъ дедукціи, то нельзя того же сказать о его индуктивныхъ доказательствахъ. Здѣсь онъ развертываетъ всю свою громадную эрудицію, и даже монотонность и однообразіе его аргументаціи не утомляютъ читателя. Въ маленькомъ опытѣ „Граціозность“ Спенсеръ чрезвычайно остроумно (впрочемъ, не ново, потому что объясненіе это дано еще Адамомъ Смитомъ въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“) объясняетъ то пріятное чувство, которое въ насъ возбуждается зрѣлищемъ граціозныхъ движеній, граціозныхъ позъ, граціозныхъ формъ. Мы невольно раздѣляемъ всѣ мышечныя ощущенія, испытываемыя окружающими насъ людьми, а такъ какъ граціозныя движенія суть тѣ, которыя совершаются съ наибольшою экономіей силъ, наиболѣе легко и свободно; то и въ насъ видъ легкихъ и свободныхъ движеній возбуждаетъ пріятное чувство. Совершенно такое же пріятное состояніе духа овладѣваетъ читателемъ сочиненій Спенсера; онъ вполне обладаетъ тѣмъ, что можно бы было назвать умственной граціозностью, что свидѣтельствуетъ какъ о силѣ его ума, такъ и объ обширности его познаній. Онъ не приискиваетъ фактовъ для подтвержденія своихъ положеній и выводовъ: они точно сами, одинъ за другимъ, въ стройномъ порядкѣ, длинной вереницей ложатся подъ его перо; вы не найдете тутъ и слѣдовъ какихъ-нибудь усилій, какой-нибудь нравственной или умственной муки, все ясно, свѣтло, все на своемъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе и въ индуктивной части изслѣдованія прогресса есть одинъ слабый пунктъ, представляющій нѣчто въ высшей степени странное и вмѣстѣ съ тѣмъ въ столь же высокой степени поучительное. Этотъ пунктъ есть очеркъ соціальнаго развитія, который именно и составляетъ предметъ нашей статьи. То, что мы говорили до сихъ поръ, имѣетъ для насъ значеніе только по отношенію къ послѣдующему. Намъ нужно было распатать нѣкоторыя основныя положенія Спенсера, служащія ему орудіемъ дедуктивнаго подтвержденія его формулы прогресса,

для того, чтобы облегчить свою задачу: обнаружить основное социологическое заблужденіе Спенсера и затѣмъ добраться до той исходной точки, которая его ввела въ заблужденіе.

Теперь мы можемъ обратиться къ самой формулѣ органическаго прогресса, какъ прототипа всякаго развитія, лишенной уже своего характера необходимости. Но прежде отмѣтимъ одно мелкое, но любопытное обстоятельство. Нѣсколько разъ обращаясь къ исторіи развитія общества, Спенсеръ вездѣ говоритъ просто, что первая стадія этого развитія есть дифференцированіе на управляющихъ и управляемыхъ, но не упоминаетъ о томъ, какъ и вслѣдствіе какихъ причинъ произошло это распаденіе. Это обстоятельство можетъ ввести не совсѣмъ внимательнаго читателя въ заблужденіе и послужить для него подтвержденіемъ закона неустойчивости однороднаго. Воззрѣнія Спенсера на этотъ законъ крайне смутны и трудно формулируются. Въ одномъ случаѣ онъ объясняетъ его воздѣйствіемъ различныхъ силъ на различныя части вещества и, слѣдовательно, разнородностью среды. Въ другомъ, напротивъ, говоря о томъ, что первоначально совершенно однородная вселенная перешла къ разнородности, онъ устраняетъ присутствіе разнородной среды; и выходитъ такимъ образомъ, какъ будто бы однородное само по себѣ, независимо отъ окружающей среды, неустойчиво. Точно также и первобытное однородное общество вдругъ, безъ всякаго вѣшняго толчка, распадается на двѣ касты. Въ сущности дѣло такъ, разумѣется, произойти не могло, и категорія однороднаго, собственно говоря, при опредѣленіи первыхъ общественныхъ дифференцированій, должна быть оставлена совершенно въ сторонѣ. Говорить о первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія мы можемъ только гипотетически, и какую бы мы гипотезу ни приняли, она необходимо устраняетъ понятіе однородности. Если мы остановимся на гипотезѣ завоеванія, то это будетъ столбовеніе двухъ разнородныхъ національныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ обратится въ правящій классъ, а другой въ управляемый. Если мы предположимъ, что дифференцированіе управляющихъ и управляемыхъ разрослось изъ отеческой власти,—

то тѣмъ самымъ уже дана разнородность въ лицѣ болѣе опытнаго, физически сильнѣйшаго отца и менѣе опытныхъ и сильныхъ дѣтей и т. д. Это опять-таки ведетъ къ тому, что формула прогресса должна быть точнымъ образомъ выражена, какъ переходъ отъ менѣе разнороднаго къ болѣе разнородному. Для краткости и мы, впрочемъ, будемъ употреблять выраженіе: переходъ отъ однороднаго къ разнородному, подразумѣвая указанныя выше ограниченія.

III.

Спенсеръ неоднократно цитируетъ Исторію цивилизаціи Гизо, почерпая изъ нея аргументы для своихъ выводовъ и сравненій. Но онъ, повидимому, просмотрѣлъ въ ней одно, не лишнее интереса указаніе, именно указаніе на то, что есть два вида прогресса: прогрессъ общества и личное развитіе человѣка; что эти два вида прогресса не всегда безусловно совпадаютъ и въ сумму цивилизаціи входятъ иногда неравномѣрно. Слово „прогрессъ“ употребляется здѣсь въ общепринятомъ смыслѣ усовершенствованія на пути къ благу, въ смыслѣ, отъ котораго Спенсеръ отказывается, какъ отъ затрудняющаго изслѣдованіе. Какковы бы ни были заключенія и выводы Гизо, но въ его положеніи о двойственности прогресса есть своя доля правды. И какъ бы ни избѣгалъ Спенсеръ теологическаго смысла слова „прогрессъ“, въ его обзоръ всевозможныхъ видовъ развитія должна бы была войти либо оцѣнка и личнаго развитія и развитія общественнаго, либо указаніе на совпаденіе этихъ двухъ видовъ прогресса. Общество, личность идеальная, какъ прекрасно и достаточно подробно показалъ Спенсеръ, развивается подобно организму: переходитъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному, постепенно расчлняясь и дифференцируясь. Прекрасно. Но что въ это время дѣлается съ личностью реальною, — съ членомъ общества? Испытываетъ ли онъ на себѣ тотъ же процессъ развитія по типу органическаго прогресса?

Спенсеръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ мимоходомъ, но утвердительно. Мы постараемся отвѣтить подробнѣе, но отвѣтимъ отрицательно.

Первобытное общество представляетъ въ цѣломъ массу почти совершенно однородную. Всѣ члены его занимаются одними и тѣми же дѣлами, обладаютъ одними и тѣми же свѣдѣніями, имѣютъ одни и тѣ же нравы и обычаи. Но каждый изъ нихъ, отдѣльно взятый, вполнѣ разнороденъ: онъ и рыбакъ, онъ и охотникъ и пастухъ, онъ и лодки умѣть дѣлать, и оружіе, и жилище себѣ самъ строить и т. д. Словомъ, каждый членъ первобытнаго однороднаго общества совмѣщаетъ въ себѣ всѣ силы и способности, какія только могутъ родиться при тогдашнемъ уровнѣ культуры и мѣстныхъ физическихъ условіяхъ. Но вотъ происходитъ первое дифференцированіе общества на управляющихъ и управляемыхъ. Нѣсколько личностей являются извнѣ или обособляются изъ самой однородной массы и съ теченіемъ времени усваиваютъ образъ жизни, отличный отъ образа жизни остальныхъ членовъ общества; предоставляютъ мускульный трудъ другимъ, а сами постепенно обращаются въ специалистовъ нервной дѣятельности. Общество сдѣлало шагъ отъ однородности къ разнородности, но входящія въ составъ его недѣлимые перешли, напротивъ, отъ разнородности къ однородности. Мускульная система у однихъ стала развиваться въ ущербъ нервной системѣ, а у другихъ наоборотъ. Прежде каждый членъ общества умѣлъ строить жилища и ловить звѣрей, а теперь одна половина ихъ отвыкла отъ этихъ занятій, но за то научилась управлять, лечить, гадать и т. д. Слѣдующій шагъ къ соціальной разнородности есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ дальнѣйшей индивидуальной специализаціи, т.-е. однородности. Правящій классъ распадается на свѣтскихъ и духовныхъ правителей. Одни сосредоточиваютъ свои силы и способности главнымъ образомъ на войнѣ, а другіе на собственно интеллектуальной дѣятельности, въ предѣлахъ, допускаемыхъ уровнемъ культуры, и затѣмъ каждый изъ представителей того и другаго подкласса избираетъ себѣ все болѣе и болѣе узкія специальности. Это есть усложненіе, уве-

личение разнородности общества въ цѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ специализація, уменьшеніе разнородности въ каждомъ недѣльномъ. Нѣкоторыя силы и способности отъ долгаго неупотребленія въ цѣломъ ряду поколѣній какъ бы атрофируются, перестаютъ дѣйствовать, и это отзывается, разумѣется, и на физической организаціи. Спенсеръ и самъ въ Опытѣ о воспитаніи (въ главѣ „вырожденіе современныхъ поколѣній“) указываетъ на это обстоятельство. Но тамъ онъ ошибается, какъ бы утверждая, что исторія сдѣлала скачекъ отъ исключительно физической дѣятельности первобытныхъ людей къ исключительно нервной дѣятельности современныхъ высшихъ классовъ. Эти двѣ фазы развитія смѣнили другъ друга постепенно, путемъ длиннаго ряда дифференцированій, совокупность которыхъ представляетъ, по мнѣнію Спенсера, социальное развитіе или социальный прогрессъ. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность первобытныхъ людей исключительно состояла изъ физического труда. Это мнѣніе, весьма распространенное, въ сущности совершенно ложно. Если мы примемъ въ соображеніе неудовлетворительность первобытныхъ орудій для добыванія пищи, устройства жилища и т. д., тѣ опасности, среди которыхъ жилъ первобытный человѣкъ, то для насъ станетъ совершенно ясно, что мозгъ его долженъ былъ быть въ постоянномъ напряженіи, быть постоянно на сторожѣ, постоянно придумывать весьма трудныя для него комбинаціи, которыя въ настоящее время давно уже готовы и рѣшаются простымъ приложеніемъ механической силы. Умъ и тѣло человѣка первобытнаго работали одновременно и съ одинаковымъ напряженіемъ, и если мы, современные цивилизованные люди, не признаемъ этого, то только потому, что смотримъ на первобытное общество изъ прекраснаго далека, слишкомъ отъ него отличнаго. Современный цивилизованный человѣкъ, вообще говоря, физического труда не знаетъ, и потому ему кажется громаднымъ и всепоглощающимъ физическій трудъ первобытнаго человѣка; съ другой стороны современный цивилизованный человѣкъ обладаетъ такимъ количествомъ знаній, что умственная работа дикаря представляется ему ничтожною. Придумать топоръ

штука не хитрая, а вот дровъ нарубить такъ тяжело, — такъ разсуждаетъ современный цивилизованный человѣкъ, постоянно видящій топоры и никогда не рубящій дровъ. Естественно поэтому, что ему кажется, что мысль первобытнаго человѣка не работала вовсе и что вся жизнь его сводилась на трудъ физическій. Первобытный человѣкъ, какъ членъ однороднаго общества, до того поворотнаго пункта, на которомъ рѣзко обозначилось раздѣленіе труда, былъ личностью цѣлостною, личностью, въ которой умственная и физическая стороны находились во взаимной гармоніи. Другое дѣло кругъ его умственной дѣятельности; онъ не былъ и не могъ быть обширенъ. Каждый изъ членовъ первобытнаго общества обладалъ такими же свѣдѣніями и понятіями, какъ и всѣ остальные, но всѣ они имѣли свѣдѣнія весьма ограниченныя. Поэтому въ однородной массѣ первобытнаго общества недѣлимыя были вполнѣ разнородны, насколько это допускалось условіями мѣста и времени. Горизонтъ дѣятельности ихъ былъ небольшой, но представлялъ полный кругъ, замкнутую линію. Они были полными носителями современной имъ культуры. Съ дифференцированіемъ общества на управляющихъ и управляемыхъ, съ дифференцированіемъ, обусловившимъ развитіе общества, т.-е. переходъ общества отъ однороднаго и простаго къ разнородному и сложному, началось нарушеніе цѣлостности отдѣльныхъ личностей и переходъ ихъ отъ разнороднаго къ однородному. Дальнѣйшія распаденія правящаго класса имѣютъ тотъ же двойственный характеръ: вызываютъ разнородность въ общественномъ строѣ и, напротивъ, однородность и односторонность въ отдѣльныхъ личностяхъ.

Сравнивая затѣмъ первобытное состояніе общества съ современнымъ состояніемъ низшихъ классовъ, мы придемъ къ тому же результату. Возьмите работу дикаря съ одной стороны, и трудъ современнаго фабричнаго съ другой. Дикарь собирается построить себѣ жилище. Онъ самъ выбираетъ годныя для его цѣли деревья, самъ валить ихъ, самъ свозить на мѣсто, самъ дѣлаетъ срубъ и доканчиваетъ хижину. Хижину онъ, положимъ, навѣрное слѣпилъ очень плохую, но не въ томъ дѣло.

Во все время работы онъ жилъ полною жизнью. Въ то время какъ онъ потѣлъ и надрывался въ лѣсу, онъ работалъ не только физически; выборъ деревьевъ, мѣсто для провоза ихъ, мѣсто для постройки, — все это требуетъ извѣстной умственной напряженности. Кромѣ того, во все время работы дикарь думаетъ о своей будущей жизни въ той хижинѣ, надъ постройкой которой онъ бьется, о тѣхъ удобствахъ, которыми украсится его жизнь и жизнь его семьи; на эти мысли его наводитъ каждый уголь, каждая щель. Въ то же время онъ вноситъ въ планъ хижины свою убогую идею красоты и пускаетъ въ ходъ всѣ свои скудныя физико-математическія знанія. Словомъ, дикарь живетъ во время работы всѣмъ существомъ своимъ. Совершенно противоположную картину представляетъ работа современнаго фабричнаго въ тѣхъ областяхъ труда, которыя подверглись наибольшему числу дифференцированій. Напримѣръ, производство карманныхъ часовъ, по Беббеджу, состоитъ изъ ста двухъ отдѣльныхъ операций, по числу отдѣльныхъ частей часоваго механизма; такъ что изъ сотни людей, занятыхъ этимъ дѣломъ, каждый всю жизнь сидитъ надъ одними и тѣми же колесами или винтиками или зубчиками, и только мастеръ, складывающій разрозненныя части механизма, умѣетъ дѣлать что-нибудь, кромѣ своего спеціальнаго дѣла. Понятное дѣло, что это однообразіе занятія исключаетъ какую бы то ни было умственную дѣятельность, или по крайней мѣрѣ низводитъ ее до возможнаго minimum'a. Какъ говоритъ Шиллеръ: вѣчно возясь съ какимъ-нибудь обрывкомъ цѣлаго, человекъ и самъ превращается изъ цѣлаго въ обрывокъ. Въ тульскомъ оружейномъ заводѣ раздѣленіе труда доведено до такой степени, что мастеръ не только всю жизнь свою дѣлаетъ собачки, или курки, или сверлитъ стволы, но передаетъ свое мастерство дѣтямъ по наслѣдству. Постоянное и однообразное занятіе естественно должно выразиться не усложненіемъ, а упрощеніемъ организаціи, должно провести въ организмъ болѣе или менѣе глубокую, такъ сказать, борозду однородности, — которая и безъ того, въ силу наслѣдственной передачи особенностей организма, можетъ усвоиться потомст-

вомъ; а въ этомъ случаѣ естественный факторъ — наследственность усиливается содѣйствіемъ соціального фактора. Понятно поэтому, что въ ряду поколѣній тульскихъ оружейниковъ мы должны встрѣчать все болѣе и болѣе переходъ отъ разнородности къ однородности. Предки ихъ дѣлали все ружье, и потому должны были принимать въ соображеніе такія данныя, которыя совершенно ненужны и непригодны потомкамъ, только сверлящимъ стволы или дѣлающимъ бурки. Поэтому предки были разнороднѣе потомковъ, и въ то же время появленіе этихъ специалистовъ-потомковъ способствовало увеличенію разнородности общества, т.-е. его развитію.

Дѣлая свой очеркъ соціального развитія, Спенсеръ ссылается на труды экономистовъ, въ которыхъ съ достаточною подробностью описывается переходъ промышленной организаціи отъ однородности къ разнородности при помощи раздѣленія труда. Но Спенсеръ какъ будто забываетъ при этомъ, что если не цеховые экономисты, то нѣкоторые изъ ихъ противниковъ не менѣе подробно разсматривали двойственное значеніе раздѣленія труда, именно свойство его, придерживаясь терминологіи Спенсера, увеличивать разнородность общества и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшать разнородность рабочаго. Это двойственное значеніе раздѣленія труда было замѣчено довольно давно. Уже Ксенофонтъ утверждалъ, что нѣкоторые промыслы развиваютъ односторонность въ трудѣ, отчего притупляется умъ, теряющій способность охватывать явленіе болѣе или менѣе широко. Отрывочныя указанія этого рода можно найти и у Платона и другихъ мыслителей древности. Въ новѣйшее же время заключающаяся въ раздѣленіи труда антиномія обращала на себя вниманіе весьма часто. Что касается до двойственнаго значенія раздѣленія труда въ области мысли, умственной дѣятельности, то въ числѣ указывающихъ на него мы можемъ напомнить такія имена, какъ Бокля, Конта, а пожалуй отчасти даже самаго Спенсера. Въ сферѣ труда физическаго та сторона раздѣленія труда, которая упускается изъ виду экономистами, съ особеннымъ тщаніемъ разбиралась социалистами. Наконецъ не было недостатка

и въ болѣе широкой точкѣ зрѣнія. Въ „Системѣ экономиче-скихъ противорѣчій“ Прудона антиномичность раздѣленія труда разработана съ обычною силою этого великаго мыслителя. Шал-леръ посвятилъ этому вопросу нѣсколько блестящихъ страницъ въ своихъ письмахъ „объ эстетическомъ развитіи человѣка“. Товиль прямо говоритъ, что „ничто болѣе раздѣленія труда не способствуетъ пониженію духовной дѣятельности человѣка“. (La Democratie etc. I, 493). Въ прославившейся на святой Руси книгѣ добродушнаго и туповатаго буржуа Смайлса (ст. 290 перваго изданія), читатель найдетъ превосходную характеристику значенія раздѣленія труда, принадлежащую, впрочемъ, не самому Смайлсу. Словомъ, вопросъ этотъ не только давнымъ давно поставленъ, но съ фактической стороны уже и рѣшенъ людьми всѣхъ возможныхъ партій. Спенсеръ могъ уклониться отъ выраженія сочувствія или несочувствія къ субъективной и телеологи-ческой сторонѣ выводовъ вышеприведенныхъ изслѣдователей, но заявленный ими фактъ стоитъ твердо и непоколебимо и не под-лежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: раздѣленіе труда ведетъ обще-ство, агрегатъ недѣлимыхъ, отъ однородности къ разнородности, а отдѣльныхъ индивидуумовъ наоборотъ отъ разнородности къ однородности. Экономисты, на которыхъ ссылается въ этомъ случаѣ Спенсеръ, игнорируютъ этотъ фактъ, но съ ихъ спеці-альной точки зрѣнія (а эта точка зрѣнія сама представляетъ результатъ раздѣленія труда въ области мысли) фактъ этотъ дѣйствительно незамѣтенъ. Спенсеръ же ставитъ вопросы такъ широко, даже такъ слишкомъ широко, что необходимо долженъ былъ пополнить этотъ недосмотръ. Добросовѣстнѣйшіе политико-экономы сами сознаются (хотя на дѣлѣ часто забываютъ это), что ихъ точка зрѣнія чисто условная, что истины, добываемыя ими, только приблизительны, что „потомъ приближеніе должно быть исправлено принятіемъ въ расчетъ дѣйствій тѣхъ побуж-деній другаго рода (т.-е. побужденій, немогущихъ быть сведен-ными къ желанію богатства, на которомъ политическая экономія строить свои выводы), о которыхъ можетъ быть показано, что они вліяютъ на результатъ въ отдѣльномъ данномъ случаѣ“

(Милль). А такъ-какъ нельзя быть въ одно и то же время судьей, отвѣтчикомъ, прокуроромъ и адвокатомъ, то политической экономіи, усвоившей извѣстную спеціальную точку зрѣнія на явленія общественной жизни, весьма трудно дать требуемыя въ этомъ случаѣ поправки. Но если великъ недосмотръ экономистовъ, бездано и безошлинно пропускающихъ принципъ раздѣленія труда въ томъ видѣ, какъ его поставилъ Адамъ Смитъ, то тѣмъ поразительнѣе недосмотръ Спенсера. Онъ смотритъ на весь міръ съ высоты филозофскаго паренія, и тѣмъ не менѣе владеть во главу угла не только промышленной организаціи, какъ это дѣлаютъ экономисты, а всего общественнаго и даже міроваго строя принципъ раздѣленія труда въ его сыромъ и непереваренномъ видѣ. Къ ученію экономистовъ Спенсеръ находитъ нужнымъ сдѣлать только одно дополненіе, въ сущности уже отмѣченное самими экономистами. „Долго спустя послѣ того, какъ произошелъ уже значительный прогрессъ въ раздѣленіи труда между различными классами рабочихъ,—говоритъ онъ,—незамѣтно еще было почти никакого раздѣленія труда между отдѣльными частями общины: народъ продолжалъ быть сравнительно однороднымъ въ томъ отношеніи, что въ каждой мѣстности отправляются одни и тѣ же занятія. Но по мѣрѣ того, какъ дороги и другія средства перемѣщенія становятся многочисленнѣе и лучше, различныя мѣстности начинаютъ усваивать себѣ различныя отправленія и становятся во взаимную зависимость. Бумагопрядильная мануфактура помѣщается въ одномъ графствѣ, суконная въ другомъ; шелковыя матеріи производятся здѣсь, кружева тамъ; чулки въ одномъ мѣстѣ, башмаки въ другомъ; горшечное, желѣзное, ножевое производства пзбираютъ себѣ наконецъ отдѣльные города; и въ заключеніе каждая мѣстность становится болѣе или менѣе отличною отъ другихъ, по главному роду своего занятія“. Конечно, всѣ эти дифференцированія способствуютъ переходу общества отъ однородности къ разнородности, но роковая двойственность раздѣленія труда сказывается и здѣсь: часть мѣстности, занимаемой обществомъ, положимъ городъ, совмѣщаль въ себѣ прежде весьма разнообраз-

ные промыслы, но въ силу социальных дифференцированій изъ него выдѣляются мало по-малу различныя вѣтви промышленности, и къ тому времени, когда въ немъ остается только разросшееся горшечное или ножевое производство, — городъ сталъ однообразенъ, перешелъ отъ разнородности къ однородности. Возьмемъ еще одинъ примѣръ, — изъ области искусства. Первобытный человѣкъ, чувствуя радость при какомъ-нибудь приятномъ для него случаѣ, совершенно такъ же, какъ современный ребенокъ, прыгаетъ, возвышаетъ голосъ и бьетъ рукой по какой-нибудь попавшейся ему вещи, способной издавать болѣе или менѣе гармоническіе звуки. Если волненіе, испытываемое при этомъ человекомъ, очень сильно, то тройное сочетаніе ритма въ рѣчи, въ звукѣ и въ движеніи получаетъ значительное развитіе, и человѣкъ пляшетъ, поетъ и играетъ. Умеръ у первобытнаго человѣка ребенокъ, — онъ точно также выражаетъ свое горе, одновременно пуская въ ходъ свой голосъ и мѣрно раскачивая туловище или голову. Собирается онъ на войну — и его возбужденное состояніе выразится также одновременно въ воинственной музыкѣ, воинственномъ пѣвнн и въ воинственныхъ тѣлодвиженіяхъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи первобытное общество значительно приближается къ полной однородности: всѣ члены его одинаково выражаютъ свои страсти. Но каждый изъ нихъ выражаетъ свои чувства вполнѣ разнородно, всеми доступными ему средствами. Съ теченіемъ времени нарушаются какъ первобытная однородность общества, такъ и первобытная разнородность недѣлимаго, и факты эти идутъ совершенно параллельно, потому что они представляютъ только двѣ различныя стороны одного и того же явленія. На какомъ-нибудь современномъ музыкально-танцевальномъ вечерѣ вы встрѣчаете весьма разнообразно составленный оркестръ музыкантовъ, неподвижно играющихъ какую-нибудь, задорно-веселую пьесу, множество молчаливо-кружащихся паръ, а въ сосѣдней комнатѣ пѣвца, поющаго на языкѣ, непонятномъ для присутствующихъ. Общество стало, безъ всякаго сомнѣнія, разнороднѣе вслѣдствіе того, что въ немъ явились специалисты-музыканты, пѣвцы, танцоры и поэты, тогда какъ прежде были просто

люди, въ извѣстные моменты жизни одновременно пляшущіе, поющіе и играющіе. Сталь разнороднѣе и языкъ страстей и душевныхъ движеній вообще, но отдѣльно взятые молчаливые танцоры и неподвижные музыканты, очевидно перешли отъ разнородности къ однородности. Одни стали однороднѣе уже потому, что выражаютъ свое возбужденное состояніе однимъ какимъ-нибудь способомъ. Далѣе, если они посвятили себя спеціальной разработкѣ этого способа и находятъ въ немъ средство существованія, то по мѣрѣ того какъ они все глубже и глубже уходятъ въ музыку или пѣніе, въ нихъ все больше и больше гложутъ способности и силы, для ихъ цѣли ненужныя и потому неразвиваемыя. Наконецъ, они стали однороднѣе еще въ одномъ отношеніи, обуславливаемомъ дифференцированіемъ труда и наслажденія, которымъ необходимо сопровождаются социальныя дифференцированія. Но эту послѣднюю сторону вопроса мы пока оставимъ подъ спудомъ, такъ-какъ она слишкомъ близко связана съ телеологическимъ смысломъ слова «прогрессъ», а этотъ элементъ заранѣе устраненъ Спенсеромъ. Какъ мы видѣли онъ понимаетъ подъ прогрессомъ или развитіемъ не усовершенствованіе или улучшеніе, а просто послѣдовательный рядъ измѣненій, каковы-бы ни были ихъ результаты по отношенію къ человѣческому счастью. Становясь опять-таки на эту его точку зрѣнія, мы все-таки встрѣчаемъ странный пробѣлъ въ его выводахъ и разсужденіяхъ; не менѣе странный, чѣмъ тотъ, который мы отмѣтили въ статьѣ «Полезность и красота». Сравнивая тѣ и другіе промахи, мы найдемъ между ними значительное сходство. Мы видѣли, что Спенсеръ, указывая искусству области, откуда оно должно брать для себя темы, видѣлъ только, такъ-сказать, динамическіе социальныя контрасты, контрасты во времени и какъ будто закрывалъ глаза передъ социальными контрастами въ пространствѣ; мы видѣли также, что логически онъ не имѣлъ на это никакого права, и удивлялись его странной слѣпотѣ. Въ его теоріи социальнаго развитія забыты и недостаточно оцѣнены тѣ же контрасты въ пространствѣ, и опять-таки онъ дѣлаетъ при этомъ логическую ошибку. Дѣло идетъ о

IX томъ, чтобы доказать, что всякое развитіе происходитъ по типу развитія органическаго, т. е. переходитъ отъ простаго и однороднаго къ сложному и разнородному путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Все идетъ какъ по маслу вплоть до очерка развитія соціальнаго. Здѣсь оказывается, что если общество и испытываетъ рядъ измѣненій, подобныхъ измѣненіямъ развивающагося организма, то входящія въ составъ его недѣлимыя измѣняются по направленію, какъ разъ противоположному! Спенсеръ этого не замѣчаетъ. Онъ какъ будто не видитъ, что дифференцированіе труда физическаго, умственнаго, дифференцированіе общества на рѣзко отличные классы, дифференцированіе вознагражденія за трудъ на прибыль и заработную плату, дифференцированіе жизни на трудъ безъ наслажденія и наслажденіе безъ труда и т. д.,—что всѣ эти дифференцированія, способствуя переходу общества отъ однородности къ разнородности, въ то же время способствуютъ переходу недѣлимыхъ отъ разнородности къ однородности. Невозможно предположить, чтобы Спенсеръ, такъ широко захватывающій явленія, ни разу не наткнулся во все время своего изслѣдованія на эту сторону вопроса. Она пахнетъ трудовымъ потомъ, кровью, горемъ и страданіемъ, и потому соціологическое чутье легко можетъ открыть ее. Но, даже совершенно отстраняясь отъ оцѣнки гнета, которымъ ложится фактъ на человѣчество, можно все-таки увидѣть самый фактъ. И Спенсеръ дѣйствительно видѣлъ его, подошелъ къ нему вплотную, но придалъ ему весьма второстепенное значеніе.

Рядомъ съ процессомъ дифференцированія въ актѣ развитія, по Спенсеру, имѣетъ мѣсто процессъ интеграціи, въ сущности представляющій только другую сторону перваго процесса. Напримѣръ, Спенсеръ указываетъ на то, что, слой желчныхъ клѣточекъ, составляющій зачатокъ печени „не только становится отличнымъ отъ кишечной стѣнки, на которой онъ лежитъ вначалѣ, но въ то же самое время отдѣляется отъ нея и слагается въ органъ“. Въ цѣломъ это явленіе представляетъ обособленіе органа, но въ немъ можно различать двѣ части: процессъ, которымъ желчныя клѣточки получаютъ характеръ, отличный отъ

нѣкоторыхъ свойствъ кишечной стѣнки, есть процессъ дифференцированія, перехода отъ однороднаго къ разнородному; другой процессъ состоитъ въ томъ, что желчныя вѣточкы сливаются въ одинъ органъ,—это процессъ интеграціи, перехода отъ разнородности къ однородности. Очевидно, что эти два процесса неотдѣлимы одинъ отъ другаго, что они взаимно пополняются, и что тамъ, гдѣ есть одинъ, долженъ быть непременно и другой. Словомъ, если развитіе есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному, то развитіе цѣлой агрегации можетъ совершаться только насчетъ ея составныхъ частей, которыя при этомъ переходятъ отъ разнородности къ однородности. Какія же соціологическія приложенія этого въ высшей степени важнаго принципа мы найдемъ у Спенсера? А вотъ какія: „Соединеніе младшихъ и ихъ дѣтей подъ начальствомъ старшихъ и ихъ дѣтей; установленіе различныхъ группъ вассаловъ, изъ которыхъ каждая подчинялась особому барону; подчиненіе группъ низшихъ дворянъ герцогамъ и графамъ; наконецъ, еще болѣе позднее установленіе королевской власти надъ герцогами и графами“,—вотъ нѣкоторые примѣры соціальной интеграціи. Мы опять-таки видимъ, что въ цѣломъ каждое изъ этихъ явленій представляетъ обособленіе функций, но при этомъ возникновеніе, на примѣръ, королевской власти можетъ быть разсматриваемо съ одной стороны какъ результатъ дифференцированія общества, а съ другой какъ продуктъ интеграціи, такъ-какъ герцоги и графы уже тѣмъ самымъ, что повинуются одному владыкѣ и отказались отъ части своихъ правъ,—перешли отъ разнородности къ однородности. Но всѣ эти неважныя, мелкія частности совершенно блѣднѣютъ передъ роковымъ вопросомъ, на который нѣтъ отвѣта у Спенсера. Если всякое развитіе цѣлаго можетъ совершаться только насчетъ развитія частей, если во всякомъ частномъ актѣ развитія существуютъ два элемента: одинъ активный, прогрессирующий, переходящій отъ однородности къ разнородности, и другой пассивный, такъ-сказать, жертва развитія, переходящій отъ разнородности къ однородности,—то какъ отзывается развитіе общества на судьбѣ его членовъ? Отвѣтъ ясенъ: если общество переходитъ отъ одно-

родности къ разнородности, то соответствующимъ этому переходу процессомъ интеграціи граждане общества должны переходить отъ разнородности къ однородности. Словомъ, прогрессъ индивидуальный и развитіе общества (по типу органическаго развитія) взаимно исключаются; какъ взаимно исключаются развитіе органовъ и развитіе недѣлимаго. Чѣмъ проще, специальнѣе органы, тѣмъ вся организація недѣлимаго разнороднѣе и, такъ сказать, энциклопедичнѣе, и наоборотъ. Точно такъ, чѣмъ разнороднѣе общество, тѣмъ уже поле развитія его членовъ и тѣмъ они однороднѣе. Въ нѣкоторыхъ частныхъ областяхъ, именно въ области экономическихъ явленій, эта двойственность замѣчена давно, но Спенсеръ воспользовался только одной стороной экономического анализа и вовсе не воспользовался своимъ собственнымъ, чрезвычайно яркимъ сопоставленіемъ процессовъ дифференцірованія и интеграціи. А между тѣмъ, анализируя процессъ соціального развитія, онъ необходимо долженъ былъ обратить вниманіе на это обстоятельство и придать ему такое значеніе, какого оно не имѣетъ ни въ какомъ другомъ порядкѣ фактовъ. Дѣйствительно, если органъ и представляетъ жертву развитія недѣлимаго, если онъ и интегрируется въ то время, какъ недѣлимое дифференцируется, то это дѣло вполне законное, потому что органъ, строго говоря, есть всегда часть и только путемъ отвлеченія можетъ разсматриваться какъ цѣлое. Но недѣлимое есть наоборотъ всегда цѣлое и можетъ разсматриваться какъ часть въ виду только нѣкоторыхъ специальныхъ цѣлей. Поэтому оно не можетъ приноситься въ жертву развитію идеальнаго цѣлага, каково общество. И если это общество развивается по типу органическаго прогресса, т.-е. переходя отъ однородности къ разнородности, т.-е. дробясь на классы, подклассы и т.д., то, непосредственно исходя изъ закона Бэра, мы должны признать такое явленіе патологическимъ, а не нормальнымъ развитіемъ, потому что недѣлимое при этомъ переходитъ отъ разнородности къ однородности, т.-е. регрессируетъ. Чего хотятъ сторонники такъ-называемаго женскаго (а въ сущности въ такой же мѣрѣ и мужскаго) вопроса? Они требуютъ для женщинъ расширенія

умственного горизонта и известнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, т.-е. индивидуальной разнородности, которая должна отозваться на обществѣ уменьшеніемъ его разнородности, ибо до известной степени сглаживаетъ разницу между мужчинами и женщинами. Чего хотятъ ихъ противники? удержать statu quo, т.-е. однородность женщины и разнородность общества. Въ чемъ состоятъ реформы нынѣшняго царствованія?—въ уменьшеніи общественной разнородности и въ усиленіи разнородности индивидуальной. Чего добиваются аболиціонисты?—сглаженія различій между бѣлымъ и цвѣтнымъ населеніемъ, т.-е. социальной однородности, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширенія правъ цвѣтнаго народа и поднятія его нравственного и умственного уровня, т.-е. индивидуальной разнородности. Словомъ, всякій общественный вопросъ поднимается въ обѣихъ этихъ формахъ сразу, потому что всегда и вездѣ дифференцированіе общества, какъ цѣлаго, сопровождается интеграціей гражданъ, какъ частей. Спенсеръ какъ будто не замѣчаетъ этаго. Сопоставляя этотъ промахъ съ запрещеніемъ искусству передавать жизнь и дѣла своего времени, мы должны придти къ заключенію, что источникъ того и другаго заблужденія одинъ и тотъ же. И тамъ, и здѣсь Спенсеръ упускаетъ изъ виду одно и то же. И это нѣчто, игнорируемое имъ, такого свойства, что читатель можетъ подумать, что онъ имѣетъ дѣло съ завзятымъ поборникомъ тьмы, съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые, подъ видомъ погони за истиной, защищаютъ сознательно и злонамѣренно все существующее, насколько оно для нихъ оказывается выгоднымъ. Еслибы дѣло было только въ этомъ, то наша задача была бы очень проста, до такой степени проста, что совѣстно бы было даже возиться съ ней такъ долго. Но ниже мы приведемъ нѣкоторые выписки изъ Спенсера, которыя должны совершенно изгладить изъ ума читателя столь невыгодное и позорное мнѣніе объ авторѣ, если оно уже въ немъ зародилось. Если даже предположить, что корень ошибокъ Спенсера лежитъ въ его нравственномъ складѣ, то къ нему нельзя подступать съ грубымъ масштабомъ, на которомъ обозначены только аршинныя мѣрки безчестности, сознательной

лжи, и проч. Дѣло во всякомъ случаѣ въ болѣе тонкихъ и неуловимыхъ оттѣнкахъ нравственнаго и умственнаго характера.

IV.

Чтобы исчерпать промахъ Спенсера до дна, посмотримъ на устанавливаемую имъ аналогію между организмомъ и обществомъ. Параллель между организмомъ естественнымъ и социальнымъ не новость. Кромѣ Платона и Гоббза, о которыхъ говоритъ Спенсеръ, безчисленное множество всякаго рода мыслителей и писателей трактовали объ этомъ предметѣ. Мы напомнимъ только Шеллинга, Гете, затѣмъ цѣлую нѣмецкую юридическую, такъ-называемую „органическую“ школу, наконецъ множество частныхъ сравненій между обществомъ и недѣлимымъ, на примѣръ избитое уподобленіе исторіи общества дѣтству, молодости, зрѣлости и смерти недѣлимаго и т. д. Какъ-то недавно намъ попался подъ руку старый номеръ „Библіотеки для Чтенія“, а въ немъ статья „Идея организма“, гдѣ покойникъ Эдельсонъ тоже что-то въ этомъ родѣ хотѣлъ выразить. Но всѣ эти попытки были или слишкомъ туманны и неопредѣленны, или ужь слишкомъ нелѣпы, или наконецъ проходили совершенно безслѣдно, вслѣдствіе очевидной произвольности построенія. Теперь идея социальнаго организма начинаетъ поднимать голову въ совершенно иномъ видѣ. Прежде она систематически разрабатывалась главнымъ образомъ натуръ-философами и юристами, и если попадалась гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то большею частью только какъ болѣе или менѣе удачная метафора. Теперь же систематическое развитіе идеи социальнаго организма принимаютъ на себя такіе люди, какъ Дрэперъ, Спенсеръ, люди, обладающіе значительными знаніями въ сферѣ точныхъ наукъ, привышіе къ здравому и трезвому мышленію. Вслѣдствіе этого идея социальнаго организма получаетъ особенный интересъ; при томъ же, едва-ли не впервые она проводится ясно и послѣдовательно, вслѣдствіе чего становится возможнымъ уловить ея суть.

Спенсеръ начинаетъ короткимъ общимъ обзоромъ пунктовъ сходства и различія между обществами и индивидуальными организмами. Пунктовъ сходства онъ указываетъ четыре. Вопервыхъ, какъ общества, такъ и организмы, начинаясь соединеніемъ небольшого числа частей, постепенно такъ увеличиваются въ объемѣ, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ размѣра, въ десять тысячъ разъ болѣе первоначальнаго. Вовторыхъ, и тѣ и другіе развиваются по одному типу, переходя отъ простаго къ сложному. Втретьихъ, и въ тѣхъ и въ другихъ постепенно развивается взаимная зависимость частей, такъ что наконецъ жизнь и дѣятельность каждой части обуславливается жизнью и дѣятельностью остальныхъ частей. Вчетвертыхъ, элементы организма и общества рождаются, развиваются, дѣйствуютъ и умираютъ каждый самъ по себѣ, между тѣмъ какъ цѣлое продолжаетъ жить и переживаетъ одно поколѣніе элементовъ за другимъ. Эти пункты сходства представляются Спенсеру весьма значительными и важными, тогда какъ наоборотъ пункты различія—гораздо менѣе рѣзкими. Ихъ тоже четыре. Вопервыхъ, организмы имѣютъ специфическія внѣшнія формы, тогда какъ общества ихъ не имѣютъ. Но это различіе сглаживается, по мнѣнію Спенсера, какъ неопредѣленностью формъ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, такъ и тѣмъ, болѣе общимъ фактомъ, что внѣшняя форма организмовъ и обществъ „зависитъ отъ окружающихъ условій“. Надо правду сказать, что это уже слишкомъ общій фактъ, потому что внѣшняя форма неорганическихъ тѣлъ точно такъ же зависитъ отъ окружающихъ условій. Гораздо остроумнѣе соображенія, противопоставляемыя Спенсеромъ второму и третьему пунктамъ различія.—Живые элементы общества не образуютъ такой сплошной массы, какова живая ткань организма. Но это различіе, рассуждаетъ Спенсеръ, собственно не существуетъ; ибо какъ организмы развиваются изъ неорганизованнаго вещества, въ которомъ разсѣяны организованныя точки, такъ и члены политическаго тѣла физически отдѣлены другъ отъ друга промежутками не мертваго пространства, а занимаемаго фауной и флорой, т.-е. жизнью низшаго

разряда; и эта низшая жизнь, от которой зависит существование человека и общества, необходимо должна быть включена въ понятие социальнаго организма.—Живые элементы организма большею частью неподвижны, а элементы организма социальнаго способны передвигаться. И это различіе неважно и только поверхностно, говоритъ Спенсеръ. Въ качествѣ общественныхъ дѣятелей, люди въ сущности неподвижны, сельскій хозяинъ, мануфактуристъ и т. д. функционируютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и если отлучаются на всегда или на время, то оставляютъ кого-нибудь вмѣсто себя.—Четвертый пунктъ различія есть самый важный, какъ по мнѣнію Спенсера, такъ и по нашему. „Въ тѣлѣ животнаго только извѣстный родъ тѣни одарены чувствительностью, въ обществѣ же всѣ члены одарены ею“. Этотъ доводъ Спенсеръ старается ослабить, во первыхъ, тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, неимѣющихъ нервной системы, обладаемая ими слабая чувствительность распространена одинаково на всѣ части.

;,Кромѣ того, говоритъ Спенсеръ, мы должны помнить, что и общества не лишены нѣкотораго дифференцированія въ этомъ родѣ. Единицы общины хотя и всѣ чувствительны, но чувствительны не въ равной степени. Сословія, занимающіяся земледѣльемъ и вообще тяжелыми работами, гораздо менѣ впечатлительны, какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи душевныхъ волненій, нежели другія сословія; особенно рѣзко отличаются они въ этомъ случаѣ отъ сословій, получившихъ высшее умственное образованіе. Но все-таки этотъ пунктъ представляетъ довольно рѣзкій контрастъ между политическими и индивидуальными тѣлами, котораго никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что онъ напоминаетъ намъ, что между тѣмъ какъ въ индивидуальных тѣлахъ благосостояніе всѣхъ частей вполне подчинено благосостоянію нервной системы, въ пріятномъ или болѣзненномъ возбужденіи которой заключается все благо или зло жизни,—о политическихъ тѣлахъ нельзя сказать того же. Пусть жизнь отдѣльныхъ частей животнаго поглощается жизнью цѣлаго, оно такъ и слѣдуетъ, потому что это цѣлое имѣетъ корпоративную сознательность, способную ощущать наслажденіе или страданіе. Общество же дѣло другое: его живыя единицы не утрачиваютъ и не могутъ утратить индивидуальной сознательности, а община съ другой стороны не имѣетъ корпоративной сознательности, какъ цѣлое. Это-то и есть главная неизмѣнная причина, по которой благосостояніе

гражданъ никогда не можетъ быть справедливо жертвѣемо для какаго-то воображаемаго блага государства, а напротивъ того государство должно существовать единственно только для блага гражданъ. *Корпоративная жизнь въ этомъ случаѣ должна подчиняться жизни отдѣльныхъ частей, а не жизнь отдѣльныхъ частей корпоративной жизни.*“ (Т. I. Опыты. „Соціальный организмъ“, стр. 426).

Казалось бы, послѣднее различіе до такой степени существенно и важно, что его одного было бы достаточно для уничтоженія параллели между организмомъ и обществомъ. „Не забывать“ его, какъ совѣтуетъ Спенсеръ, и въ то же время настаивать на аналогіи—невозможно. Но Спенсеръ настаиваетъ и потому, какъ увидимъ, забываетъ.

Болѣе подробный разборъ фактовъ, оправдывающихъ уподобленіе общества живому тѣлу, Спенсеръ начинаетъ съ низшихъ ступеней органической жизни и съ первыхъ стадій общественнаго развитія, и затѣмъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за дальнѣйшимъ усложненіемъ тѣхъ и другихъ. Онъ проводитъ послѣдовательно параллели: между микроскопическими растениями и животными, обнаруживающими крайне простое строеніе, и агрегатами ихъ, состоящими изъ независимыхъ единицъ, съ одной стороны, и первобытными общинами, состоящими изъ независимыхъ и равныхъ людей, съ другой; между слѣдующими ступенями органической жизни, проявляющими уже относительно значительную степень „физиологическаго раздѣленія труда“, т.-е. обособленія и спеціализаціи тканей и органовъ—и тѣми фазами развитія общества, въ которыхъ экономическое раздѣленіе труда произвело первыя вастовыя дробленія; между образованіемъ животныхъ колоній изъ нѣсколькихъ нецѣлостныхъ недѣлимыхъ и слитіемъ однородныхъ группъ въ одно племя; между почкованіемъ и раздробленіемъ племени вслѣдствіе недостатка пищи и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Спенсеръ уподобляетъ соціальный строй не столько отдѣльнымъ организмамъ, сколько агрегациямъ организмовъ и, напримѣръ, полипнякъ можетъ разсматриваться и дѣйствительно разсматривается многими какъ ассоціація полиповъ, а сравненіе общества съ обществомъ, для нашей ближайшей цѣли, особеннаго интереса не имѣетъ. Смотрѣть ли

на гидру, на полипнякъ и т. д. какъ на организмъ социальный или естественный, —этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ окончательнаго и подробнаго разсмотрѣнiя пунктовъ сходства и различiя между обществомъ и недѣлимымъ. Къ этой специальной цѣли своего изслѣдованiя Спенсеръ и обращается далѣе. Въ зародышѣ, говоритъ онъ, масса клѣточекъ отлагаетъ периферическiй слой, который въ дальнѣйшемъ развитiи распадается на два; внутреннiй—слизистый, и внѣшнiй—серозный. Изъ слизистаго слоя развивается питательный аппаратъ, изъ серознаго—аппаратъ внѣшней дѣятельности. „Изъ перваго образуются тѣ органы, которыми готовится и поглощается пища, втягивается кислородъ и очищается кровь; тогда какъ изъ послѣдняго образуются нервная, мышечная и костная системы, соединеннымъ дѣйствiемъ которыхъ совершаются движенiя тѣла какъ цѣлаго“. Въ развитiи общества происходятъ совершенно параллельныя явленiя. Общество дифференцируется на управляющихъ и управляемыхъ, которые, усвоивая себѣ различныя функцiи, становятся позднѣе другъ къ другу въ отношенiе „вольныхъ людей и рабовъ, дворянства и крѣпостныхъ“. Правящiй классъ функционируетъ какъ серозный слой органическаго зародыша управляетъ внѣшними дѣйствiями общества, тогда какъ классъ управляемыхъ, подобно слизистому слою, болѣе и болѣе исключительно занимается снабженiемъ общества пищею. „Впослѣдствiи, по мѣрѣ того, какъ рабочiй слой удаляется все болѣе и болѣе отъ дѣлъ общества и утрачиваетъ свою силу въ нихъ, онъ ограничивается почти исключительно процессами добыванiя продовольствiя, между тѣмъ какъ дворянство, переставая участвовать въ этихъ процессахъ, посвящаетъ себя управленiю движенiями политическаго тѣла“. Далѣе появленiю въ организмѣ естественномъ промежуточнаго сосудистаго слоя, изъ котораго образуются главные кровеносные сосуды, — въ организмѣ социальномъ соотвѣтствуетъ образованiе средняго, торговаго сословія. Какъ на этой ступени развитiя организма лица передается отъ слизистаго слоя къ серозному не непосредственно, а при помощи сосудистаго слоя, такъ и въ обществѣ предметы

потребленія передаются не прямо рабами господамъ, а при посредствѣ купцовъ. Кровь живаго тѣла соотвѣтствуетъ массѣ продуктовъ, находящихся въ обращеніи въ политическомъ тѣлѣ; нервная система — правительственной организаціи; кровеносные сосуды — путямъ сообщенія; мозгъ — парламенту и т. д. и т. д. Спенсеръ самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполняетъ заданную имъ себѣ работу. Нѣкоторыя изъ частныхъ аналогій, на которыя онъ при этомъ наталкивается, чрезвычайно остроумны. Такъ, напримѣръ: „кровеносные сосуды получаютъ опредѣленные стѣнки, — дороги окапываются и усыпаются щебнемъ“. Или сравненіе двойнаго пути рельсовъ желѣзной дороги, разносящихъ одновременно общественные токи по двумъ противоположнымъ направленіямъ, — съ артеріями и венами. Или наконецъ сравненіе мозга съ парламентомъ. Новѣйшая психологія, говоритъ Спенсеръ, принимаетъ, что „головной мозгъ занимается не прямыми впечатлѣніями извнѣ, а представленіями этихъ впечатлѣній: вмѣсто дѣйствительныхъ ощущеній, производимыхъ въ тѣлѣ и непосредственно оцѣняемыхъ чувствительными узлами или первичными нервными центрами, головной мозгъ получаетъ только представленія этихъ ощущеній, и сознательность его называется *представительною* (representative), для отличія отъ первоначальной, непосредственно воспринимающей впечатлѣнія сознательности“. „Не знаменательно ли, восклицаетъ Спенсеръ, что мы напали на то же самое слово для означенія функціи нашей палаты общинъ? Мы называемъ ее *представительнымъ* собраніемъ, потому что интересы, которыми она завѣдуетъ, страданія и наслажденія, о которыхъ она совѣщается, не прямо ощущаются ею, а *представляются* ей различными членами“ (I, 455). Всѣ эти сближенія очень остроумны, но тѣмъ не менѣе неизбежно возникаетъ вопросъ: какаю цѣль, зачѣмъ Спенсеръ положилъ на эту эквилибристику столько труда и терпѣнія? Мы не привели и четвертой доли его соображеній по этому поводу; онъ слѣдитъ за частными проявленіями своей аналогіи по всѣмъ тончайшимъ развѣтвленіямъ организмовъ естественнаго и социальнаго. Къ чему, это? Не думаетъ же онъ установить новый видъ — *societas*?

Вообще теоретическое значеніе уподобленія общества организму— вещь очень темная, но Спенсеръ имѣетъ въ виду и его практическую цѣль. Онъ полагаетъ, что аналогія эта, подводя подъ одни и тѣ же законы явленія жизни общественной и физической, можетъ способствовать развитію той и другой отрасли знанія; что фізіологія и соціологія могутъ взаимно обмѣниваться своими спеціальными истинами. Въ особенности онъ рекомендуетъ фізіологамъ употребленіе особаго метода, который онъ называетъ соціологическимъ. Методъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы изучать организованныя тѣла не только прямо и непосредственно, а и косвенно, изучая тѣла политическія. Отъ приложенія этого метода Спенсеръ ожидаетъ въ будущемъ значительныхъ шаговъ впередъ для фізіологіи, но до сихъ поръ можетъ указать только одинъ пунктъ, заимствованный фізіологами у соціологіи—именно понятіе фізіологическаго раздѣленія труда. Выраженіе это, кажется, впервые употреблено Мильнъ-Эдвардсомъ для тѣхъ процессовъ обособленія тканей и органовъ, сумма которыхъ составляетъ органическое развитіе, то-есть переходъ его отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному, отъ общаго къ частному. Это въ сущности метафора, весьма удобная и обрисовывающая данное явленіе въ высшей степени рельефно; но построить на ней, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ, идею тождественности прогресса органическаго и соціальнаго и идею соціальнаго организма невозможно. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что фізіологи изобрѣли выраженіе „фізіологическое раздѣленіе труда“ не вслѣдствіе самостоятельнаго наблюденія явленій общественной жизни, а взяли его цѣликомъ у экономистовъ. Экономисты же вплоть до Уэкфильда принимали принципъ раздѣленія труда во всей той эмпирической неполнотѣ, съ какой онъ явился въ знаменитомъ трудѣ Адама Смита „О богатствѣ народовъ“ (Беккарія, впрочемъ, еще раньше указалъ на его значеніе). Уэкфильдъ первый изъ экономистовъ замѣтилъ, что раздѣленіе труда есть только частное проявленіе гораздо болѣе общаго факта, именно коопераціи; что сочетаніе труда или кооперація безусловно способствуетъ усиленію производи-

тельности труда, но что она не исчерпывается раздѣленіемъ труда; что есть другой типъ коопераціи, именно простое сотрудничество, и что въ этомъ вопросѣ экономисты принимали часть за цѣлое, что имѣло весьма печальныя для науки послѣдствія.

Въ простомъ сотрудничествѣ нѣсколько человѣкъ одинаково помогаютъ другъ другу въ одномъ и томъ же дѣлѣ; при раздѣленіи труда, напротивъ, нѣсколько человѣкъ помогаютъ другъ другу различно, раздробляя всю операцію на части и выбирая себѣ каждый отдѣльную часть. „Различіе между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ очень важно—говоритъ Уэкфильдъ (Милль: „Основанія пол. эк.“, I, 166).—Въ простомъ человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другими; взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу. Причину этого различія нетрудно понять. Когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть или тащатъ одинъ канатъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда разные люди работаютъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, хотя они столь же положительнымъ образомъ содѣйствуютъ другъ другу: чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція“. Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что отмѣченная нами выше и незамѣченная Спенсеромъ двойственность раздѣленія труда, требуя сложныхъ умственныхъ операцій, въ то же время отнимаетъ у рабочихъ способность къ нимъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается и то коренное различіе раздѣленія труда фізіологическаго и экономическаго, которое дѣлаетъ ихъ принципами несоизмѣримыми, взаимно исключаящимися, вмѣстѣ съ чѣмъ рушится зданіе соціальнаго организма и тождественности прогресса органическаго и соціальнаго.

Когда яйцо, изъ котораго долженъ вырасти человѣкъ или жи-

вотное, дифференцируется на слои серозный, слизистый и сосудистый, то этимъ явленіемъ обуславливаются зачатки фізіологическаго раздѣленія труда. Съ теченіемъ времени каждый изъ этихъ слоевъ дифференцируется въ ткани и органы, изъ которыхъ каждый исполняетъ какую-нибудь одну спеціальную функцію. Одни берутъ на себя трудъ переваривать пищу, другіе воспринимать впечатлѣнія, третьи передавать организму кислородъ воздуха и выдѣлять углекислоту, четвертые исполнять внѣшнія движенія по велѣніямъ центральнаго органа нервной системы и т. д. Чѣмъ ярче обозначена здѣсь спеціализація функцій, тѣмъ организмъ стоитъ выше на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ онъ развитѣе, тѣмъ онъ сложнѣе. Въ этомъ постепенномъ усложненіи путемъ фізіологическаго раздѣленія труда между органами состоитъ великій Бэровъ законъ органическаго развитія. Если мы видимъ, что органы недѣлимаго все болѣе спеціализируютъ свои отправленія и тѣмъ способствуютъ усложненію цѣлаго, мы говоримъ, что организмъ развивается, прогрессируетъ. Еслибы случилось, что борьба за существованіе поставила недѣлимое въ такія условія, что нѣкоторые органы его перестали дѣйствовать, вслѣдствіе чего произошло упрощеніе организаціи, мы сказали бы, что недѣлимое регрессируетъ. Глаза пещерныхъ животныхъ, вслѣдствіе долгаго неупотребленія, перестаютъ функціонировать, иногда вѣки ихъ сростаются и покрываются шерстью. Ясно, что недѣлимья стали однороднѣе своихъ зрячихъ родичей; трудъ передачи впечатлѣній отъ внѣшняго міра, распредѣлявшійся прежде между пятью органами чувствъ, распредѣляется теперь только между четырьмя. Фізіологическое раздѣленіе труда стало менѣе полнымъ и потому животное регрессируетъ. Рабочія пчелы и муравьи, какъ извѣстно, бесполоы. Съ другой стороны способные къ воспроизведенію самцы и самки неспособны къ работѣ, что, разумѣется, также коренится въ нѣкоторомъ упрощеніи организаціи. Такъ какъ бесполоые муравьи и пчелы должны были явиться, очевидно, позднѣе плодовыхъ, то было, значить, время, когда пчелы и муравьи были одновременно способны и къ работѣ и къ воспроизведенію новыхъ особей и когда, слѣдо-

вательно, физиологическое раздѣленіе труда между органами пчель и муравьевъ было полнѣе теперешняго: въ каждомъ изъ нихъ функционировали и органы работы и органы воспроизведе- нія. Подъ вліяніемъ какихъ же условій произошло ослабленіе физиологическаго раздѣленія труда и, слѣдовательно, пониженіе организациі, упрощеніе, регрессъ? Подъ вліяніемъ раздѣленія труда экономическаго. Когда муравьи и пчелы бессознательно подѣлили между собой свой общественный трудъ, такъ что одни стали только работать, а другіе только воспроизводить новыхъ особей, то, путемъ естественнаго подбора, это экономическое раздѣленіе труда въ ряду поколѣній атрофировало ненужныя для каждаго изъ спеціальныхъ трудовъ способности и силы. И такъ, экономическое раздѣленіе труда повело къ ослабленію раздѣленія труда физиологическаго, и такимъ образомъ понизило уро- вень развитія муравьевъ и пчель.

Человѣческое общество устроено, разумѣется, не хуже муравейника или улья. Экономическое раздѣленіе труда играетъ въ немъ не менѣе значительную роль. И если мы не дожили еще до бесполыхъ рабочихъ, то дожили по крайней мѣрѣ до теоріи „моральнаго воздержанія“. А это ужъ не мало, это ужъ идея безплага рабочаго, которую уму человѣческому, пожалуй, и удастся обратить въ плоть и кровь. Экономическое раздѣленіе труда, то-есть раздѣленіе между отдѣльными недѣлимыми, составляетъ, какъ видно изъ Спенсера очерка социальнаго развитія—базисъ всей нашей культуры. И любопытно прослѣдить за связью его съ физиологическимъ раздѣленіемъ труда, то-есть съ раздѣленіемъ труда между органами. Связь эта та же самая, что и въ исторіи муравейниковъ и ульевъ. Когда правящій классъ окончательно дифференцировался изъ однородной массы первобытнаго общества и оставилъ за собой трудъ умственный, а трудъ физическій предоставилъ управляемымъ, то это былъ первый шагъ экономическаго раздѣленія труда. При этомъ нервная система управляемыхъ постепенно должна была упрощаться; вмѣстимость черепа и размѣръ умственныхъ способностей—уменьшаться, такъ-какъ въ послѣднихъ предстояла все

меньшая и меньшая надобность: за управляемых думали управляющие. Значит, предѣлы физиологическаго раздѣленія труда сѣззились. То же самое произошло и въ средѣ правящаго класса. По мѣрѣ того, какъ представители его все больше углублялись въ выпавшую на ихъ долю часть труда, ихъ мускульная система слабѣла, кости становились тоньше и хрупче. Дальнѣйшая спеціализація индивидуальныхъ отправленій сопровождается и дальнѣйшимъ ослабленіемъ физиологическаго раздѣленія труда. Въ сферѣ труда физическаго мы имѣемъ, на примѣръ, сапожника или портнаго, который, не говоря уже объ его умственной слабости, постоянно сѣдя на корточкахъ и только дѣлая однообразныя движенія руки—развилъ въ этой рукѣ нѣкоторые мускулы, но за то мускулы ногъ его ослабѣли. Въ предкѣ его, который дѣлалъ столько же сапоговъ, сколько снашивалъ ихъ, трудъ одинаково распредѣлялся по всеѣмъ органамъ, тогда какъ въ потомкѣ функционируетъ гораздо меньшее число органовъ. Въ сферѣ умственнаго труда мы имѣемъ, на примѣръ, замѣчательно умныхъ людей, лишенныхъ эстетическаго чувства. Число этихъ примѣровъ можетъ быть увеличено до безконечности. Но и этого достаточно чтобы видѣть, что физиологическое и экономическое раздѣленіе труда взаимно исключаются, что чѣмъ сильнѣе послѣднее, тѣмъ слабѣе первое. Слѣдовательно, взаимно исключаются и прогрессы органической и соціальной, какъ его понимаетъ Спенсеръ, что мы уже, впрочемъ, видѣли въ предыдущей главѣ. Исчезаетъ или по крайней мѣрѣ сводится на простую метафору и параллель между организмомъ и обществомъ, потому что параллель эта имѣетъ смыслъ только при сходствѣ между понятіями объ органахъ и недѣлимыхъ, а такого сходства въ дѣйствительности нѣтъ. Органъ представляетъ собою опредѣленную часть недѣлимаго, извѣстнымъ спеціальнымъ образомъ функционирующую и не могущую жить своею собственною, отдѣльною, самостоятельною жизнью. Недѣлимое можетъ жить самостоятельно, если все органы, входящіе въ составъ его, исполняютъ свои спеціальныя обязанности. Мы не можемъ себѣ представить руки, языка, ноги внѣ организма, тогда какъ безъ особеннаго наприя-

женія воображенія можемъ думать о человѣкѣ внѣ общества, а тѣмъ болѣе представить себѣ несоціальное низшее животное. Въ „Основаніяхъ біологіи“ Спенсеръ, перебравъ нѣсколько существующихъ опредѣленій недѣлимаго и показавъ трудность рѣшенія этого вопроса, останавливается, наконецъ, на слѣдующей формулѣ: „Біологическій индивидъ есть конкретное цѣлое, имѣющее строеніе, позволяющее ему, при извѣстныхъ условіяхъ, постоянно приспособлять свои внутреннія отношенія къ внѣшнимъ такъ, чтобы поддерживалось равновѣсіе его отправлениями“ (207). Это значитъ, что каждая ступень органическаго развитія, то есть каждый видъ имѣетъ извѣстную сумму отправления, распределенныхъ между его органами такимъ образомъ, что всѣ они функционируютъ одновременно. Членъ соціального организма, очевидно, не подходитъ подъ это опредѣленіе, и слѣдовательно, Спенсеровъ соціальный организмъ состоитъ не изъ индивидовъ. Но это и не органы, потому что они имѣютъ способность страдать и наслаждаться, которой органы лишены. Недѣлимое всегда будетъ искать наслажденія и бѣжать страданія, и эти стремленія, какъ положительное, такъ и отрицательное, необходимо отзовутся на всемъ строѣ соціального организма и отзовутся болѣзненно, вслѣдствіе антагонизма между частями его: что выгодно для одной, то невыгодно для другой. И въ концѣ-концовъ соціальный организмъ долженъ рухнуть, какъ рушится онъ уже въ теоріи отъ собственнаго безсилія.

Для выясненія значенія идеи соціального организма, мнѣ хотѣлось бы представить читателю воззрѣнія Дрэпера на соціальный организмъ, такъ-какъ онъ выражается грубѣе и нагляднѣе. Къ несчастію, у меня нѣтъ подъ руками ни „Умственнаго развитія Европы“, ни „Гражданскаго развитія Америки“, ни „Физиологіи“ Дрэпера, который проводитъ свою любимую идею соціального организма во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ. Но вотъ отрывокъ изъ одной моей коротенькой старой замѣтки по поводу „Исторіи гражданскаго развитія Америки“. Если читатель незнакомъ съ этой книгой, такъ увидитъ въ чемъ тутъ суть.

„Сущность взглядовъ Дрэпера на соціальный прогрессъ состав-

ляютъ слѣдующія двѣ мысли: ходъ развитія общества и ходъ развитія недѣлимаго тождественны, такъ что каждое недѣлимое представляетъ собою образецъ общества въ маломъ видѣ; да-
лѣе—„великая цѣль природы заключается въ достиженіи гос-
подства разума“. Мы не говоримъ уже о томъ, что странно
приписывать какія бы то ни было цѣли природѣ, но мы сей-
часъ увидимъ, въ чемъ собственно состоитъ то господство ра-
зума, о которомъ мечтаетъ Дрэперъ. По отношенію къ интел-
лектуальной силѣ онъ дѣлитъ всѣ послѣдовательныя ступени
проявленія органической жизни на три типа. Низшіе организмы
подобны автоматамъ и дѣйствуютъ совершенно безсознательно,
нервная система ихъ совсѣмъ не развита. На высшей ступени
къ автоматизму присоединяется инстинктъ, не вытѣсняя его
однако; здѣсь мы находимъ усложненіе нервной системы, обра-
зованіе нервныхъ узловъ, словомъ, обособленіе, специализацію
отправленій. Наконецъ, въ высшихъ животныхъ формахъ это
обособленіе достигаетъ высшей точки своего развитія, результа-
томъ чего является образованіе мозговой массы—„интеллек-
туального аппарата“, на ряду съ которымъ продолжаютъ суще-
ствовать аппараты автоматическій и инстинктивный. Въ чело-
вѣкѣ роль автоматическаго аппарата играетъ спинной мозгъ,
дѣйствія котораго чисто механическія; нервные узлы, въ которыхъ
находятся нервы обособленныхъ чувствъ, представляютъ собою
аппаратъ инстинктивный, а головной мозгъ есть „поприще идей,
царство мысли, орудіе, посредствомъ котораго дѣйствуетъ умъ“.
Геологія и палеонтологія показываютъ, что появленіе организ-
мовъ, послѣдовательно населявшихъ землю, слѣдуетъ тому же
плану, т.-е. въ болѣе древнихъ пластахъ мы встрѣчаемъ живот-
ныя формы съ наиболѣе простой нервной системой, которая въ
позднѣйшихъ типахъ все болѣе и болѣе усложняется, пока не
достигнетъ, наконецъ, послѣдней фазы своего развитія въ чело-
вѣкѣ. Наконецъ, та же послѣдовательность замѣчается и въ
развитіи человѣка, начиная съ эмбрионическаго состоянія. Изъ
всего этого Дрэперъ и заключаетъ, что цѣль природы есть гос-
подство разума. Къ этому стремится каждый человѣкъ, разсма-

триваемый и какъ недѣлимое, и какъ членъ общества. Для достиженія господства разума въ обществѣ, Дрэперъ хочетъ его построить во тому же плану, по которому слагается организмъ недѣлимаго высшаго типа, т.-е. обладающаго всѣми тремя ступенями развитія нервной системы. Въ его обществѣ, такимъ образомъ, должны быть члены, специально посвятившіе себя нервной дѣятельности—это головной мозгъ общества. Съ другой стороны, „самая многочисленная часть общества должна посвятить себя работѣ (физической), едва выучиваясь чему нибудь, не относящемуся къ ея ежедневному труду; всякаго усовершенствованія она достигаетъ простымъ подражаніемъ. Она повинуется своимъ наслѣдственнымъ инстинктамъ, не имѣя никакой идеи ни о прогрессѣ, ни о развитіи. Управляемая внѣшними явленіями и своими собственными побужденіями, она неспособна ни къ комбинаціямъ, ни къ обобщеніямъ. Ея движеніе вполнѣ зависитъ отъ скрытаго вліянія внѣшнихъ дѣятелей. Эта обширная масса, подобно облаку, стремится къ своей участи, по направленію невидимаго вѣтра“ (ст. 269). На стр. 48-й Дрэперъ также высказываетъ мысль, что „въ членахъ каждаго общества должны быть различныя степени ума“. Такой порядокъ вещей онъ почему-то называетъ господствомъ разума... Положивъ, такимъ образомъ, рѣзкую границу между трудомъ физическимъ и умственнымъ, Дрэперъ проповѣдуетъ дальнѣйшую специализацію труда и новыя его дробленія. Какъ видитъ читатель, это одинъ изъ образцовъ злоупотребленія закономъ Бэра. Бэръ выразилъ сущность органическаго прогресса формулой: „последовательный рядъ измѣненій приводитъ однородное къ разнородному“. Это одно изъ плодотворнѣйшихъ обобщеній современной науки; но именно исходя изъ этого закона, на которомъ Дрэперъ и другіе строятъ идею социальнаго организма, мы и не признаемъ этой идеи. Общество есть не организмъ, а совокупность недѣлимыхъ организмовъ; оно состоитъ не изъ органовъ, специально предназначенныхъ для того или другаго отправленія, а изъ недѣлимыхъ, имѣющихъ всѣ органы и потому исполняющихъ всю сумму отправленій. Идея социаль-

наго организма находится въ прямомъ противорѣчїи съ закономъ Бэра, и можно только удивляться близорукости ея защитниковъ, которые хотятъ опереться на этотъ законъ. Превращеніе организма (недѣлимаго) въ органъ, сопровождаемое нарушеніемъ его цѣлостности и независимости, есть развитіе разнороднаго въ однородное, общаго въ спеціальное, многосторонняго въ одностороннее, а слѣдовательно, такое превращеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подведено подъ законъ Бэра. Это развитіе патологическое, а не фізіологическое, а идея соціальнаго организма— „двойная бухгалтерія“. Законъ Бэра есть законъ нормальнаго, фізіологическаго развитія. Вступая въ качествѣ спеціальнаго органа въ дрэперовскій соціальный организмъ, сбуживая свою дѣятельность, разжаловывая себя, если можно такъ выразиться, индивидуумъ тѣмъ самымъ нарушаетъ этотъ законъ, т.-е. развивается аномально. Изъ всего его существа упражняется и развивается только ничтожная часть, все остальное гложетъ, замираетъ. Органическій прогрессъ, по закону Бэра, состоитъ въ усложненіи организаціи; здѣсь мы видимъ совершенно противное. Ясно, что защитники идеи соціальнаго организма, думая сдѣлать общество логическимъ выводомъ изъ природы, дѣлаютъ его антитезой ея. Но идея соціальнаго организма ложна не только въ принципѣ, она не можетъ и фактически осуществиться. Въ результатѣ безконечной спеціализаціи труда получаютъ не цѣлыя индивидуумы, а только, такъ сказать, извѣстныя части ихъ; но это все-таки не органы, они не теряютъ способности страдать и наслаждаться что составляетъ существенную, характеристическую черту недѣлимаго. Эта способность есть, безъ сомнѣнія, лучшій пробный камень для провѣрки дрэперовскаго обобщенія, невѣрность котораго доказывается заключающимся въ немъ противорѣчїемъ: въ организмѣ страдаютъ и наслаждаются не части, а цѣлое, а въ обществѣ наоборотъ, и слѣдовательно, нѣтъ никакого подобія между обществомъ и недѣлимымъ“.

Послѣднее обстоятельство напонимаетъ намъ, что Спенсеръ, совѣтуя не забывать, по его собственному мнѣнію, важнѣйшій

пунктъ различія между обществомъ и организмомъ, тѣмъ не менѣе забылъ его. И забвеніе это всего ярче проглядываетъ въ наиболѣе остроумной частности его аналогіи—въ параллели между парламентомъ и головнымъ мозгомъ. Если головной мозгъ недѣлимаго получаетъ не дѣйствительныя ощущенія, непосредственно оцѣняемыя нервными узлами, а представленія этихъ ощущеній, то, тѣмъ не менѣе, организмъ, обладая корпоративною сознательностью, страдаетъ и наслаждается весь. Вслѣдствіе этого, выражаясь метафорическимъ языкомъ Спенсеровой аналогіи, интересы мозга солидарны съ интересами цѣлаго организма, и въ немъ не найдется торіевъ и виговъ, радикаловъ и чартистовъ. Но англійскимъ рабочимъ ничуть не легче отъ того, что ихъ интересы и страданія не непосредственно ощущаются палатою общины, а „представляются“ ей. Въ организмѣ все-таки страдаетъ и наслаждается цѣлое, а не части; въ обществѣ все-таки страдаютъ и наслаждаются части, а не цѣлое. И никакое остроуміе, никакая эрудиція не въ силахъ стереть этой коренной разницы, связанной съ коренною разницею между раздѣленіемъ труда фізіологическимъ и социальнымъ, которая, въ свою очередь, связывается съ столь же коренной разницею между развитіемъ органическимъ и социальнымъ.

Итакъ, въ третій разъ Спенсеръ проходитъ съ закрытыми глазами мимо человѣческихъ радостей и горестей, хотя всѣ три раза крылья его мысли вплотную касаются тѣхъ и другихъ; и проходитъ онъ мимо ихъ на самыя разнообразныя лады. Предписывая искусству изображать только прошлую жизнь, онъ минуется тревоги настоящаго по простому недосмотру, такъ какъ принципъ контраста не исключаетъ изъ задачъ искусства передачи современныхъ явленій. Проводя параллель между прогрессомъ органическимъ и социальнымъ, онъ отворачивается отъ счастья человѣчества сознательно, потому что прямо заявляетъ о своемъ неуваженіи къ этой точкѣ зрѣнія. Устанавливая аналогію между организмами естественнымъ и общественнымъ, онъ обходитъ страданіе и наслажденіе человѣка по двойному недосмотру: забываетъ не только это страданіе и наслажденіе,

но и свое собственное напоминаніе объ нихъ. Еслибы во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ онъ дѣйствительно дошелъ до истины—мы бы ни слова не сказали и не могли сказать противъ его объективнаго метода. Успѣхъ въ этомъ случаѣ оправдалъ бы средства, какъ бы мы на нихъ ни смотрѣли безотносительно къ результатамъ. Но мы видимъ, что этого нѣтъ; мы видимъ, напротивъ, что во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ онъ впадаетъ въ грубыя ошибки. И такъ-какъ въ силѣ ума Спенсера сомнѣваться невозможно, то самъ собою представляется вопросъ: законно ли устраненіе телеологическаго элемента изъ соціологическихъ изслѣдованій, можетъ-ли объективный методъ дать въ соціологіи благіе результаты? Можетъ быть, соціологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ челоуѣка, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и желаніями; можетъ быть, грозный образъ страдающаго челоуѣчества, соединившись съ логикой вещей, мститъ всякому, кто его забудетъ, кто не проникнется его страданіями; можетъ быть, объективная точка зрѣнія, обязательная для естествоиспытателя, совершенно непригодна для соціологіи, объектъ которой—челоуѣкъ—тождественъ съ субъектомъ; можетъ быть, вслѣдствіе этой тождественности, мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполне сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т.-е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, перечувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданіе, проплачетъ его слезами? Есть нѣкоторыя основанія думать, что это предположеніе вѣрно, и сочиненія Спенсера представляютъ обильныя намеки на то, что объективный методъ, единственно плодотворный въ естествознаніи, бессиленъ въ соціологіи | 12

Вопервыхъ, мы видѣли, что ошибки Спенсера совпадаютъ съ устраненіемъ изъ соціологическихъ изслѣдованій телеологическаго элемента, что въ такомъ сильномъ мыслителѣ весьма характеристично.

Вотвторыхъ, нѣкоторыя частныя изслѣдованія Спенсера, въ которыхъ онъ становится на субъективную точку зрѣнія, заклю-

чаютъ въ себѣ истины безспорныя и притомъ діаметрально противоположныя тѣмъ выводамъ, которые вытекаютъ изъ его изслѣдованія прогресса. Мы рассмотримъ одинъ такой случай. Дѣло идетъ о причинахъ разнообразія и однообразія слога писателей. Такъ статья и называется: „Философія слога“. „Отчего Джонсонъ напыщенъ, а Гольдсмить простъ? спрашиваетъ Спенсеръ (I, 91). Отчего одинъ авторъ отрывоченъ, другой плавленъ, третій сжатъ? Очевидно, что въ каждомъ частномъ случаѣ обычный способъ выраженія зависитъ отъ обычнаго настроенія. Преобладающія чувства, постояннымъ упражненіемъ, приучили умъ къ извѣстнымъ представленіямъ. Но между тѣмъ какъ продолжительнымъ, хотя и бессознательнымъ упражненіемъ онъ достигъ того, что съ силою передаетъ эти представленія, онъ остается, по недостатку упражненія, неспособнымъ къ передачѣ другихъ, такъ что, когда возбуждаются эти болѣе слабыя чувства, въ обычныхъ словесныхъ формахъ происходятъ только легкія измѣненія. Но пусть сила рѣчи вполне разовьется, пусть способность разсудка выражать душевныя волненія достигнетъ совершенства; тогда неподвижность стили исчезаетъ. Совершенный писатель будетъ выражаться какъ Юніусъ, когда онъ будетъ въ такомъ же расположеніи духа, какъ Юніусъ; когда онъ будетъ чувствовать, какъ чувствовалъ Ламбъ, онъ употребитъ столь же простую рѣчь; онъ впадетъ въ рѣзкость Карлейля. когда придетъ въ настроеніе Карлейля“. Говоря о „совершенномъ“ писателѣ, Спенсеръ тѣмъ самымъ выдвигаетъ нѣчто желательное, ставитъ нѣкоторый идеалъ, къ которому приглашаетъ стремиться, т. е. вводитъ въ свое разсужденіе субъективный и телеологическій элементъ. Желательно, разумѣется, не то, чтобы тотъ или другой писатель обладалъ совершеннымъ слогомъ; желательно, чтобы всѣ они достигли этого совершенства. Но когда слогъ cadaго писателя можно будетъ выразить формулою: (Юніусъ+Ламбъ+Карлейль+и т. д.),—то очевидно, что вся группа писателей будетъ вполне однородна, именно потому, что каждый изъ нихъ вполне разнороденъ: формула cadaго изъ нихъ состоитъ изъ весьма длиннаго ряда слагаемыхъ, и потому

выражает собою фактъ весьма сложный и разнородный, но такъ-какъ всѣ писатели выражаются одною и тою же формулою, то вся масса ихъ будетъ совершенно однородна,—ни у одного изъ нихъ не будетъ, въ сравненіи съ остальными, ничего лишняго и ничего недостающаго. Слѣдовательно, если мы мысленно изолируемъ всѣхъ писателей отъ остальной массы общества и представимъ себѣ группу ихъ какъ нѣчто цѣлое, то окажется, что Спенсеръ, какъ разъ наоборотъ тому, что онъ говорилъ о всемъ обществѣ, требуетъ для нашей группы писателей полной однородности въ цѣломъ и полной разнородности для каждаго отдѣльно взятаго писателя. Если мы на вопросъ о слогѣ взглянемъ нѣсколько глубже, то противорѣчіе это станетъ еще болѣе яснымъ. Разнообразіе слога обусловливается количествомъ чувствъ, волнующихъ писателя, а количество и напряженность чувствъ зависитъ отъ среды, въ которой обращается писатель. Представимъ себѣ разнородное общество, т.-е. общество, дифференцированное на опредѣленное количество слоевъ. Писателей выставятъ, разумѣется, не всѣ эти слои. Такъ, въ XVII столѣтіи литература принадлежитъ во Франціи дворянству и духовенству и выражаетъ чувства, обычныя для этихъ классовъ. Сообразно этому, слогъ принимаетъ извѣстный специальный характеръ у Корнеля и Расина съ одной стороны, у Босюэта и Фенелона—съ другой. Затѣмъ вырѣзывается третье сословіе, въ лицѣ такъ-называемой литературы просвѣщенія,—представитель новыхъ чувствъ и, слѣдовательно, новаго слога. Такъ-какъ дворянская литература и духовная еще продолжаютъ существовать бокъ-о-бокъ съ этой литературой средняго сословія, то появленіе послѣдняго увеличиваетъ разнородность общества и разнородность массы писателей: къ дворянскому слогу и слогу духовенства прибавляется еще третій. Но этотъ порядокъ вещей тянется недолго, и среднее сословіе весьма быстро превращается въ широкой нивелирующей потокъ. Чувства, волнующія вновь народившійся общественный слой, охватываютъ все общество, и революція стираетъ аристократію и духовенство. Они еще пробуютъ бороться, пробуютъ отстаивать свои specialныя чувства

и свой специальный слогъ, но безуспѣшно. Ночь 4-го августа имѣеть въ исторіи слога свой параллельный фактъ, хотя и не столь рѣзко обозначенный. Съ точки зрѣнія ученія Спенсера о прогрессѣ вообще это явленіе регрессивное, потому что общество перешло отъ разнородности къ однородности. Не говоря уже о томъ, что это прямо вытекаетъ изъ его общей теоріи, онъ говоритъ въ этомъ смыслѣ и объ этомъ частномъ случаѣ. „Политическій взрывъ,—говоритъ онъ,—съ самаго начала стремится изгладить правительственныя и промышленныя спеціализаціи, существовавшія прежде. Недовольство, производящее такой взрывъ, само по себѣ предполагаетъ уже ослабленіе узъ, связывающихъ гражданъ въ отдѣльные классы и подклассы. Агитация, выростающая въ революціонные митинги, обнаруживаетъ рѣшительную склонность къ сліянію слоевъ, обыкновенно отдѣльныхъ другъ отъ друга“ („Основныя начала“, 191). И всѣ „такія измѣненія не только не составляютъ дальнѣйшей ступени развитія, но, напротивъ, представляютъ собою шаги къ разложенію“ (Ibid., 189). Это совершенно послѣдовательно, что касается до прогресса социальнаго, т.-е. развитія идеальной, юридической личности. Но, введя въ свое разсужденіе судьбу личности реальной, Спенсеръ долженъ придти къ заключенію совершенно противоположному. Дѣйствительно, если среднее сословіе стало выражать, въ придачу къ тѣмъ чувствамъ, которыя прежде волновали только его, также и тѣ, которыя прежде составляли монополию дворянства и духовенства; если оно такимъ образомъ не заговорило общечеловѣческимъ языкомъ только потому, что четвертое сословіе еще ждало своей очереди для внесенія своихъ чувствъ на арену исторіи и литературы, то ясно во всякомъ случаѣ, что слогъ писателей третьяго сословія сталъ разнороднѣе слога писателей дворянскихъ и духовныхъ, т.-е. писатели, по крайней мѣрѣ по отношенію къ слогу, стали совершеннѣе. Итакъ, писатель тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ онъ разнороднѣе и чѣмъ общество, въ которомъ онъ дѣйствуетъ, однороднѣе, а между тѣмъ социальный прогрессъ состоитъ въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному. Это противорѣчіе объясняется,

вопервыхъ, тѣмъ, что, трактуя о совершенствѣ слога писателя, Спенсеръ становится на субъективную точку зрѣнія, которая исключается имъ изъ изслѣдованія законовъ соціального прогресса; а, вовторыхъ, тѣмъ, что въ первомъ случаѣ онъ беретъ во вниманіе тотъ элементъ, который устраняетъ во второмъ, т.-е. прогрессъ индивидуальный. Нетрудно видѣть, что совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ не случайное; что всякій разъ, какъ Спенсеръ станетъ на телеологическую точку зрѣнія, онъ необходимо долженъ будетъ принять въ соображеніе судьбу не общества, а недѣлимаго, и что, наоборотъ, слѣдя за судьбой недѣлимаго, онъ необходимо станетъ на телеологическую точку зрѣнія, т.-е. выставитъ нѣкоторую цѣль, которой желательно достигнуть.

Нетрудно, наконецъ, видѣть и то, что только въ этомъ случаѣ онъ можетъ придти къ результатамъ, безспорно истиннымъ. Еслибы Спенсеръ рекомендовалъ не фізіологамъ соціологическій методъ, а, наоборотъ, соціологамъ методъ фізіологическій, то, исходя изъ того же закона Бэра, который составляетъ основаніе его выводовъ, онъ пришелъ бы къ совершенно инымъ результатамъ. По этому закону организмъ тѣмъ развитѣе, тѣмъ выше, чѣмъ онъ сложнѣе, чѣмъ фізіологическое раздѣленіе труда между его органами обозначено рѣзче и яснѣе. Организмъ прогрессируетъ, когда онъ усложняется, т.-е. переходитъ отъ однородности къ разнородности, и регрессируетъ, когда упрощается, т.-е. переходитъ отъ разнородности къ однородности. Это истина безспорная. Если индивидуальный организмъ нисходитъ до степени спеціального органа въ организмѣ соціальномъ, то тѣмъ самымъ онъ переходитъ отъ разнородности къ однородности, слѣдовательно, регрессируетъ. Въ то же самое время соціальный организмъ становится разнороднѣе, слѣдовательно, прогрессируетъ. Какое изъ этихъ взаимно исключающихся движеній слѣдуетъ принять за дѣйствительно прогрессивное? Объективная точка зрѣнія не даетъ руководства для выбора. Она говоритъ только, что прогрессъ есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному. А такъ-какъ въ исторіи движеніе общества именно въ этомъ отношеніи обозначено, за весьма, впро-

чемъ, значительными исключеніями, весьма явственно, то для объективной точки зрѣнія этого и достаточно: общество прогрессируетъ, хотя и давить при этомъ личность, заставляя ее переходить отъ разнородности къ однородности. Не то будетъ, когда мы станемъ на противоположную точку зрѣнія; когда мы, признавъ, что общество, какъ личность идеальная, не живетъ и не умираетъ, не страдаетъ и не наслаждается, возьмемъ за центръ своего изслѣдованія мыслящую, чувствующую и желающую личность. Естественнымъ образомъ мы признаемъ при этомъ прогрессивнымъ только такое движеніе, которое увеличиваетъ массу наслажденій этой личности и уменьшаетъ массу ея страданій. Мы знаемъ, далѣе, что нарушеніе равновѣсія органовъ, развитіе одного изъ нихъ въ ущербъ другому или другимъ, болѣзненно отзывается на личности и отнимаетъ у нея самое очевидное благо—здоровье. Кромѣ того, такое нарушеніе равновѣсія ставитъ одну личность или одну группу личностей въ зависимость отъ другой, которой удалось развить въ себѣ болѣе выгодную физиологическую функцію, такъ что первая такъ или иначе становится по отношенію ко второй въ болѣе или менѣе замаскированное положеніе раба. Наконецъ, такъ-какъ каждое естественное физиологическое отправление составляетъ источникъ наслажденія, то недѣлимое тѣмъ счастливѣе, чѣмъ полнѣе и многостороннѣе идетъ въ немъ физиологическая работа. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ выразится усложненіемъ организма, переходомъ его отъ однородности къ разнородности, хотя бы такой переходъ обуславливался обратнымъ движеніемъ для общества; переходъ же общества отъ однородности къ разнородности будетъ признакомъ регресса. Которое изъ этихъ рѣшеній правильнѣе, которое изъ нихъ логически вытекаетъ изъ закона Бэра? Очевидно второе, потому что индивидуальный прогрессъ есть тотъ же прогрессъ органической, только въ общественной средѣ. И придти къ этому второму рѣшенію Спенсеру помѣшало тщательное устраненіе вопроса о человѣческомъ счастьи. И натолкнуть его на это рѣшеніе могъ только этотъ вопросъ. Въ этой варѣ человѣческой логики за забвеніе человѣческихъ ин-

тересовъ, есть знаменательное указаніе, преслѣдующее Спенсера во всѣхъ его ошибкахъ, придающее имъ видъ необыкновенной, странной грубости. Что можетъ быть грубѣе и очевиднѣе его ошибки относительно задачи искусства? И произошла она оттого, что для него какъ бы не существуютъ социальныя контрасты, порожденные тѣмъ процессомъ дифференцированій общества, который онъ называетъ социальнымъ развитіемъ. И когда сопоставляешь эти примѣры со множествомъ свѣтлыхъ, блестящихъ мыслей того же автора, то вопросъ о законности объективнаго метода въ социологіи встаетъ все назойливѣе и назойливѣе.

Для подробной оцѣнки значенія этого метода, да позволено намъ будетъ сдѣлать небольшое, а можетъ быть и довольно длинное отступленіе. Но намъ не хотѣлось бы разставаться съ читателемъ, не устранивъ одного возможнаго недоразумѣнія. Намъ не хотѣлось бы, чтобы читатель подумалъ, что для насъ золотой вѣкъ человѣчества лежитъ не впереди, а позади, не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Мы не признаемъ доктрины Руссо, которая однако несомнѣнно вѣрно указываетъ свойства нѣкоторыхъ сторонъ цивилизаціи. Не становимся мы и въ ряды поклонниковъ древней Греціи (весьма многочисленныхъ сравнительно очень недавно), хотя опять-таки и въ ихъ мнѣніи есть значительная доля правды. Съ одной стороны общество еще никогда не достигало и не можетъ достигнуть до состоянія организма. Съ другой стороны, на сколько цивилизація двигалась путемъ раздѣльнаго труда, она несомнѣнно имѣла указанный выше двойственный характеръ. Но раздѣленіемъ труда не исчерпывается кооперація, и на ряду съ нимъ существовало и существуетъ простое сотрудничество, т.-е. сочетаніе труда равныхъ людей, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль. И все будущее принадлежитъ этой формѣ коопераціи.

V.

Сравнивая нѣсколько болѣе или менѣе удаленныхъ другъ отъ друга историческихъ періодовъ, мы замѣчаемъ большую или меньшую разницу въ соответствующихъ имъ состояніяхъ общества. Мы видимъ различную группировку силъ политическихъ и экономическихъ, различные способы производства богатствъ, различные типы ихъ распредѣленія, различныя степени власти надъ природой, различные нравственные уровни, различныя степени интеллектуальнаго развитія, наклонности къ войнѣ и торговлѣ и т. д. Если, далѣе, мы достаточно подготовлены умственной работой надъ самимъ собой и надъ окружающими насъ фактами, то мы безъ труда замѣтимъ нѣкоторую связь между взятыми нами періодами въ ихъ послѣдовательности; промежуточные фазы еще настойчивѣе укажутъ на эту связь. Но отъ этого смутнаго сознанія существованія извѣстной правильности въ послѣдовательной смѣнѣ историческихъ фактовъ еще далеко до отчетливаго представленія и формулированія самой этой правильности. Мы скорѣе угадываемъ, нежели сознаемъ отчетливо и ясно, что есть нѣкоторый порядокъ въ появленіи на исторической сценѣ и исчезаніи съ нея всѣхъ этихъ великихъ героевъ и пошлыхъ негодяевъ, мирно занявшихъ по три аршина земли для своего послѣдняго жилища; всѣхъ этихъ глубокихъ думъ, сильныхъ чувствъ и страстныхъ желаній, то сданныхъ нами въ архивъ, то превращенныхъ въ знамя нашей дѣятельности; всѣхъ этихъ потрясающихъ картинъ скорби и радости, въ которыхъ мы можемъ участвовать только мыслью; всѣхъ этихъ разнообразныхъ отжившихъ формъ общежитія и міросозерцанія. Передъ нами развертывается такая необъятная перспектива прошедшаго, въ которой различные общественные элементы повидимому самымъ причудливымъ образомъ скрепляются, переплетаются, цѣпляются другъ за друга, сходятся и расходятся на тысячахъ пунктовъ, какъ неровныя звенья множества перепутанныхъ цѣпей. И ориентироваться въ этой сложной сѣти тѣмъ труднѣе, чѣмъ далѣе мы подвигаемся въ густую чащу историческихъ

фактовъ. Но насъ гонять нужды настоящаго, насъ душить страхъ за будущее, и мы все тщательнѣе и внимательнѣе ищемъ такого пункта, съ котораго было бы всего удобнѣе осмотрѣть всю разстилающуюся за нами исторію, чтобы по ней опредѣлить наше будущее. Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень крупными затрудненіями. Чтобы уловить законы соціальной динамики, т.-е. общественнаго прогресса, мы должны одновременно слѣдить за движеніемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ сразу. Мы ищемъ не исторіи войны, торговли, экономическихъ отношеній, вѣрованій, нравственныхъ, эстетическихъ идеаловъ и т. д. Мы ищемъ законовъ, управляющихъ единовременнымъ движеніемъ всѣхъ этихъ элементовъ. Если мы ухватимся за одинъ какой-нибудь соціальный элементъ, почему либо бросившійся намъ въ глаза, и по движенію этой части будемъ судить о развитіи цѣлаго, то вся исторія естественно окрасится для насъ одностороннимъ и ложнымъ свѣтомъ. Такія попытки приурочить прогрессъ общества къ движенію одного изъ соціальныхъ элементовъ бывали. Такъ Боссюэтъ, напримѣръ, принялъ за точку исхода христіанство, элементъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ новой исторіи весьма важный, но не единый и не всеобъемлющій. На ряду съ христіанствомъ въ новомъ обществѣ самостоятельно существуютъ болѣе или менѣе крупные обломки римскаго права, существуетъ наука, промышленныя отношенія и общественныя учрежденія, отнюдь не захватываемыя исторіей христіанства. Ошибка Боссюэта, несмотря на нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства и важное значеніе его знаменитаго Discours, уже слишкомъ груба. Христіанство представляетъ собою факторъ, рѣзко опредѣленный во времени и пространствѣ, имѣющій свое извѣстное намъ, относительно близкое историческое начало и извѣстное географическое распространеніе. Мы знаемъ безошибочно, что были времена, когда христіанства не было, и что есть мѣста, гдѣ христіанства нѣтъ. Поэтому принятіе его развитія за центральный факторъ соціальной динамики можетъ ввести въ заблужденіе очень немногихъ. Боссюэтъ, съ своей точки зрѣнія, весьма послѣдовательно разрубилъ гордіевъ узелъ дохристіанской исто-

риі на манеръ Александра Македонскаго, вычеркнувъ изъ древней исторіи всѣ народы, за исключеніемъ еврейскаго, въ которомъ онъ видитъ приготовленіе, такъ-сказать, задатокъ христіанства. Но многими историками весь прогрессъ человѣчества приурочивается къ факторамъ, гораздо болѣе общимъ и тѣмъ не менѣе все-таки недостаточно общимъ для освѣщенія хода развитія всего общества въ цѣломъ. Таково, на примѣръ, стремленіе къ политической свободѣ, теряющееся во мракѣ доисторическихъ временъ съ одной стороны и заявляющее себя въ сегодняшнемъ номерѣ либеральной газеты съ другой, и имѣющее заявить себя и завтра и послѣзавтра въ той или другой формѣ; существующее въ различной степени и въ Китаѣ и въ Англии, и въ Южной Америкѣ и въ Норвегіи. Несмотря однако на общность этого элемента и могучесть его, какъ соціальнаго двигателя, мы не можемъ признать его элементомъ первенствующимъ, достаточно широкимъ для поглощенія остальныхъ. Исторія политической свободы и даже стремленія къ ней не есть исторія человѣчества; и, принявъ ее за исходный пунктъ изученія соціальной динамики, мы принуждены будемъ обойти значительную часть фактовъ совсѣмъ, а другую значительную часть представить въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ. Мало того, игнорируя элементы равносильные и, быть можетъ, даже болѣе сильные, нежели стремленіе къ политической свободѣ, мы необходимо извратимъ и частную исторію этого самаго стремленія. Общество представляетъ собою арену безчисленныхъ дѣйствій и противодѣйствій и въ то же время всѣ его элементы находятся въ тѣснѣйшей между собою зависимости, другъ друга обуславливая. Такъ что въ этомъ случаѣ намъ представляется дилемма: или полное и всестороннее уясненіе, или никакого уясненія даже развитія частнаго факта. Немудрено поэтому, что, вслѣдствіе своей сложности, вопросы общественной жизни, остановившіе на себѣ вниманіе человѣка почти одновременно съ первыми, азбучными вопросами природы, съ точки зрѣнія научной разработки остались далеко позади послѣднихъ. Самый предметъ общественной науки — людскія отношенія —

всегда и вездѣ сосредоточивалъ на себѣ особенное вниманіе. Лучшие люди, цвѣтъ и краса человѣчества, дрались и умирали за тотъ или другой общественный принципъ, всю душу свою клали въ вопросы общественной жизни. Но рядомъ съ ними работали и работаютъ и тѣ, кто составляетъ позоръ и поношеніе людскаго рода. И въ этомъ заключается вторая причина отсутствія общественной науки. Истины естествознанія или вовсе не затрогиваютъ чьихъ бы то ни было непосредственныхъ интересовъ, за которые обыкновенно человѣкъ держится крѣпче всего, — и въ такомъ случаѣ большинство относится къ нимъ безразлично, „оставляя астрономамъ доказывать, что земля обращается вокругъ солнца“; или же онѣ могутъ получить немедленное практическое приложеніе, и въ такомъ случаѣ принимаются съ распростертыми объятіями. Если какое-нибудь ученіе о природѣ и вызываетъ косые взгляды, то главнымъ образомъ потому, что изъ-за него выглядываетъ грозный образъ какого либо ученія объ обществѣ. Прошла пора отреченія Галилея предъ лицомъ католицизма, но не скоро Петръ перестанетъ быть вынужденнымъ отрекаться отъ Христа предъ лицомъ римскихъ воиновъ. Истины науки общественной, вводя въ свои формулы такія понятія, какъ справедливость, право, нравственность, должны пробиваться на свѣтъ божій подъ гнетомъ общественнаго разстройства или неустройства, подъ градомъ ругательствъ, доносовъ, клеветъ и насмѣшекъ. Это отражается и на ищущихъ истину. Вотъ двѣ книги: одна трактуетъ о явленіяхъ природы, другая—о явленіяхъ общественной жизни. Одна написана спокойно, безстрастно нацѣпляетъ фактъ на фактъ и безпрепятственно доходитъ до обобщенія. Въ другой не то. Вы видите, что человѣкъ захлебывается тѣми ощущеніями, которыя возбуждаются въ немъ процессомъ передачи мыслей; вы можете чуть не по каждой строгѣ судить о біеніи пульса писавшей руки; человѣкъ любить, ненавидитъ, смѣется и плачетъ; вы можете разглядѣть слѣды жолчи и слезъ на бездушнѣйшей бумагѣ. Изложеніе сбивчиво, неровно, рядомъ съ чисто научной мыслью стоитъ ѣдкая полемическая выходка, вызовъ врагу, улыбка тор-

жества и презрѣнія; тамъ опять безспорное наблюденіе, безспорный выводъ и опять дрожь и замираніе субъективныхъ взрывовъ. Но запасъ накопленныхъ знаній все-таки растетъ и растетъ. Истина и здѣсь все та же вода, вылитая по каплѣ на камень, только камень крѣпче и въ водѣ есть постороннія, но неизбежныя примѣси. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ наукѣ о природѣ истинѣ удалось выбить изъ позиціи odium theologicum, такъ одолѣетъ она соотвѣтствующій элементъ и въ наукѣ объ обществѣ. Статистики и психологи, социалисты и экономисты, политическіе теоретики и историки вносятъ свою долю въ капиталъ будущей общественной науки, и все это толкается впередъ потребностями и нуждами народовъ и обливается безстрастнымъ, холоднымъ и неотразимымъ свѣтомъ науки о природѣ. И наступитъ наконецъ пора, когда поблѣднѣетъ извѣстный сарказмъ Гоббса: еслибы и геометрическія аксіомы задѣвали чело-вѣческіе интересы, такъ и онѣ вѣчно оспаривались бы. Мы имѣемъ право вѣрить, что наступитъ такая пора, потому что это вѣра въ силу человѣческаго разума и вѣра разумная.

Въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка на Западѣ выросла новая философская школа, предположившая обойти оба коренныя затрудненія социальной науки: сложность явленій общественной жизни и вмѣшательство субъективнаго элемента. Мы говоримъ о позитивизмѣ. Представители его явились то независимо другъ отъ друга, то группируясь около одного какого-нибудь крупнаго имени, то признавая себя позитивистами, то отрицая свою солидарность съ тою или другою ихъ отраслью. Исключительно опытное происхожденіе нашихъ знаній, ихъ относительность, невозможность познать сущность вещей и вслѣдствіе этого необходимость довольствоваться только оцѣнкой взаимныхъ отношеній между явленіями и отсюда выводить ихъ законы, подчиненность извѣстнымъ законамъ какъ явленій физическихъ, такъ и социальныхъ,—таковы основные философскіе принципы, выставленные новыми теоріями въ болѣе или менѣе определенной формѣ и въ болѣе или менѣе широкихъ обобщеніяхъ. Само собою разумѣется, что принципы эти въ прежнія

времена выдвигались отдѣльными мыслителями. Такъ, по вопросу объ относительности знаній Спенсеръ цитируетъ по Гамильтону слѣдующій списокъ предшественниковъ позитивизма: Протагоръ, Аристотель, св. Августинъ, Боэцій, Аверроэсъ, Альбертъ Великій, Жерсонъ, Левъ Еврей, Меланхтонъ, Скалигеръ, Францискъ Пикколомини, Джордано Бруно, Кампанелла, Бэконъ, Спиноза, Ньютонъ и Кантъ. И списокъ этотъ могъ бы быть значительно увеличенъ. Но какъ историческій центръ тяжести протеста противъ католицизма выпадаетъ на XVI вѣкъ, хотя, этому по преимуществу вѣку реформаціи и предшествовали альбигойцы, долларды, гусситы, такъ и разрозненные, не проведенные до конца и растворенные въ болѣе или менѣе чуждой массѣ принципы положительной философіи, проскальзывающіе тамъ и сямъ въ предшествующіе вѣка, не мѣшаютъ считать началомъ позитивизма именно XIX вѣкъ. Это не значитъ, разумѣется, что принципы положительной философіи, во всѣхъ сферахъ знанія и жизни получили должное примѣненіе, или что тамъ, гдѣ были попытки приложить ихъ къ дѣлу, они вездѣ были приложены должнымъ образомъ. Положительной философіи несомнѣнно предстоитъ еще большая и тяжелая работа. И не только въ поступательномъ движеніи впередъ должна состоять эта работа, не только въ расчисткѣ новыхъ и новыхъ закоулковъ науки и жизни, но и въ исправленіи и дополненіи многихъ важнѣйшихъ уже существующихъ выводовъ отдѣльныхъ представителей новаго строя мысли.

Школа Огюста Конта, которой преимущественно присвоивается названіе позитивизма и положительной философіи, обходитъ первое существенное затрудненіе социальной науки такимъ образомъ, что принимаетъ за центральный факторъ социального развитія интеллектуальный элементъ. При этомъ позитивисты очень хорошо понимаютъ, что умственная дѣятельность отнюдь не представляетъ наиболѣе сильнаго социального двигателя; что стремленіе къ истинѣ, къ объясненію міровыхъ явленій не захватываетъ собою другихъ, гораздо болѣе могучихъ дѣятелей; что интеллектуальный элементъ самъ постоянно получаетъ

толчки отъ мѣстныхъ физическихъ условій, отъ страстей, потребностей и желаній человѣка. Позитивисты говорятъ только, что умственный элементъ имѣетъ значеніе руководителя въ социальномъ движеніи, и имъ обусловливается количество и качество средствъ для удовлетворенія человѣческихъ склонностей и желаній. При такихъ оговоркахъ понятно громадное научное значеніе этого принципа. Онъ пробиваетъ широкую просѣку въ дремучемъ лѣсу исторіи и значительно упрощаетъ задачу социальной динамики. Съ такой точкой опоры глаза уже не разбѣгаются по запутаннымъ ходамъ и переходамъ историческаго лабиринта; вниманіе сосредоточивается на движеніи одного элемента, и вмѣстѣ съ тѣмъ элементъ этотъ таковъ, что, принявъ его развитіе за центральную нить, мы можемъ связать каждую ея точку съ любымъ изъ остальныхъ общественныхъ факторовъ. Высота умственнаго уровня, свойство вѣрованій и мнѣній въ данную историческую эпоху, опредѣляя нравственный, политическій и экономическій складъ общества, даютъ изслѣдователю руководящую нить, безъ которой онъ запутался бы въ массѣ фактовъ.

Найдя такую выгодную позицію, Контъ съ высоты ея раздѣлил исторію человѣчества на три великіе періода: теологическій, метафизическій и позитивный. Въ первомъ люди не имѣютъ понятія о законсообразности и причинной связи явленій, все совершается непосредственнымъ вмѣшательствомъ высшихъ существъ, одаренныхъ разумомъ и волею. Сначала люди антропоморфизуютъ единичные предметы, считаютъ ихъ одушевленными и принимающими участіе въ судьбѣ человѣка,—это возрастъ фетишизма; за нимъ слѣдуетъ политеистическое міросозерцаніе, уже классифицирующее явленія и отводящее въ завѣдываніе каждаго изъ высшихъ существъ цѣлыя ряды фактовъ; наконецъ является идея монотеизма, стирающая своимъ величіемъ и цѣлостностію всѣ отдѣльныя божества предшествующихъ періодовъ.—На метафизической ступени развитія мысль считаетъ причиною явленій и ихъ измѣненій не волю существъ, стоящихъ внѣ самыхъ явленій, а нѣкоторыя свойства, силы и

способности естественныхъ конкретныхъ дѣятелей, имъ присущія. Мысль отвлекаетъ отъ предмета одно изъ его свойствъ и реализируетъ свое отвлечение, придавая ему такимъ образомъ отдѣльное, самостоятельное существованіе, хотя и связанное съ существованіемъ конкретнаго факта. Наконецъ положительная философія, оставляя въ сторонѣ, какъ сверхъестественныхъ дѣятелей, такъ и метафизическія сущности, устремляетъ вниманіе человѣка на самыя явленія въ ихъ связи съ сосѣдними по времени и по пространству. Законы послѣдовательности и со-
существованія явленій,—вотъ все, чего ищетъ отрезвившаяся мысль, усталая отъ погони за конечными причинами и абстрактными сущностями. Каждая вѣтвь знанія проходитъ черезъ эти три фазы развитія и каждая принимаетъ наконецъ положительный характеръ. Но новый слой мысли не вдругъ совершенно стираетъ прежніе слои, и есть такія отрасли науки, гдѣ можно различить всѣ три формаціи, существующія одновременно. Таково именно печальное состояніе социологіи; въ ней бокомъ о бокомъ съ проблесками позитивнаго строя мысли, существуютъ осколки теологическаго міросозерцанія, сказывающагося въ преобладаніи воображенія надъ наблюденіемъ, метафизическаго— въ лицѣ тѣхъ ученій, которыя выводятся изъ принциповъ естественнаго права и понятія о врожденныхъ идеяхъ. Наличные политическіе принципы, какъ ретроградные, такъ и революціонные, и ходячія правила морали всѣ вытекаютъ либо изъ идеи божественнаго права, либо изъ абстракцій. Поэтому Контъ признаетъ за „революціонной метафизикой“ только критическое и отрицательное значеніе, выразившееся въ борьбѣ съ католицизмомъ и феодализмомъ. Затѣмъ дальнѣйшее существованіе ея оказывается крайне вреднымъ, потому что она только „переноситъ божественное право съ королей на народы“ или стремится отодвинуть общество назадъ подъ покровомъ прогрессивныхъ цѣлей. Положительная же социологія хочетъ только уловить тѣ законы, по которымъ факты общественной жизни группируются въ данное время или слѣдуютъ одинъ за другимъ. Наличныя политическія доктрины имѣютъ въ виду или исклю-

чительно идею порядка, или столь же исключительно идею прогресса, вслѣдствіе чего ни тѣ ни другія не могутъ удовлетворить научнымъ требованіямъ. [Въ положительной же социологіи оба эти принципа получаютъ свое настоящее мѣсто, причѣмъ идея порядка составляетъ основаніе социальной статистики, а идея прогресса—корень социальной динамики. Ищите законовъ послѣдовательности и сосуществованія явленій,—таковъ единственный завѣтъ позитивизма, который, ставя социолога на объективную точку зрѣнія, тѣмъ самымъ устраняетъ, повидимому, и второе больное мѣсто социологіи.

Какъ ни соблазнительна мысль подольше остановиться на исторической и социологической теоріи Конта, мнѣ приходится удовольствоваться здѣсь этимъ болѣе чѣмъ голымъ остовомъ и нижеслѣдующими отрывочными замѣчаніями. Прежде всего въ контовскомъ огульномъ отрицаніи „революціонной метафизики“ бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Всѣ существующія политическія теоріи и системы дѣлятся для Конта на остатки феодально-католическаго міросозерцанія, представляемые различными ретроградными партіями; затѣмъ существуетъ промежуточная, лишенная всякой самостоятельности партія консервативная, и наконецъ „революціонная метафизика“, куда входятъ всѣ оттѣнки критической социальной философіи отъ нѣкоторыхъ сторонъ протестантизма до системъ и ученій, народившихся во время и послѣ французскій революціи. Всѣ они, говоритъ Контъ, не удовлетворяютъ принципамъ положительной философіи, потому что всѣ ищутъ чего-то, кромѣ законовъ явленій, или даже вовсе не ищутъ послѣднихъ. Здѣсь очевидно смѣшаны теоретическія послышки съ практическими заключеніями. По сколькоу какое либо политическое ученіе вытекаетъ изъ принциповъ естественнаго права; поскольку этическая теорія строится на врожденномъ понятіи добра или справедливости,—и это политическое ученіе и эта этическая теорія представляютъ собою доктрины метафизическія. Но дѣло въ томъ, что это весьма часто бываетъ не болѣе какъ форма, и сквозь эту метафизическую оболочку, расколотую и надтреснутую, за-

мѣтно ядро совершенно иного свойства. Пусть идея *souveraineté populaire* есть понятие метафизическое, переносящее, какъ говорить Контъ, божественное право съ королей на народы. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Милль, въ этомъ принципѣ слѣдуетъ оцѣнить и другую сторону: „тутъ есть также и положительное ученіе, которое, безъ всякой претензіи на абсолютность, требуетъ непосредственнаго участія управляемыхъ въ ихъ собственномъ управленіи, не какъ естественнаго права, а какъ средства къ достиженію важныхъ цѣлей, подъ условіями и съ ограниченіями, какія опредѣляются этими цѣлями“. („О. Контъ и положительная философія“). Эта неразборчивость Конта въ поголовномъ осужденіи всѣхъ основныхъ принциповъ революціонныхъ, демократическихъ, либеральныхъ, радикальныхъ, социалистическихъ и т. д. социологическихъ теорій и школъ заводитъ иногда его самага въ метафизическія глубины. Такъ на примѣръ онъ считалъ вопросъ объ уничтоженіи смертной казни совершенно нелѣпымъ. Дѣло сводилось для него къ „метафизическому приравниванію самыхъ недостойныхъ негодяевъ къ простымъ больнымъ“ (*Cours de philosophie positive*, T. IV, 95), что казалось ему „опаснымъ софизмомъ“. Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ своихъ нападкахъ на „революціонную метафизику“, Контъ на половину правъ, а на остальную половину не только не правъ, но и прямо грѣшитъ противъ положительной философіи. Дѣйствительно, существуетъ нѣсколько теорій, отрицающихъ смертную казнь во имя чисто-метафизическихъ положеній, но онѣ составляютъ меньшинство; большинство же теолого-метафизическихъ теорій выпадаетъ на долю защитниковъ смертной казни, которые черпаютъ свои доводы изъ метафизическаго вопроса о правѣ государства наказывать, либо изъ идеи абсолютной справедливости, либо изъ принципа *talionis* и проч. Совершенно не таковы, въ большинствѣ случаевъ, приемы противниковъ смертной казни. Ненавистное Конту „приравниваніе преступниковъ къ больнымъ“ въ значительной степени опирается на чисто-научныя психіатрическія данныя и затѣмъ на данныя статистическія, добытыя опять-таки не метафизическимъ

путемъ, а путемъ опыта и наблюденія. И тѣ и другія свидѣтельствуютъ, вопервыхъ, что преступленіе весьма часто является результатомъ душевныхъ болѣзней; вовторыхъ, что смертная казнь производитъ на общество деморализующее вліяніе; втретьихъ наконецъ, что человѣкъ есть продуктъ окружающихъ его физическихъ и социальныхъ условій и что поэтому только соответственное измѣненіе этихъ условій можетъ оказаться въ данномъ случаѣ пригоднымъ средствомъ. Таковы строго позитивныя истины, выдвигаемыя противниками смертной казни и рѣдко распространяемыя ими на всѣ виды наказанія. Всѣ онѣ резюмируются въ одномъ положеніи: смертная казнь не достигаетъ предположенныхъ цѣлей, а иногда даже приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Контъ же, игнорируя воздѣйствіе среды на образованіе характера вообще и на направленіе дѣятельности въ томъ или другомъ частномъ случаѣ и говоря о необходимости смертной казни для „недостойныхъ негодяевъ“, самъ становится на чисто метафизическую точку зрѣнія отвлеченной справедливости, хотя въ его упрекахъ есть несомнѣнно нѣкоторая доля правды,—нѣкоторыя теоретическія послышки нѣкоторыхъ противниковъ смертной казни дѣйствительно пронизаны метафизическимъ характеромъ. Но дѣло именно въ томъ, что Контъ, въ своей беспощадной критикѣ извѣстныхъ теорій, какъ бы не въ силахъ отличить метафизической оболочки отъ позитивнаго ядра. По самому складу своего ума и согласно общему смыслу своей философіи исторіи, Контъ превосходно понималъ и оцѣнилъ значеніе исходныхъ теоретическихъ точекъ нѣкоторыхъ наличныхъ политическихъ и этическихъ теорій. Но затѣмъ концы этихъ теорій—поставляемыя ими себѣ цѣли и указываемыя ими для достиженія этихъ цѣлей средства не такъ легко поддаются его анализу. Здѣсь сказывается слабая сторона ученія Конта, потому что само оно, собственно говоря, не имѣетъ конца. Дѣйствительно, голое положеніе: все совершается по извѣстнымъ законамъ,—не даетъ руководящаго принципа. Принявъ его въ основаніе, можно показать, по какимъ побужденіямъ предки наши поступали въ та-

комъ-то случаѣ такъ или иначе. Точно также потомки наши, зная, что мы дѣйствуемъ подъ вѣпоромъ тѣхъ или другихъ космическихъ и социальныхъ условий, съумѣютъ связать эти условия съ свойствами нашей дѣятельности. Словомъ, отойдя на известное историческое разстояніе отъ событій, можно заручившись только однимъ принципомъ позитивизма и достаточнымъ количествомъ знаній, показать, какъ должны были дѣйствовать участники событій. Но дѣятели настоящаго времени изъ убѣжденія въ законосообразности явленій могутъ почерпнуть правила для самыхъ противоположныхъ практическихъ примѣненій, потому что убѣжденіе это не ставитъ цѣли, а даетъ возможность добиться цѣлей самыхъ разнообразныхъ. Съ перваго раза можетъ показаться, что основной принципъ позитивизма, напротивъ, долженъ устранять надежды добиться цѣлей, несогласныхъ съ известными законами явленій общественной жизни. Но дѣло въ томъ, что явленія эти до такой степени сложны, что управляющіе ими законы могутъ комбинироваться весьма разнообразно, и среди этой запутанной сѣти могутъ быть преслѣдуемы самымъ позитивнымъ образомъ самыя разнообразныя цѣли. Поэтому всякая этико-политическая доктрина имѣетъ свой девизъ, которымъ, какъ цѣлью, суммируются практическіе мотивы; на знамени позитивизма такого девиза нѣтъ. Его принципы чисто научныя, а не философскіе. Позитивизмъ гордится тѣмъ, что въ немъ философія и наука сливаются въ одно цѣлое—и гордится совершенно справедливо. Не признавая за принципами позитивизма философскаго значенія, я разумѣю только, что онъ не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни. Принципъ законосообразности явленій чистъ и безупреченъ, какъ дѣва. Но, какъ дѣва, онъ можетъ остаться бесплоднымъ, въ немъ самомъ нѣтъ оплодотворяющаго начала; какъ за дѣву, за него нельзя поручиться—въ чьи руки онъ попадетъ и что дастъ человечеству. Контъ и самъ чувствовалъ это. „Надо тщательно стараться—говорить онъ—чтобы научное убѣжденіе въ подчиненности социальныхъ явленій неизмѣннымъ естественнымъ законамъ не выродилось въ систематическую наклонность къ фатализму и

и оптимизму, одинаково безнравственнымъ (degradants) и опаснымъ, а потому только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься социологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ" (Cours de phil. pos., t. IV, 190). Глубокий смыслъ этихъ словъ я стараюсь разъяснить ниже. Но почему, съ точки зрѣнія позитивизма, фатализмъ и оптимизмъ безнравственны и опасны? „Не восхищаясь политическими фактами и не осуждая ихъ—говорить Контъ, и слово въ слово повторяетъ за нимъ Льюисъ—положительная социологія, какъ и всѣ остальные науки, видитъ въ нихъ только простые предметы наблюденія и рассматриваетъ каждое явленіе съ двоякой точки зрѣнія—его гармоніи съ сосуществующими фактами и его связи съ предшествующими и послѣдующими состояніями человѣческаго развитія“. Cours, IV, 293; русскій переводъ книги Льюиса о Контѣ, стр. 281). Спрашивается, какъ связать это чисто-объективное отношеніе къ политическимъ фактамъ, во первыхъ, съ неодобрительными отзывами о фатализмѣ и оптимизмѣ? Это просто политическіе факты, не подлежащіе осужденію съ точки зрѣнія позитивизма, они необходимо гармонируютъ съ фактами сосуществующими и находятся въ связи съ фактами послѣдующими и предыдущими. Если скажутъ, что выраженіями „безнравственны и опасны“ именно и опредѣляется связь фатализма и оптимизма съ послѣдующими фактами, то это значитъ только, что программа объективнаго отношенія къ политическимъ фактамъ неисполнима; что въ области явленій общественной жизни наблюденіе неизбѣжно до такой степени связано съ нравственной оцѣнкой, что „не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ“ можно только не понимая ихъ значенія. Но нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли, а между тѣмъ позитивизмъ поставляетъ себѣ въ особенную заслугу употребленіе въ социологіи метода объективнаго. Далѣе если объективный методъ вполне соответствуетъ социологическимъ изслѣдованіямъ, то зачѣмъ же при этомъ понадобился высокій нравственный уровень? Значитъ, одного убѣжденія въ законосообразности явленій мало. Прекрасно. Но чѣмъ выразится уча-

стіе високаго нравственнаго уровня въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ? Очевидно, съ высоты этого уровня человѣкъ можетъ разглядѣть нѣчто, не поддающееся объективному изслѣдованію, которое одно признается законнымъ въ позитивизмѣ. Такимъ образомъ оказывается, что въ системѣ Конта чего-то недостаетъ, и чего-то весьма важнаго. Я радъ, что могу указать, какъ на подтвержденіе своимъ бѣглымъ замѣчаніямъ, на замѣчательную статью г. П. Л. „Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе“ („Современное Обзорѣніе“, май). „Объективный элементъ въ области этики, политики и соціологіи—говоритъ почтенный авторъ—ограничивается дѣйствіями личности, общественными формами, историческими событіями. Они подлежатъ объективному описанію и классифицированію. Но чтобы *понять* ихъ, надо рассмотреть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средства, *цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческое событіе. Но что такое цѣль? Это нѣчто желаемое, пріятное, должное. Всѣ эти категоріи чисто-субъективны и въ то же время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованіе, эти явленія принуждаютъ употреблять субъективный методъ и, въ то же время, позволяютъ это сдѣлать вполне научно“ (137). Въ другомъ мѣстѣ г. П. Л. совершенно справедливо замѣчаетъ, что, устраняя субъективный методъ въ вопросахъ политики и этики, позитивизмъ не можетъ даже оправдать своего собственнаго существованія. Телеологія, въ смыслѣ ученія о цѣляхъ, поставляемыхъ себѣ личностью, въ позитивизмѣ не имѣетъ мѣста, вслѣдствіе отсутствія субъективнаго метода и, слѣдовательно, нравственной оцѣнки. Поэтому, когда Контъ или кто-либо изъ его учениковъ (послѣдователей его курса положительной философіи разумѣется, а не „позитивной политики“, потому что послѣдніе состоятъ на совершенно особомъ положеніи) одобряютъ или порицаютъ какое-нибудь соціальное явленіе, то, какъ бы удачна ни была эта оцѣнка, она чужда системѣ, не связана съ ней органически. Гдѣ нѣтъ телеологіи, тамъ не можетъ быть и правилъ морали и, слѣдовательно, ни порицанія, ни

одобрения, что, какъ мы видѣли, заявляетъ и самъ Контъ. Этимъ же отсутствіемъ телеологіи и субъективнаго метода въ социологіи объясняются и недостатки контовой оцѣнки политическихъ теорій. Тамъ, гдѣ достаточно одного объективнаго метода, гдѣ фактъ не нуждается въ нравственной оцѣнкѣ, Контъ съ необыкновенною проникающею подмѣчаетъ тончайшіе оттѣнки и особенности явленій. Таковы почти всѣ частности его анализа трехъ способовъ мышленія. Здѣсь онъ чрезвычайно тонко и отчетливо классифицируетъ явленія, подвергал ихъ всестороннему разсмотрѣнію. Онъ очень ясно видитъ, на примѣръ, что переходъ отъ фетишизма къ политеизму (и притомъ еще черезъ посредство періода звѣздопоклонства — *astrolâtrie*) есть не только переходъ отъ одной ступени теологическаго міросозерцанія къ другой; что здѣсь же получаетъ начало и метафизическій строй мысли и идетъ своей дорогой, въ то время, какъ теологическое мышленіе, пройдя черезъ политеизмъ, завершается монотеизмомъ. Подобной ясности и отчетливаго разграниченія различныхъ сторонъ одного и того же факта почти и слѣдовъ нѣтъ въ его критикѣ политическихъ теорій. Здѣсь пункты сходства и различія намѣчены несравненно грубѣе и, такъ сказать, топоряѣе, именно потому, что объективная классификація оказывается уже въ этой области недостаточною. Вслѣдствіе этого позитивизмъ становится сплошь и рядомъ во враждебное отношеніе къ тому, что особенно дорого современному человечеству, въ чемъ оно видитъ залогъ своего будущаго счастья и, въ то же время, обязанъ дружить съ явленіями, крайне непривлекательными въ нравственномъ отношеніи.

Вы давно уже не перечитывали Бальзака, если только перечитывали и, по всей вѣроятности, забыли его. Но вы, можетъ быть, помните одну сцену изъ романа „*La recherche de l'Absolu*“, сцену, въ которой цѣликомъ сказался причудливый, но громадный талантъ Бальзака. Клаэсъ, ученикъ Лавуазье, ищетъ философскаго камня. Онъ съ утра до вечера сидитъ въ лабораторіи и совершенно раззорился въ виду надежды разгадать великую загадку. Его несчастная жена, которой не до „абсолюта“,

страдаетъ, тоскуетъ, но эти страданія и тоска не существуютъ для Клаэса. И когда она плачетъ, онъ объясняетъ ей, что разлагалъ въ своей лабораторіи слезы, и что онѣ, тѣ самыя слезы, которыя текутъ въ эту минуту по блѣдному и исхудалому лицу жены, состоятъ изъ такихъ-то и такихъ-то элементовъ, соединенныхъ въ такой-то пропорціи... Есть что-то отвратительно-жесткое и нечеловѣческое въ этомъ химическомъ анализѣ жениныхъ слезъ. А Клаэсъ человѣкъ добрый, мягкій, а Клаэсъ стремится всѣмъ существомъ своимъ къ истинѣ. И вы съ разу видите, что это не фальшь, что различныя стороны характера Клаэса не насильственно и произвольно спиты бѣлыми нитками; что Бальзакъ воплотилъ въ этомъ образѣ недюжинную мысль. Вы сразу чувствуете глубокую жизненную правду этого типа. Онъ съ нами, въ переднемъ углу у насъ сидитъ. Бываютъ въ жизни народовъ тревожныя минуты, когда Клаэсы призываются къ расчету, когда, вслѣдъ за крикомъ: „республикѣ нужно химиковъ!“ (быть можетъ, откликъ знаменитыхъ словъ Руссо: у насъ есть физики, химики и геометры, но нѣтъ больше гражданъ), погибаютъ великіе Лавуазье. Фактъ печальный, печальный въ особенности потому, что гроза разразилась надъ головой Лавуазье, а не мелюзги какой-нибудь. Въ фактѣ этомъ можно различить не только взрывъ народныхъ страстей, насильственно и, слѣдовательно, по необходимости неправильно ищущихъ себѣ выхода, а и откликъ „революціонной метафизики“. Пусть такъ, пусть даже вся вина падаетъ въ этомъ случаѣ на нее. Но какъ смотритъ на дѣятельность Клаэсовъ позитивизмъ, преслѣдующій „революціонную метафизiku“ больше чѣмъ феодально-католическую организацію? и имѣетъ ли онъ право отнестись къ ней критически? Позитивизмъ можетъ только сказать, что феноменъ слезъ подлежитъ извѣстнымъ законамъ; далѣе, что извѣстныя условія въ одномъ случаѣ выдвигаютъ людей, химически анализирующихъ слезы, а въ другомъ—людей, утирающихъ ихъ и, слѣдовательно, анализирующихъ ихъ съ общественной точки зрѣнія. Но затѣмъ, которая изъ этихъ дѣятельностей въ данномъ случаѣ, въ минуту плача, предпочти-

тольнѣе и обязательнѣе, на это позитивизмъ не даетъ отвѣта. Слезы, какъ продуктъ химико-физиологическаго процесса, и тѣ же слезы, какъ результатъ процесса социально-психологическаго, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, повинуваясь извѣстнымъ законамъ, одинаково требуютъ изученія съ точки зрѣнія позитивизма. Читатель не станетъ, разумѣется, придирааться къ намъ, напирая на то, что Клаэсъ ищетъ философскаго камня „абсолюта“ а не закономъ явленій и что поэтому, по классификаціи Конта, его мѣсто въ метафизическомъ періодѣ. Не въ томъ здѣсь дѣло. Если даже Бальзакъ не имѣлъ этого въ виду, то мастерской образъ Клаэса невольно просится на болѣе широкій пьедесталь. Онъ представитель науки для науки и специальности для специальности. Онъ глухъ къ скорби человѣческой, онъ ея не слышитъ или относится къ ней объективно, но онъ ищетъ истины, онъ стремится уловить законы, по которымъ группируется извѣстный рядъ явленій; его анализъ слезъ можетъ даже пригодиться на что-нибудь очень важное, хотъ онъ этого и не сознаетъ. Клаэсъ, анализирующій человѣческія слезы въ моментъ плача, какъ химикъ—позитивистъ. Еслибы онъ столь же строго научно изслѣдовалъ ихъ съ социально-психологической точки зрѣнія, онъ былъ бы также позитивистъ. Но, тѣмъ не менѣе, вы чувствуете, что это два совершенно различныхъ типа, двѣ противоположности, которыя не совсѣмъ удобно помѣщать подъ одну и ту же рубрику. И я полагаю, что любая этико-политическая доктрина сдумаетъ разглядѣть яреую черту, раздѣляющую эти два міросозерцанія, и только одинъ позитивизмъ, какъ онъ существуетъ въ настоящую минуту, т. е. при объективномъ методѣ въ социологіи, не увидитъ ея. Было бы весьма любопытно прослѣдить, какъ Контъ, въ особенности въ шестомъ томѣ своего курса философіи, искалъ выхода изъ этого положенія. Какъ извѣстно, онъ перешелъ, наконецъ, открыто къ субъективному методу, но тогда этотъ могучій, но усталый и близкій къ совершенному помѣшательству умъ могъ создать только „Позитивную политику“. Однако только гениальный сумасшедшій могъ выработать

этотъ культъ человѣчества. Что же касается до сотрудниковъ журнала „La philosophie positive“, признающихъ своею только первую половину дѣятельности Конта и настаивающихъ на необходимости объективнаго метода въ рѣшеніи этико-политическихъ вопросовъ, то мы должны откровенно сказать, что не видимъ ничего кромѣ общихъ мѣстъ въ ихъ попыткахъ создать этику и политику.

Наиболѣе низкая ступень позитивной лѣстницы прогресса, на которую можетъ быть поставленъ Клазсъ, есть *age de spécialité*, находящійся у преддверія самаго позитивизма, да и этого часто мало. Правда, можетъ быть никто больше самаго Конта не преслѣдовалъ этого *age de spécialité* (причемъ значительную роль играло личное раздраженіе), въ которому онъ иногда относится даже строже, чѣмъ къ „революціонной метафизикѣ“. Но такое отрицательное отношеніе къ дѣятельности Клазсовъ есть чисто-личное дѣло Конта, отнюдь не обязательное для позитивизма, какъ философской системы. Впервыхъ, позитивизмъ обязанъ не восхищаться фактами и не осуждать ихъ, а во вторыхъ, если Клазсы путемъ опыта и наблюденія ищутъ законовъ явленій, то они вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ позитивизма. Точно такъ же, когда Контъ говоритъ: „Эта новая социальная философія (т.-е., позитивная), по природѣ своей, до такой степени способна осуществить въ настоящее время всѣ законныя (*legitimes*) желанія, какія можетъ предъявить революціонная политика“ и т. д. (*Cours*, IV, 148), когда Контъ говоритъ это, то выраженіе „законныя желанія“ совершенно неопредѣленно. Мы знаемъ, какія желанія законны съ точки зрѣнія наличныхъ политическихъ теорій ретроградныхъ, консервативныхъ и революціонныхъ, съ точки зрѣнія индивидуалистовъ, социалистовъ, клерикаловъ, эклектиковъ, и т. д. Какъ бы удачно или неудачно ни были построены эти системы и теоріи въ другихъ отношеніяхъ, но ихъ желанія и идеалы очевидны для всѣхъ. Съ точки же зрѣнія объективнаго метода, составляющаго характеристическую черту позитивной социологіи, выраженіе „законное“ желаніе значитъ только „достижимое“

желаніе. Но всѣ существующія и когда либо существовавшія этико-политическія доктрины признаютъ свои желанія достижимыми. Положимъ, что позитивизмъ, такъ тѣсно связанный съ наукой, можетъ лучше другихъ философскихъ системъ и политическихъ теорій опредѣлить, какія желанія достижимы, какія нѣтъ. Но для этого надо сначала имѣть желаніе, и каждый *позитивистъ* ихъ, разумѣется, имѣетъ, но *позитивизмъ* не ставитъ никакихъ идеаловъ, потому что идеаль есть результатъ субъективнаго настроенія. Много пронеслось надъ человѣчествомъ недостижимыхъ и въ этомъ смыслѣ незаконныхъ желаній, и много они загубили умовъ и жизней. Можетъ быть, величайшая заслуга позитивизма состоитъ именно въ указаніи человѣку тѣхъ границъ, за которыми лежитъ для него вѣчная, неодолимая тьма. Стараться проникнуть за эти границы значить имѣть недостижимыя и незаконныя желанія. Такъ учитъ позитивизмъ. Мы скажемъ больше. Эти незаконныя желанія составляютъ грѣхъ предъ человѣчествомъ, служенію которому должны быть посвящены всѣ человѣческія силы. Мы говоримъ о чисто-теоретическихъ вопросахъ, о сущности и началѣ вещей, о вѣчныхъ причинахъ и проч. Но въ области практическихъ вопросовъ дѣло усложняется какъ сложностью самыхъ вопросовъ, такъ и никакими усиліями неустранимымъ, — мы надѣемся это доказать, — вмѣшательствомъ субъективнаго элемента, т.-е. личныхъ чувствъ и желаній. Въ каждую данную минуту по данному практическому вопросу могутъ оказаться достижимыми нѣсколько діаметрально противоположныхъ желаній, и какое рѣшеніе приметъ въ этомъ случаѣ позитивистъ, — это опредѣлится личнымъ характеромъ дѣятеля. Это, конечно, всегда такъ бываетъ, и не съ одними позитивистами. Но разница въ томъ, что адептъ всякаго другаго ученія получаетъ въ этомъ отношеніи отъ своей доктрины болѣе или менѣе сильный непосредственный толчокъ въ ту или другую сторону. Адептъ же позитивизма не получаетъ отъ него ничего. Оставаясь позитивистомъ, онъ можетъ пойти и направо и налево, можетъ, подобно Дюма, Нелатону и прочимъ ученымъ свѣтиламъ современной Франціи, оказаться покорнѣйшимъ слу-

гой второй имперіи, а можетъ слѣдовать и совершенно иной программѣ. Контъ не даромъ предостерегалъ своихъ учениковъ, чтобы они не вмѣшивались въ политическое движеніе, „которое должно для нихъ, главнымъ образомъ, служить предметомъ наблюденія“ (IV, 164); что не мѣшало ему тутъ же громить политическій индиферентизмъ современныхъ представителей науки, „поистинѣ чудовищный“ (IV, 158). Мы говорили, что недостатки Контовой критики существующихъ политическихъ теорій объясняются стараніемъ удержаться на объективной точкѣ зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія ошибочность теоретическихъ посылокъ нѣкоторыхъ ученій видна до такой степени ясно, что отрицательное отношеніе къ нимъ невольно переносится и на другія стороны этихъ ученій. Однако, личныя симпатіи Конта и его учениковъ лежатъ по большей части на сторонѣ преслѣдуемой ими „революціонной метафизики“. И бесиліе объективнаго метода въ социологіи въ особенности сказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда выступаютъ эти личныя симпатіи позитивистовъ. Очень знаменательны въ этомъ отношеніи слѣдующія слова Литтре: „Есть два социализма (вѣрнѣе было бы сказать, что въ социализмѣ есть двѣ стороны): одинъ метафизическій, другой практическій, экспериментальный и, въ этихъ предѣлахъ, позитивный“. Далѣе идетъ рѣчь о кооперативномъ рабочемъ движеніи. „Социалисты, продолжаетъ Литтре, смѣло предпринимаютъ эти опыты, и наукѣ и философіи остается только изучать ихъ для общаго блага“ (La philosophie positive, revue, dirigée par E. Littré et G. Weyrouboff. 1867 № 1 Politique). Во-первыхъ, зачѣмъ сюда попало „общее благо“? Идея блага есть идея субъективная и потому неимѣющая мѣста при объективномъ методѣ въ социологіи. Имѣя ее въ виду, пришлось бы радоваться однимъ политическимъ фактамъ и печалиться о другихъ, а на это позитивизмъ не имѣетъ права: онъ обязанъ только наблюдать. Далѣе, хотя позитивизмъ и имѣетъ право одобрительно отнестись къ экспериментальной сторонѣ социализма, но онъ совершенно точно такъ же одобрительно долженъ отнестись и ко всякимъ социальнымъ опытамъ, хотя бы они производи-

лись съ цѣлью, діаметрально противоположною цѣлямъ социалистовъ.

Читатель пожелаетъ, вѣроятно, имѣть объясненіе того, почему въ заглавіи нашей статьи стоитъ имя Спенсера, а мы все говоримъ о Контѣ. Это объясняется такъ. Спенсеровой теоріи общественнаго прогресса, изложенной нами въ прошлой статьѣ, мы хотѣли бы противопоставить иную. А эта иная теорія, нами исповѣдуемая, представляетъ такъ много сходства съ ученіемъ Конта, что мы считали бы недобросовѣстнымъ совершенное умолчаніе о взглядахъ на прогрессъ этого великаго мыслителя. Во всякомъ случаѣ, мы сочли полезнымъ для дальнѣйшаго нашего изложенія вкратцѣ указать тѣ стороны ученія Конта, которыя намъ кажутся несостоятельными и къ которымъ намъ, можетъ быть, еще придется вернуться. Мы не рассчитываемъ представить въ настоящей статьѣ взгляды наши на законы общественной динамики съ такою полнотою, какою заслуживаетъ важность предмета. Отъ журнальной статьи этого и требовать нельзя. Но мы будемъ, вѣроятно, еще не разъ имѣть случай развивать исповѣдуемые нами принципы въ приложеніи къ тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ. Здѣсь мы должны будемъ ограничиться самымъ общимъ и по необходимости бѣглымъ обзоромъ; притомъ мы должны стараться идти, такъ сказать, въ ногу со Спенсеромъ. Мы постараемся намѣтить главные пункты социальной динамики, не прибѣгая къ удобному, но недостаточно гарантирующему отъ ошибокъ приему выдѣленія одного какого-либо общественнаго элемента. Интеллектуальный элементъ, принимаемый за точку исхода позитивизмомъ, представляетъ, правда, въ этомъ отношеніи наиболѣе гарантій, и онъ, дѣйствительно, при извѣстной долѣ сдержанности и осторожности, можетъ быть принятъ, по выраженію Милля, за *primus agens* социальнаго движенія. Однако, если есть возможность — а мы думаемъ, что она есть — прослѣдить законы общественнаго прогресса на развитіи всего общества въ цѣломъ, не давая слишкомъ преобладающаго значенія развитію какого бы то ни было изъ его элементовъ, то отъ этого постановка об-

щественныхъ вопросовъ можетъ только выиграть. Поэтому мы постараемся прослѣдить историческую судьбу самой общественности, т.-е. коопераціи, и связать ее съ судьбою частныхъ факторовъ.

VI.

При бѣгломъ взглядѣ на массу фактовъ, приводимыхъ въ печатающейся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ любопытной статьѣ „Цивилизація и дикія племена“, читателя должны поразить главнымъ образомъ различныя частности чуждой намъ первобытной жизни, частности съ нашей точки зрѣнія просто чудовищныя. Если мы захотимъ подвести всѣмъ этимъ фактамъ итогъ, найти въ нихъ одну наиболѣе характеристическую черту, къ которой возможно большая часть остальныхъ относилась бы какъ явленія производныя къ явленію коренному, то найдемъ эту характеристическую черту въ почти полномъ отсутствіи коопераціи. Въ человѣкѣ, только что выбившемся, путемъ кровавой борьбы за существованіе, изъ животнаго міра, количество и качество потребностей такъ гармонируются съ количествомъ и качествомъ выработанныхъ имъ въ борьбѣ силъ; самъ онъ такъ индивидуаленъ и цѣленъ, что почти не нуждается въ сообществѣ другихъ людей. Скудны его средства, но просты и недалеки и его цѣли. Все нужное ему онъ добываетъ самъ, своими собственными, личными средствами. Вслѣдствіе этого, при полной индивидуальной разнородности, какая допускается мѣстными условіями, люди, занимающіе извѣстную территорию, вполнѣ однородны, зоологически равны между собой. Таковъ первый типъ людскаго, еще не общественнаго быта. Легко видѣть, что наиболѣе характерная для него черта—отсутствіе коопераціи находится въ самой тѣсной связи со всѣми остальными сторонами немногосложной первобытной жизни.

Самъ-одинъ выносящій на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ природой дикарь не можетъ смотрѣть на всѣ явленія иначе, какъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ потребностей,

чисто-животныхъ. Онъ относится къ своему личному я, какъ къ центру вселенной. Это жалкое, голое созданіе и думаетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы міръ былъ для него лично устроенной огромной бойней, скотнымъ дворомъ, дровянымъ дворомъ и т. д.

Souvent alors j'ai cru que ces soleils de flamme
Dans ce monde endormi n'échauffaient que mon âme;
Qu'à les comprendre seul j'étais prédestiné;
Que j'étais, moi, vaine ombre obscure et taciturne,
Le roi mystérieux de la pompe nocturne;
Que le ciel pour moi seul s'était illuminé!

(V. Gugo, Les feuilles d'automne).

Конечно, не скоро первобытный человѣкъ призадумался надъ явленіями, не близко стоящими къ его непосредственнымъ интересамъ. Разлитыми въ природѣ свѣтомъ и теплотою онъ долго пользуется безъ благодарности и боязливыхъ сомнѣній. Ему не приходитъ на умъ вопросъ: откуда это все взялось и не можетъ ли это все въ одинъ прекрасный день исчезнуть. Онъ полонъ собою; онъ знаетъ только себя. Себя и остальное. А въ этомъ остальномъ есть для него съѣдобное и несъѣдобное, болѣе сильное, нежели онъ самъ, и менѣе сильное, жесткое и мягкое, теплое и холодное, свѣтлое и темное и т. д. Собственно же говоря,—звѣрь, солнце, дерево, земля, человѣкъ, вода,—во всемъ этомъ для него нѣтъ большой разницы: во всемъ этомъ онъ цѣнить только то, что ему нужно и поскольку нужно. А ему нужно немного. Поэтому если въ двухъ предметахъ, совершенно различныхъ, есть одно съ его личной точки зрѣнія важное общее свойство,—разница между этими предметами для него не существуетъ: онъ съѣстъ человѣка и барана, поклонится солнцу и дереву. За предѣлами своего личнаго существованія первобытный человѣкъ не видитъ ничего или лучше сказать вводитъ въ эти предѣлы весь міръ. Натолкнувшись на кое-какое размышленіе объ окружающихъ его вещахъ, онъ видитъ въ нихъ либо прямо свою личность, либо сколокъ съ нея въ ка-

комъ-нибудь отношеніи. Мысль его не поднимается выше аналогій между какимъ-нибудь явленіемъ природы и его собственнымъ я. Онъ живетъ, и вся природа живетъ такою же какъ и онъ жизнью. Между его желаніями и ихъ исполненіемъ, цѣлями средствами, мыслями и дѣлами существуетъ такая тѣсная связь; онъ до такой степени ровно живетъ умственною и физическою жизнью, что ему и въ голову не можетъ придти, что онъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ тѣла и души. Духа безъ матеріи и матеріи безъ духа онъ себѣ представить не можетъ, вслѣдствіе чего одухотворяетъ мертвую природу съ одной стороны и придаетъ самую грубую тѣлесную оболочку своимъ богамъ съ другой. Онъ дѣлаетъ все съ опредѣленною цѣлью,—и въ природѣ все совершается съ опредѣленною цѣлью. Но въ чемъ же состоятъ эти цѣли природы? гдѣ онѣ лежатъ? Все въ немъ же, въ этомъ жалкомъ, одиночномъ дикарѣ. Дождь ли размыль его убогую пещеру и промочилъ его до костей, змѣя ли его ужалила, охотился ли онъ удачно, охотился ли онъ не удачно, солнце ли его слишкомъ печетъ, произошло ли солнечное затмѣніе,—все это совершается именно для него, для того, чтобы именно *его* промочить, *его* ужалить, *его* согрѣть, *его* оставить въ потемкахъ. Такова объективно-антропоцентрическая логика, представляющая прямой результатъ отсутствія коопераціи. (Мы называемъ весь этотъ періодъ исторіи *объективно-антропоцентрическимъ* потому, что человекъ считаетъ себя здѣсь объективнымъ, безусловнымъ, дѣйствительнымъ, извнѣ поставленнымъ центромъ природы). Здѣсь же получаютъ начало и антропоцентрическая мораль и религіозныя представленія. Они представляютъ отвѣты на два вопроса; во первыхъ, кто послалъ такое-то пріятное или непріятное, полезное или вредное стеченіе обстоятельствъ? вовторыхъ—за что посланы эти пріятныя или непріятныя, полезныя или вредныя явленія? Отвѣты формулируются подъ тѣмъ же давленіемъ объективнаго антропоцентризма. Дикарь такъ полонъ собой, такъ неспособенъ къ представленію чего-нибудь несходнаго съ его личнымъ существованіемъ, что непосредственно антропоморфизуетъ искомую личность, сочетавшую извѣстныя обстоятельства выгоднымъ или невыгоднымъ для него

образомъ; и антропоморфизуетъ на свой собственный, личный солтыкъ, придавая ей тѣ самыя чувства, мысли и стремленія, которыя его самого наичаще волнуютъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что первобытные боги сѣ боги по преимуществу личные; каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ своихъ фетишей, которые существуютъ только для него, посылаютъ награды и наказанія только ему. Чудесъ первобытный человѣкъ не знаетъ. Понятіе чуда является уже гораздо позже, уже при существованіи нѣкоторой коопераціи и нѣкоторыхъ знаній, потому что чудо есть нѣчто удивительное, необыкновенное. Дикарь же ничему не удивляется, хотя и пугается и радуется; для него все представляется возможнымъ, если только ему лично что нибудь нужно. Онъ такъ свыкается съ мыслью, что весь окружающій міръ спитъ и видитъ, какъ бы ему лично насолить или ему же лично доставить пользу и наслажденіе; вмѣшательство божествъ во всѣ мельчайшія обстоятельства его жизни съ его точки зрѣнія до такой степени естественно и неизбѣжно, что чудо для него не существуетъ. Только уже при существованіи извѣстной доли коопераціи, когда нѣсколько человѣкъ соединяются для одного и того же дѣла, все еще полный своимъ личнымъ существованіемъ дикарь можетъ признать данное явленіе чудомъ. Направленное къ благополучію или вреду его единичнаго существованія онъ призналъ бы совершенно естественнымъ, какъ бы оно ни было необычайно.

Дикарь замѣчаетъ, что, сдѣлавъ какой-нибудь поступокъ, онъ получаетъ какую-нибудь пріятность или непріятность, и совпаденіе это случайно повторяется два три раза. Вслѣдствіе его увѣренности въ своемъ центральномъ положеніи, это post hoc непременно обращается для него въ propter hoc. Положимъ онъ выкупался въ незнакомой рѣкѣ и едва успѣлъ убѣжать отъ аллигатора; въ другой разъ на его глазахъ въ той же рѣкѣ аллигаторъ пожираетъ какое-нибудь животное или человѣка. Ясно, что или рѣка эта не терпитъ, чтобы въ ней купались, или аллигаторы ее охраняютъ и т. п. Такимъ путемъ можетъ создаться убѣжденіе въ священномъ, высшемъ характерѣ

самыхъ обыкновенныхъ явленій природы. Но нѣтъ нужды, чтобы само явленіе заступилось за себя. Человѣкъ убилъ змѣю и въ ту же минуту раздался страшный громовой ударъ и небо избородилось молніей. Дикарь не можетъ себя представить, чтобы какой-нибудь обратившій на себя его вниманіе фактъ не имѣлъ къ нему никакого отношенія. Громъ и молнія составляютъ очевидно угрозу, обращенную къ нему лично. За что? Ближайшій фактъ есть убійство змѣи, значитъ именно за это убійство. Слѣдовательно убивать змѣю нельзя. Въ сосѣднемъ лѣсу другой дикарь точно такимъ же путемъ добирается до убѣжденія, что эту самую змѣю слѣдуетъ непременно убивать. Всѣ эти убѣжденія, опредѣляя отношенія человѣка къ богамъ и окружающей природѣ, относятся къ области религіи. Иначе не могутъ слагаться и отношенія человѣка къ человѣку. Дикарь замѣчаетъ, что, вслѣдъ за убійствомъ человѣка, ему не удастся охота, въ другой разъ опять, въ третій онъ проваливается въ трясину и т. д. Этотъ маленькій рядъ опытовъ убѣждаетъ его, что и впредь за убійствомъ человѣка послѣдуетъ для него та или другая неприятность. Если боязнь этой неприятности перевѣшиваетъ его страстные порывы, въ немъ рождается убѣжденіе, что убивать человѣка нельзя. Все это мы говоримъ конечно гипотетически, потому что не имѣемъ и не можемъ имѣть прямыхъ историческихъ указаній на то, какъ складывались и какимъ образомъ развивались нравственныя убѣжденія въ первобытныхъ людяхъ. Однако, если отказаться отъ мысли о супранатуральномъ происхожденіи правилъ морали и о врожденныхъ идеяхъ, то остается именно только этотъ путь опытнаго происхожденія понятій о добрѣ и злѣ. Тѣмъ болѣе, что такимъ же путемъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ, складываются различныя примѣты и т. п., иногда обращающіяся въ нравственныя правила. Наконецъ иначе и объяснить нельзя происхожденія многихъ съ современной европейской точки зрѣнія совершенно нелѣпыхъ и безнравственныхъ правилъ первобытной морали. Если нравственный кодексъ полученъ человѣкомъ супранатуральнымъ путемъ, то почему же у какихъ нибудь

фиджійскихъ людодѣдовъ милосердіе считается преступленіемъ, а жестокость добродѣтелю, что намъ, европейцамъ, даже и переварить невозможно? Правда, для супратуралистовъ остается то возраженіе, что фиджійскіе людодѣды именно за свою безнравственность и обдѣлены свѣтомъ нравственной истины. Но для сторонниковъ теоріи врожденныхъ идей нѣтъ и этого остроумнаго возраженія. Если идеи нравственности и справедливости врождены, присущи человѣку, то какъ объяснить это поразительное разнообразіе нравственныхъ идеаловъ? Тогда какъ съ точки зрѣнія опытнаго происхожденія фактъ этотъ совершенно ясенъ. Понятное дѣло, что, опредѣляясь самыми разнообразными случайностями, на которыя можетъ натолкнуться объективно антропоцентрическое настроеніе, при совершенномъ отсутствіи коопераціи и знакомства съ законами природы, первобытная мораль можетъ принимать очень разнообразныя и до послѣдняго нельзя причудливыя формы. Убійство и людодѣство легко могутъ оказаться дѣяніями не только безразличными, а и одобрительными; и въ то же время можетъ считаться безнравственнымъ, богопротивнымъ и преступнымъ произносить свое собственное имя, какъ у абиноновъ, или ѣсть въ обществѣ, какъ у таянъ. Однако, тѣмъ же путемъ могутъ выработаться частности весьма высокаго нравственнаго кодекса, если дѣйствительный или фиктивный опытъ наведетъ на убѣжденіе въ невыгодѣ вредить сосѣдямъ. Понятное дѣло, что послѣднее можетъ имѣть мѣсто только при болѣе или менѣе частыхъ и продолжительныхъ сближеніяхъ между людьми, т.-е. уже при нѣкоторой коопераціи. Отсутствію же коопераціи и единства интересовъ въ практической жизни соответствуетъ совершенное отсутствіе синтетическаго начала въ религиозныхъ представленіяхъ, нравственныхъ правилахъ и знаніяхъ. Личные боги, личная мораль, скудныя свѣдѣнія о природѣ, извращенныя антропоцентрическимъ элементомъ, т.-е. опять-таки свѣдѣнія личные, не проверенныя чужимъ опытомъ и наблюденіемъ,—таковы результаты отсутствія коопераціи. И такимъ-то человѣкъ вступаетъ въ общество.

Полное отсутствіе коопераціи могло имѣть мѣсто только въ очень раннюю пору доисторической жизни человѣчества. Опасности и бѣды, встрѣчающіяся на каждомъ шагѣ, инстинктъ самосохраненія въ видѣ половой дѣятельности со всѣми ея послѣдствіями, каково кормленіе дѣтей грудью и т. д., — все это побуждаетъ людей образовать небольшія общества, соединяться въ группы. Весьма важно замѣтить, что группы эти складываются различнымъ образомъ, и именно по двумъ типамъ: по типу простаго сотрудничества и по типу сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда. Мы уже говорили о коренной разницѣ между этими двумя видами коопераціи. Въ случаѣ простаго сотрудничества люди входятъ въ группу всею своею разнородностью, вслѣдствіе чего вся группа совершенно однородна. Въ случаѣ же сотрудничества сложнаго происходитъ обратное явленіе: члены группы утрачиваютъ каждый одинъ ту, другой другую часть своей индивидуальной разнородности, они дѣлаются однороднѣе, а вся группа получаетъ болѣе или менѣе рѣзко обозначенный характеръ разнородности. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ однородное общество съ разнородными, равными, свободными и независимыми членами; во второмъ — разнородное общество съ неравными, несвободными, специализированными членами, расположенными въ нѣкоторомъ іерархическомъ порядкѣ. Въ первобытномъ мірѣ общество по типу простаго сотрудничества имѣетъ характеръ чисто-временный и случайный: по окончаніи дѣла, для котораго люди соединились, общество распадается. Такимъ образомъ, однородное общество оказывается дѣйствительно неустойчивымъ, какъ бы подтверждая своимъ примѣромъ универсальность одного изъ законовъ Спенсера. Однако, неустойчивость эта зависитъ вовсе не отъ какихъ либо общихъ свойствъ, присущихъ всякой однородной агрегаціи. Она, какъ и самая цѣль этихъ первобытныхъ обществъ, обусловливается причинами временными и случайными, которыя могутъ быть и могутъ не быть. Но въ первобытномъ мірѣ причины эти въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно имѣютъ мѣсто.

Двое, трое, пять человекъ дикарей рядомъ печальныхъ опытовъ убѣждаются, что охота за какимъ нибудь крупнымъ звѣремъ для каждаго изъ нихъ поодиночѣ опасна и невозможна, а между тѣмъ звѣрь представляетъ очень лакомый кусокъ. Они соединяются для охоты, чтобы раздѣлить добычу на равныя части. Каждый изъ нихъ вноситъ въ это общее дѣло все тѣ силы и способности, какія выработались въ немъ предыдущей борьбой за существованіе. А такъ-какъ борьба эта въ данной мѣстности имѣетъ для каждаго одинъ и тотъ же характеръ, вызываетъ приблизительно одну и ту же степень напряженности умственныхъ и физическихъ силъ, то наши пять охотниковъ вступаютъ въ союзъ членами равносильными и равноправными. Но вотъ звѣрь убитъ, раздѣленъ, съѣденъ и члены временнаго союза, удовлетворивъ свои скудныя потребности, расходятся въ разныя стороны, не думая о завтрашнемъ днѣ. Они, можетъ быть, даже передрались при дѣлежѣ. Немногочисленность потребностей, отсутствіе постоянной или по крайней мѣрѣ продолжительной солидарности цѣлей и отвращеніе къ труду—результатъ объективно-антропоцентрическаго настроенія—являются первыми причинами, мѣшающими прочному и продолжительному существованію простаго сотрудничества. Могло однако случиться, что тѣ же пять охотниковъ, наученные опытомъ, соединяются во второй разъ, въ третій и т. д. Тогда между ними устанавливаются нѣкоторыя относительно прочныя связи. Такъ-какъ интересы ихъ дѣлаются общими, то каждый изъ нихъ распространяетъ свою телеологию на всѣхъ своихъ товарищей; убѣждается, что центръ міра, ко благу или ко вреду котораго направлены все силы природы, лежитъ не въ немъ, дикарь X, а въ цѣлой группѣ охотниковъ. Его личное существованіе, такъ-сказать, расширяется; правила морали, вытекающія на этотъ разъ изъ дѣйствительнаго опыта, получаютъ опредѣленный цвѣтъ,—вредить кому нибудь изъ своихъ товарищей оказывается невыгоднымъ, потому безнравственнымъ, что санкціонируется немедленно и религіозными представленіями. Фетиши перестаютъ быть личными. Однако, для каждаго изъ чле-

новъ группы за предѣлами ея все еще нѣтъ большой разницы между человѣкомъ и не-человѣкомъ. Тамъ, за этими предѣлами, свои боги, свои обычаи, свои правила, и ничто не мѣшаетъ нашимъ вольнымъ охотникамъ охотиться и за людьми. Въ то же время, въ той же мѣстности является кооперація съ характеромъ сложнаго сотрудничества, т.-е. раздѣленія труда.

✓ Ея элементарная форма есть семья. Половое стремленіе должно было въ самыя отдаленнѣйшія времена существованія человѣческаго рода выдѣлять для первобытнаго человѣка женщину изъ остальной природы. Однако, полная однородность всѣхъ мужчинъ, взятыхъ вмѣстѣ, и всѣхъ женщинъ, взятыхъ вмѣстѣ, и полная разнородность каждаго и каждой изъ нихъ, т.-е. полное сходство между ними, должно было надолго отсрочить организацію семьи. Мужчина и женщина сходились временно и затѣмъ расходились, потому что оба пола относились ко всѣмъ единичнымъ представителямъ того и другаго безразлично, за исключеніемъ момента полового возбужденія. Это было единственное связующее ихъ звѣно. Никакихъ другихъ требованій ни мужчина, ни женщина не предъявляли и никакой разницы между тѣмъ или другимъ мужчиной, той или другой женщиной видѣть не могли, потому что большой разницы и быть не могло (въ данной мѣстности, разумѣется). Но уже одного отертыя огня было достаточно для того, чтобы связать мужчину и женщину въ нѣчто подобное брачному сожителству. Огонь былъ, разумѣется, отерты, благодаря какой-нибудь счастливой случайности, — лѣсному пожару отъ удара молніи, такому же случайному воспламененію ископаемыхъ горючихъ веществъ, напримеръ нефти и т. п. Произвольно добывать огонь дикарь не умѣлъ, а между тѣмъ видѣлъ, какое важное для него значеніе можетъ имѣть эта новая сила. Явилась надобность сохранять, поддерживать огонь, облеченный даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ореоломъ божественности. Сохранять огонь будетъ женщина, которая по относительной слабости для охоты мало годится. Около огня группируется семья, хозяйство; дикарь начинаетъ вести жизнь менѣ бродячую, хотя хозяйство тамъ незатѣливо,

что можетъ быть въ случаѣ надобности перенесено на новое мѣсто безъ всякихъ затрудненій. Мужчина охотится, женщина обращается въ хранительницу домашняго очага, отъликъ чего мы видимъ не только въ римскомъ религіозномъ институтѣ веста-локъ, а и въ оставшейся за женщиной по преданію роли хозяйки. Само собою разумѣется, что прежде чѣмъ семья наконецъ прочно обособилась, тысячи разъ она распадалась; огонь могъ потухнуть и всю свою жизнь первобытный человѣкъ могъ уже не найти его во второй разъ; мужчина могъ бросить беременную женщину, женщина—попасть къ другому мужчинѣ, и т. д. Но наконецъ семья образовалась. Въ этой первобытной семьѣ, представляющей зародышъ или одинъ изъ зародышей будущаго рода, общины, племени, государства, отношенія между совмѣстно-живущими членами устанавливаются совершенно не такъ, какъ въ обществѣ свободныхъ охотниковъ. Тамъ мы имѣемъ равныхъ людей, съ одинаковыми усиліями преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, а здѣсь представителями коопераціи являются сильный мужчина, по крайней мѣрѣ, періодически болѣе слабая женщина или нѣсколько женщинъ и совершенно слабыя дѣти. Сообразно этому различны и ихъ роли и значеніе въ семьѣ. Правда, фетиши и здѣсь перестаютъ быть личными; правда, и здѣсь первобытный человѣкъ распространяетъ свою телеологію на всю семью и видитъ въ ней центръ вселенной. Но самое это расширеніе антропоцентрическаго взгляда имѣетъ уже совершенно не тотъ характеръ. При простомъ сотрудничествѣ пятерыхъ охотниковъ, каждый изъ нихъ, зная цѣль, для которой они образовали союзъ, не можетъ не видѣть, что цѣль эта общая для всѣхъ нихъ, что интересы ихъ совершенно солидарны. Въ первобытной же семьѣ, при предоставленіи мужчинѣ внѣшней дѣятельности, а женщинѣ—внутренней, домашней, сознаніе общей цѣли становится гораздо болѣе смутныхъ; при этомъ ихъ физиологическое неравенство все болѣе и болѣе укрѣпляется. Дикарь не можетъ видѣть и помнить, что женщина ему помогаетъ. Цѣль у нихъ положимъ общая, но средства для достиженія этой цѣли, благодаря раздѣленію труда, различны.

По близорукости, первобытный человекъ принимаетъ эти средства за цѣли, вслѣдствіе чего не оказывается ничего общаго между жизнью мужчины и женщины. Поэтому, сочувствовать женщинѣ, переживать ея жизнь, мысли и чувства первобытный человекъ не можетъ,—они слишкомъ отличны отъ его собственной жизни, мыслей и чувствъ. За отсутствіемъ или невѣдѣніемъ общей жизни, въ первобытной семьѣ мужъ и жена гораздо болѣе чужды другъ другу, чѣмъ тѣ пять мужчинъ, которые соединились для охоты. Такъ что, если въ союзъ простаго сотрудничества вступаетъ нѣсколько семейныхъ дикарей, участвующихъ, такимъ образомъ, и въ системѣ прстаго, и въ системѣ сложнаго сотрудничества, то для нихъ слагаются два совершенно различныхъ нравственныхъ кодекса: одинъ—для отношеній между мужчинами, другой—для отношеній между мужчинами и женщинами. И первый будетъ необходимо выше, чище, гуманнѣе второго. Поэтому мы и видимъ такъ часто, что первобытный человекъ ни въ грошъ не ставитъ даже жизнь жены, между тѣмъ какъ признаетъ преступленіемъ убійство такого же, какъ и онъ, мужчины. Эти отношенія устанавливаются на долго и не утратили своего значенія и нынѣ. Исторія представляетъ въ этомъ отношеніи многіе чрезвычайно любопытные факты. Мы остановимся только на одномъ. У всѣхъ пастушескихъ народовъ существовалъ обычай предлагать путнику, забредшему въ какой-нибудь семейный домъ, не только убѣжище и пищу, а и женщинъ. Это именно то, что называется гостепріимею проститутціей. Въ этомъ случаѣ между мужчинами какъ бы заключается договоръ не писанный, не формальный, а безмолвный и непосредственный, вполне взаимный и потому гораздо болѣе прочный. Каждому мужчинѣ изъ пастушескаго народа приходится быть вдали отъ своего собственнаго жилища и отъ своей собственной жены, а между тѣмъ имѣть въ ней надобность. Каждый испыталъ неудобство этого положенія на себѣ, и потому такъ проникается знакомымъ ему положеніемъ путника, что принимаетъ его интересы гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ желаніе или нежеланіе своихъ

женъ и дочерей. Еще меньше, разумѣется, можетъ проникнуться первобытный человѣкъ жизнью ребенка. Этому онъ ужъ всегда можетъ изувѣчить, продать, убить. Такимъ образомъ, центромъ вселенной оказывается въ этомъ случаѣ все-таки одна мужская личность, а женщина и дѣти—это спутники солнца. Само собою разумѣется, что и женщина и ребенокъ съ своей стороны смотрятъ на окружающій ихъ міръ или снизу вверхъ, или сверху внизъ, но во всякомъ случаѣ видятъ въ своей личности центръ, ко благу или ко вреду котораго направлено все, что они могутъ охватить мыслью. Это безотчетное выдѣленіе своей личности, какъ обуславливающееся отсутствіемъ коопераціи, существуетъ, безъ сомнѣнія, и у животныхъ. Но дѣло въ томъ, что міросозерцаніе женщинъ, а тѣмъ болѣе дѣтей, могло только въ нѣкоторыхъ частностяхъ опредѣлять складъ первобытной жизни, и потому можетъ быть и не принимаемо въ расчетъ.

Семья разрастается, все болѣе и болѣе дифференцируясь, т.-е. переходя отъ простаго къ сложному. Поколѣнія сыновей, внуковъ, если не отходятъ отъ первичнаго корня, образуютъ нѣкоторую іерархію, во главѣ которой стоитъ старѣйшина, патриархъ. Рядомъ съ этой семьей развивается тѣмъ же путемъ другая. Тамъ дальше бродятъ нѣсколько шаговъ вольныхъ и независимыхъ охотниковъ, незнающихъ никакой іерархіи, кромѣ развѣ выборной, работающихъ одинаково и для одной и той же цѣли, вслѣдствіе чего ихъ шайки попрежнему представляютъ однородную группу возможно разнородныхъ членовъ. Прекрасный образецъ такого совмѣстнаго существованія двухъ различныхъ типовъ коопераціи можно найти въ сравнительно очень недавнее время, въ исторіи южной и юго-западной Россіи. Вольная Запорожская сѣчь, организованная демократически-республиканскимъ образомъ съ сильнымъ отбѣнкомъ коммунизма, представляетъ примѣръ простаго сотрудничества, а казаки-горожане, земледѣльцы и пастухи составляютъ общества по типу сложнаго сотрудничества, т.-е., при раздѣленіи труда. Само собою разумѣется, что эта организація казачества можетъ дать только слабое понятіе какъ о первобытной жизни съ одной сто-

роны, такъ и о дальнѣйшихъ, болѣе развитыхъ формахъ простаго и сложнаго сотрудничества. И такъ мы имѣемъ въ до- историческій періодъ два вида социальныхъ группъ, развивающихся рядомъ. Независимо отъ тѣхъ измѣненій, которыми, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, и главнымъ образомъ вслѣдствіе естественнаго подбора родичей, всѣ эти группы могутъ подвергнуться сами по себѣ, онѣ неизбежно приходятъ въ столкновение между собой. И въ результатъ этого столкновения элементъ раздѣленія труда необходимо перевѣшиваетъ элементъ простаго сотрудничества. Объективно-антропоцентрическое міросозерцаніе приучаетъ человѣка къ мысли, что надъ нимъ есть опека, не упускающая его ни на минуту изъ виду и всегда готовая, если онъ исполняетъ предписанныя ему правила, придти къ нему на помощь. Это какъ нельзя болѣе вяжется съ малымъ количествомъ и скромнымъ качествомъ потребностей первобытнаго человѣка и съ его отвращеніемъ къ труду. Для него создано все, а слѣдовательно и люди. Священные книги и преданія древнихъ народовъ, даже стоящихъ на относительно очень высокой ступени развитія и уже вступившихъ въ періодъ монотеизма, наполнены рассказами о томъ, что божества повелѣли перебить или обратить въ рабство сосѣдній народъ, или отнять у него женщинъ. Набѣгаютъ ли вольные охотники на разросшуюся уже до родоваго быта семью и производятъ всеобщій погромъ, одолеваятъ ли представители семейнаго и родоваго быта въ этой свалкѣ, — побѣжденные или съѣдаются, или, на слѣдующей ступени развитія, когда вслѣдствіе сознанія важности коопераціи антропоцентрическая идея нѣсколько расширилась, — обращаются въ рабство. Такимъ образомъ, двѣ, три группы сливаются воедино и образуютъ уже довольно сложное цѣлое съ четко обозначеннымъ раздѣленіемъ труда. Однако, общественныя дифференцированія и соотвѣтственныя индивидуальныя интеграціи здѣсь еще очень слабы. Хотя общественная однородность уже далеко не та, что въ группѣ вольныхъ охотниковъ, но, за исключеніемъ основнаго распавленія труда на трудъ мужской и трудъ женскій, и то сравнительно

слабаго, всё члены общества приблизительно одинаково трудятся и наслаждаются, ведутъ одинъ и тотъ же образъ жизни, молятся однимъ и тѣмъ богамъ. Кооперация постепенно расширяетъ личныхъ фетишей въ семейные, родовые, племенные, которые наконецъ получаютъ въ политеизмѣ значительно отвлеченный характеръ. Постоянныя войны, выставляя всѣмъ членамъ общества одну и ту же цѣль,—защиту отъ внѣшнихъ, общихъ враговъ,—время отъ времени, такъ сказать, встряхиваютъ, перетасовываютъ, сглаживаютъ установившіяся общественныя дифференцированія. Наконецъ наступаетъ пора, когда дифференцированія эти устанавливаются окончательно, вмѣстѣ съ чѣмъ происходятъ глубокія измѣненія въ жизни первобытнаго общества. Объективно-антропоцентрической періодъ смѣняется эксцентрическимъ. Кстати просимъ у читателя извиненія за употребленіе въ статьѣ по поводу русскихъ уголовныхъ процессовъ выраженія *эксцентрической* безъ всякихъ объясненій. Тамъ эти объясненія далеко отвлекли бы насъ отъ предмета статьи, и мы поневолѣ употребляли слова „эксцентрической“ и „метафизической“ почти какъ синонимы. Мы сейчас увидимъ, что метафизика относится къ эксцентризму,—выраженіе, если не ошибаемся, нами первыми употребляемое, по крайней-мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой мы ему придаемъ,—какъ часть къ цѣлому.

Прежде, чѣмъ указать характеристическія черты эксцентрическаго періода соціального развитія, намъ нужно сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое недѣлимое. Понятіе недѣлимаго, индивидуума, повидимому, такъ просто, что не требуетъ никакихъ разъясненій. Однако, это не такъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ трудностяхъ, какія встрѣчаются при опредѣленіи индивидуальности нѣкоторыхъ низшихъ представителей органическаго міра, гдѣ органы, недѣлимые и цѣлыя скопленія недѣлимыхъ различаются иногда не легко. До этого намъ здѣсь нѣтъ дѣла. Рѣчь у насъ идетъ только о человѣкѣ, относительно котораго, кажется, не можетъ быть сомнѣній, недѣлимое онъ или нѣтъ. Однако, слова, производимыя отъ слова „индивидуумъ“, и въ приложеніи къ человѣку употребляются

часто въ совершенно различныхъ смыслахъ. Чаше всего подъ индивидуальностью разумѣютъ совокупность чертъ, рѣзко выдвигающихъ извѣстную личность изъ среды окружающихъ ее людей. Индивидуальный значить здѣсь личный, особенный. Мы будемъ употреблять это выраженіе совершенно иначе, именно, будемъ разумѣть подъ индивидуальностью человѣка совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму *вообще*. Мы видѣли, что Спенсеръ опредѣляетъ недѣлимое, какъ „конкретное цѣлое, имѣющее строеніе, позволяющее ему, при извѣстныхъ условіяхъ, постоянно приспособлять свои внутреннія отношенія къ внѣшнимъ такъ, чтобы поддерживалось равновѣсіе его отправленій“ („Основанія біологіи“, 207). Это опредѣленіе, не имѣющее, къ сожалѣнію, достоинствъ краткости и ясности, можетъ, однако, считаться удовлетворительнымъ, если въ него включить идею способности страдать и наслаждаться, которою недѣлимое рѣзко отличается отъ органа съ одной стороны и отъ общества съ другой. По крайней мѣрѣ, для опредѣленія недѣлимаго животнаго, а слѣдовательно и человѣка, понятіе страданія и наслажденія необходимо должно быть введено въ формулу; способность страдать и наслаждаться составляетъ въ этомъ случаѣ такую очевидную и характеристическую для недѣлимаго особенность, что выключить ее было бы крайне неосновательно. А въ такомъ случаѣ, необходимо опредѣлить случаи нормальнаго, фізіологическаго состоянія и развитія и состоянія и развитія болѣзненнаго, патологическаго. Типъ нормальнаго органическаго развитія есть, какъ мы видѣли, постепенное усложненіе путемъ дифференцірованія, т. е. спеціализаціи частей недѣлимаго—органовъ и тканей. Слѣдовательно, патологическимъ развитіемъ будетъ обратное движеніе, то-есть упрощеніе организма, его интеграція. Таковъ динамическій законъ индивидуальности. Законъ статическій также не представляетъ затрудненій. Такъ какъ недѣлимое представляетъ собою извѣстную ступень органическаго развитія, имѣющую опредѣленное число опредѣленныхъ частей, то фізіологическимъ, нормальнымъ состояніемъ недѣлимаго мы называемъ такое, при

которомъ всѣ части организма безпрепятственно функционируютъ, т.-е. каждый органъ исполняетъ свою обязанность. При такомъ нормальномъ состояніи равновѣсія каждое органическое отправленіе доставляетъ человѣку наслажденіе. Если же одинъ или нѣсколько органовъ перестаетъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, совершать соотвѣтствующія отправленія, то равновѣсіе нарушается и мы имѣемъ состояніе патологическое, ненормальное, болѣзненное, сопровождающееся страданіемъ. Недѣлимое въ этомъ случаѣ, если и не перестаетъ быть недѣлимымъ, потому что не теряетъ способности страдать и наслаждаться, то, тѣмъ не менѣе, какъ бы сокращается, упрощается. Это не мѣшаетъ ему усложняться въ другихъ отношеніяхъ. Задержка однихъ отправленій или развитіе однихъ органовъ въ большей части случаевъ вызываетъ усиленное дѣйствіе и усиленное развитіе другихъ. При этомъ могутъ произойти усложненія, которыя мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ признать нормальнымъ явленіемъ, потому что они вытекаютъ изъ болѣзненного начала, изъ нарушенія равновѣсія и цѣлостности недѣлимаго. Здѣсь я считаю своею обязанностью еще разъ указать на сходство излагаемой доктрины съ ученіемъ Конта, и на этотъ разъ именно съ нѣкоторыми взглядами, относящимися ко второму періоду его философской жизни. Разсыпанныя въ „Позитивной политикѣ“ и вообще въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Конта странности и нелѣпости отводятъ многимъ глаза отъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, заслуживающихъ величайшаго вниманія. Съ другой стороны, портятъ дѣло безусловные поклонники Конта. Собственно вторая половина философской дѣятельности Конта еще ждетъ правильной оцѣнки, которая тѣмъ затруднительнѣе, что здѣсь приходится отдѣлять великое отъ смѣшнаго; на это люди вообще не мастера. Субъективный синтезъ, требованіе систематизаціи знаній съ человѣческой точки зрѣнія не только въ теоретическомъ, а и въ практическомъ отношеніи, идея единства и гармоніи человѣческаго существа, какъ основъ блага—ко всѣмъ этимъ вещамъ нельзя такъ относиться, какъ относится къ нимъ даже сдержанный и осто-

рожный Милль. Требованіе единства въ интересахъ и цѣляхъ личностей, какъ членовъ общества, и единства или гармоніи всѣхъ элементовъ индивидуальной жизни, нравственныхъ, физическихъ и умственныхъ, это требованіе, говоритъ Милль, есть *fons errorum* позднѣйшихъ умозрѣній Конта. Что, исходя изъ этихъ началъ, Контъ пришелъ ко множеству ошибокъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но мы готовы скорѣе сказать, вмѣстѣ съ однимъ изъ безусловныхъ поклонниковъ Конта, Бриджемъ (*De l'unité de la vie et de la doctrine d'Auguste Comte etc.*, par. J. H. Bridges. Traduit de l'anglais par M. Debergue. Paris 1867), что вообще это *fons* не *errorum*, а *veritatis*. Между прочимъ, Милль говоритъ: „Въ послѣдніе годы (какъ мы узнаемъ изъ книги д-ра Робинэ) Контъ вдавался въ самыя дикія разсужденія о медицинѣ, считая всѣ болѣзни за одно и то же — за возмущеніе или расстройство *de l'unité cérébrale*“ (русскій переводъ, стр. 145). Здѣсь Милль говоритъ о письмѣ Конта къ французскому медику Audiffrent, напечатанномъ въ книгѣ Робинэ (*Notice sur l'oeuvre et sur la vie d'Auguste Comte. Par le docteur Robinet, son medecin etc.* Paris 1860. p. 528). Вотъ что говоритъ Контъ: „Всѣ виды болѣзней, признаваемые самостоятельными, суть не болѣе, какъ простые симптомы. Собственно говоря, существуетъ только одна болѣзнь—нездоровье. Но такъ-какъ состояніе здоровья есть состояніе единства (цѣлостности?), то болѣзнь есть всегда нарушеніе единства, вслѣдствіе усиленнаго развитія или задержки одного изъ отправленій“. Далѣе идетъ рѣчь о нарушеніи „*de l'unité cérébrale*“, какъ о частномъ только случаѣ болѣзни. Такимъ образомъ, Милль не только не оцѣнилъ по достоинству глубокаго воззрѣнія Конта, но, какъ справедливо замѣчаетъ Бриджъ (p. 107), извратилъ самый смыслъ словъ французскаго мыслителя. Мы, съ своей стороны, далеки отъ того, чтобы считать положеніе Конта дикимъ. Расстройство моральнаго еднства, т.-е. усиленне развитіе нѣкоторыхъ моральныхъ силъ и способностей, въ ущербъ другимъ, есть, безъ сомнѣнія, обильный источникъ болѣзненныхъ явленій.

Мы видѣли отношеніе фізіологическаго и патологическаго развитія и состоянія къ обоимъ типамъ коопераціи. Мы видѣли, что фізіологическое развитіе возможно только при простомъ сотрудничествѣ, и что неизбежный результатъ сотрудничества сложнаго, раздѣленія труда; есть патологическое развитіе и состояніе недѣлимыхъ. Намъ остается только прибавить два-три пояснительныя замѣчанія. Въ простомъ сотрудничествѣ общая цѣль вызываетъ солидарность интересовъ и взаимное пониманіе членовъ общества. Какъ люди равные, находящіеся въ одномъ и томъ же положеніи, имѣющіе однѣ и тѣ же цѣли, стремленія, мысли и чувства, они не только успѣшно работаютъ, не только не впадаютъ въ патологическое состояніе, но, кромѣ того, имѣютъ полную возможность въ каждую данную минуту проникнуться жизнью своего товарища, пережить эту жизнь въ самомъ себѣ и относиться къ нему постоянно, какъ къ самому себѣ. Высокій нравственный уровень составляетъ естественный результатъ такого порядка вещей. Только при немъ осуществимъ знаменитый девизъ: братство, равенство и свобода. Не таковы междуличныя отношенія въ обществѣ, построенномъ на принципѣ сложнаго сотрудничества. Не говоря уже о томъ, что члены его находятся въ патологическомъ состояніи, вслѣдствіе усиленнаго развитія нѣкоторыхъ органовъ, въ ущербъ другимъ для нихъ общая цѣль постепенно и постоянно отодвигается все дальше и дальше и, наконецъ, совершенно размѣнивается на рядъ частныхъ цѣлей, одна отъ другой совершенно обособленныхъ. Они не понимаютъ другъ друга, хотя связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ. Взаимное непониманіе ведетъ къ безнравственности отношеній. Одни ввязнуть въ безысходномъ трудѣ, до нельзя развивая ту или другую часть своей мускульной системы. Другіе, обращаясь въ специалистовъ нервной дѣятельности, живутъ на счетъ труда первыхъ и не только не оплачиваютъ имъ за это чѣмъ бы то ни было, но даже, утрачиваютъ всякое представленіе о своей солидарности съ ними, о томъ, что безъ нихъ они не могли бы имѣть ни одного изъ тѣхъ наслажденій, какія даются утонченно развитой

нервной системой. Однако, простое сотрудничество при этомъ не совершенно исчезаетъ. Труды и наслажденія, цѣли и средства дѣлятся между различными группами, на которыя дифференцировалось общество, но каждая такая группа состоитъ изъ людей сходныхъ, равныхъ и потому способныхъ ко взаимному пониманію, работающихъ вмѣстѣ для одной и той же цѣли. Но здѣсь простое сотрудничество составляетъ фактъ второстепенный, смыслъ и значеніе котораго опредѣляются господствующимъ принципомъ раздѣленія труда. Здѣсь въ союзъ простаго сотрудничества вступаютъ не цѣлостные индивидуумы, какъ въ общинѣ вольныхъ охотниковъ, а индивидуумы специализированные: головы вступаютъ въ союзъ съ головами, руки съ руками, умственные способности съ умственными, капиталъ съ капиталомъ, трудъ съ трудомъ и т. д. Такъ-какъ въ такомъ обществѣ нѣтъ физиологически развитыхъ недѣлимыхъ, то-есть, недѣлимыхъ, имѣющихъ всю сумму отправленій, какая допускается и требуется типомъ ихъ организаціи, то антропоцентрическое міросозерцаніе здѣсь невысказуемо. Человѣкъ, выработавшій себѣ особенную напряженность того или другаго спеціальнаго отправленія и болѣе или менѣе заглушившій въ себѣ всѣ остальные, естественнымъ образомъ понимаетъ и цѣнитъ только то, что тѣсно соприкасается съ его спеціальнымъ отправленіемъ. Понятіе о единствѣ, индивидуальности человѣка здѣсь не имѣетъ мѣста. Центромъ помысловъ и стремленій становится не человѣкъ, какъ недѣлимое, не вся совокупность человѣческаго организма, а нѣкоторая отвлеченная категорія. Членъ общества, къ которому раздѣленіе труда привело достаточно глубокія борозды, не въ состояніи охватить понятіе человѣка во всей его цѣлости и недѣлимости; онъ можетъ понять и оцѣнить только ту долю человѣка, которая развита въ немъ самомъ. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ въ области теоретическихъ вопросовъ еще долго держится объективно-антропоцентрическое міросозерцаніе, за силою преданій и недостаткомъ знаній, еще долго человѣкъ вѣритъ, что онъ составляетъ объективный центръ вселенной—въ сферѣ практической, въ

сферѣ дѣйствія убѣжденіе это постепенно ступовывається и даетъ мѣсто эксцентрическому укладу.

Началомъ эксцентрическаго періода соціального развитія мы признаемъ тѣ моменты въ развитіи различныхъ сферъ общественной жизни, когда кооперация по типу раздѣльнаго труда выставляетъ нѣкоторыя спеціальныя цѣли, доступныя только для извѣстной соціальной группы, спеціальныя цѣли, бывшія до этого момента только средствами. Не слѣдуетъ думать, чтобъ переходъ этотъ произошелъ одновременно во всѣхъ областяхъ жизни. Въ высшей степени сложная сѣтъ причинъ и слѣдствій общественныхъ явленій не могла допустить такой правильности и такого однообразія. Еслибы обществомъ управлялъ только одинъ принципъ раздѣленія труда, тогда, конечно, развитіе его совершалось бы такъ же ровно и однообразно, какъ и ростъ организма. Но простое сотрудничество никогда не исчезало, и такъ-какъ оно было возможно въ одной сферѣ жизни въ бѣльшой, въ другой—въ мѣньшей степени (что относится и къ самому раздѣленію труда), то жизнь не могла идти ровно. Притомъ же, на ходъ развитія вліяли и другія причины, каковы мѣстныя физическія условія, сила традиціи и привычки, наблюденіе и т. д. Всѣ эти побочныя причины не могли имѣть одинаковаго вліянія на различныя стороны жизни. Можно только сказать, что, разъ начавшись, эксцентризъмъ съ возрастающею скоростью стремится охватить всѣ тончайшіе изгибы общественныхъ отношеній, отнюдь, однако, не равномерно по всѣмъ направленіямъ. Мы видимъ, на примѣръ, что, не смотря на значительное развитіе въ древнемъ мірѣ раздѣленія труда и, слѣдовательно, эксцентрическаго періода, въ области политики господствуетъ простое сотрудничество. Древняя исторія есть послѣдовательная исторія ассиріянъ, вавилонянъ, персовъ, египтянъ, евреевъ, грековъ (и въ ней афинянъ, спартанцевъ), македонянъ, римлянъ. Словомъ, древняя исторія есть исторія государствъ и народовъ. Государство же представляетъ собою такую соціальную единицу, въ которой, хотя отдѣльныя недѣлимыя, утратили и въ бѣльшой или мѣньшей степени. свою цѣ-

лостность, но вся совокупность ихъ можетъ выставить всю сумму силъ и способностей, свойственныхъ человѣку. Не то мы видимъ въ средніе вѣка, которые, вообще, представляютъ моментъ наибольшаго развитія, кульминаціонную точку эксцентрическаго періода. Здѣсь на арену исторіи выступаютъ уже интересы и цѣли не государствъ и народовъ, а сословій, корпорацій, цѣховъ, т. е. такихъ соціальныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая усвоила себѣ окончательно только одну какую-нибудь силу, одну какую-нибудь способность.

Размѣры нашей статьи до такой степени непропорціональны размѣрамъ заданной нами себѣ задачи, что на систематичность изложенія намъ претендовать никакъ не приходится. Мы сильно рассчитываемъ на помощь логики читателя. Поэтому мы забѣгаемъ нѣсколько впередъ, чтобы привести изъ Шиллеровскихъ писемъ объ эстетическомъ образованіи человѣка мастерскую характеристику того, что мы называемъ эксцентрическимъ періодомъ соціального развитія.

«Безъ сомнѣнія нельзя было и ожидать, чтобы простая организація первыхъ республикъ пережила простоту первыхъ нравовъ и отношеній; но вмѣсто того, чтобы стать послѣ нихъ на высшую ступень живой жизни, она ниспала до пошлой и грубой механики; натура греческихъ республикъ, организовавшихся на подобіе полипняксквъ, въ которыхъ каждый индивидуумъ пользовался независимой жизнью, а въ случаѣ нужды могъ своимъ трудомъ служить и общему, уступила мѣсто искусственно-машинно-часовому устройству, гдѣ изъ сплоченія между собою безконечно многихъ, но безжизненныхъ частичекъ образуется механическая жизнь цѣлаго. Разорваны другъ отъ друга церкви и государство, нравы и законы; наслажденіе отдѣлилось отъ труда, средства отъ цѣли, напряженіе отъ удовольствія достиженія. Вѣчно работая надъ какимъ-нибудь ничтожнымъ отрывкомъ изъ цѣлаго, человѣкъ и самъ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ отрывка; вѣчно слыша однозвучный шумъ только того колеса, которое вертитъ онъ самъ, человѣкъ никогда не въ состояніи развить гармоніи въ своемъ существѣ, и, вмѣсто того, чтобы впечатлѣвать человечество въ своей натурѣ, онъ дѣлается только отпечаткомъ своего занятія, своей науки. Но даже это скудное, обрывочное участіе, которое привязываетъ частныхъ членовъ къ цѣлому, состоитъ не въ томъ, чтобы они самодѣтельно выработали формы данныхъ имъ обрывковъ (и въ самомъ дѣлѣ можно ли было довѣрить ихъ свободѣ столь

искусную и свѣтобоящуюся часовую машину?); нѣтъ, имъ съ самою скрупулезною точностью начертаны образцы, которыхъ и должно неуклонно держаться ихъ свободное знаніе. Мертвая буква замѣняетъ живой разумъ; механическая память руководитъ вѣрнѣе, чѣмъ геній и чувство. Если, по общепринятому мнѣнію, должность служить масштабомъ достоинства человѣка, если люди въ одномъ изъ своихъ согражданъ уважають только память, въ другомъ формулярный разумъ; въ третьемъ механическую ловкость; если въ одномъ мѣстѣ, не обращая никакого вниманія на характеръ, требуютъ только знаній, въ другомъ, напротивъ того, ради духа порядка и законной исполнимости, самое глубокое помраченіе разума почитаютъ достоинствомъ, если хотять при этомъ, чтобы каждая изъ этихъ частныхъ способностей была доведена до такой интенсивности, какая только возможна по интенсивности субъекта, то можно ли удивляться, что остальные свойства души остаются въ пренебреженіи и съ особенною тщательностью воздѣлывается единственно то свойство, которое почитаютъ и за которое даютъ награды?

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ значеніе греческихъ республикъ едва-ли преувеличено. (Любопытно, что знаменитый другъ-соперникъ и совершенная антитеза Шиллера—Гете, также съ восторгомъ смотрѣлъ на классическую древность, а между тѣмъ Гете утверждалъ, что всякое цѣлое, въ томъ числѣ и общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе сходны его части; онъ проводилъ также параллели между организмомъ и обществомъ). Раздѣленіе труда, со всѣми его послѣдствіями,—отсутствіемъ единства цѣли, безнравственностью междуличныхъ отношеній, патологическимъ состояніемъ недѣлимыхъ, взаимнымъ непониманіемъ,—достигало уже значительнаго развитія въ древней Греціи. Съ другой стороны, силенъ еще былъ объективный антропоцентризмъ. Величайшіе мыслители Греціи не могли оторваться отъ мысли о законности и необходимости рабства и съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ и варваровъ. Та цѣлостность (Totalität), которою восхищаются поклонники древней Греціи, въ значительной степени должна была поддерживаться искусственными средствами, какова гимнастика. Поддерживалась она и беспрестанными войнами, въ моментъ которыхъ простое сотрудничество временно одерживало верхъ надъ раздѣленіемъ труда и ставило всѣмъ гражданамъ одну цѣль.

VII.

Въ первомъ томѣ русскаго изданія сочиненій Спенсера напечатана, между прочимъ, статья „Обычаи и приличія“, весьма важная для характеристики мыслителя, какъ человѣка. Къ этой, наиболѣе для насъ интересной, сторонѣ статьи мы обратимся ниже. Теперь замѣтимъ только, что въ ней Спенсеръ старается доказать, что обычаи, приличія, религіозныя представленія и юридическія нормы имѣютъ одинъ и тотъ же корень, и что распаденіе ихъ на самостоятельныя категоріи произошло тѣмъ же общимъ путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Онъ исходитъ изъ того положенія, что личности „бога, государя и церемоніймейстера“ въ наиболѣе отдаленную пору исторіи совпадали въ одной личности. Едва-ли можно принять это положеніе безусловно въ такомъ видѣ. Но, во всякомъ случаѣ, общій взглядъ Спенсера имѣетъ глубокое основаніе. Намъ, современнымъ людямъ, трудно представить себѣ единство различныхъ сторонъ человѣческой жизни, которое царилъ въ доисторическую пору. Религія, философія, наука, искусство,—всѣ эти для насъ совершенно различныя и часто другъ другу противорѣчащія вещи, вещи, существующія рядомъ, не смотря на трудность и даже невозможность примиренія по многимъ пунктамъ,—все это сливалось для первобытнаго человѣка въ одно цѣлое, въ непосредственныя отношенія къ природѣ. Ощущеніе вызываетъ рядъ волненій и въ нихъ заключается вся психическая дѣятельность первобытнаго человѣка, лежащая въ основу его узкаго, но цѣльнаго, не раздробленнаго міросозерцанія. Ощущенія его, какъ справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, выражаются одновременно звуками, образами и движеніями. То, что для насъ распадается на духъ и матерію, связано въ немъ неразрывно. И оттого онъ унистъ въ теоріи и унистъ на практикѣ. Приятное и неприятное ощущенія немедленно приводятъ въ движеніе весь его организмъ, всѣ стороны индивидуальности,—мускулы ногъ, руки, груди, горла собираются едино-

временно, и человекъ поетъ, пляшетъ, играетъ. Точно также цѣлостна его практическая философія. Различные элементы оцѣнки человѣческихъ поступковъ разсыпаны для цивилизованнаго человека по разнымъ угламъ; онъ можетъ признать данное явленіе приятнымъ, но бесполезнымъ, полезнымъ, но безнравственнымъ, нравственнымъ, но незаконнымъ и несправедливымъ, законнымъ, но не богоугоднымъ. Первобытный человекъ не знаетъ этихъ противорѣчій; для него фактъ тождественъ съ принципомъ; велѣнія боговъ, юридическая норма, нравственный кодексъ, нравы и обычаи совпадаютъ или, съ нашей современной точки зрѣнія, не отдѣлились другъ отъ друга, не выяснились, не дифференцировались. Дикарь убиваетъ дикаря изъ мести, это—фактъ. Но фактъ этотъ въ нравахъ общества, въ то же время онъ правомѣренъ, подтверждается религіозными представленіями и санкціонируется первобытною личною моралью. Съ теченіемъ времени, со смѣною многихъ и многихъ поколѣній, по мѣрѣ развитія коопераціи, фактъ невыгоды вредить ближнему обращается точно также въ религіозный догматъ, нравственное правило, юридическую норму и обычай, опять-таки безъ всякаго яснаго обозначенія раздѣльности этихъ элементовъ. Во временныхъ и случайныхъ союзахъ простаго сотрудничества эта цѣльность и непосредственность взаимныхъ отношеній остаются во всей своей силѣ. Еслибы принципъ простаго сотрудничества восторжествовалъ, еслибы цивилизація постепенно раздвигала именно этимъ видомъ коопераціи личное существованіе равномерно во всѣ стороны, не раздробляя индивидуальности, а приобщая къ ней все новыя и новыя индивидуальности столь же цѣльныя, еслибы при этомъ воззрѣнія на природу путемъ коллективнаго опыта очищались отъ объективнаго антропоцентризма... Я не знаю, что было бы въ такомъ случаѣ. Но этого не было и, насколько мы можемъ продумать первобытную жизнь, и не могло быть. Раздѣленіе труда одождло. Запутанный порядокъ сложнаго сотрудничества постепенно стиралъ непосредственность взаимныхъ отношеній и дробилъ индивидуальную цѣлостность.

Родовой бытъ смѣнился общественнымъ, что предполагаетъ уже глубокія дифференцированія. На одномъ концѣ общественной іерархіи образовалось рабство, на другомъ вырѣзалась болѣе или менѣе сильная верховная власть, которой уступили, добровольно или по принужденію, часть своего главенства старѣйшины отдѣльных родовъ. Религіозныя представленія получаютъ столь отвлеченный характеръ, непосредственныя отношенія къ природѣ нарушаются столь сильно, что становятся уже нужными посредники между людьми и богами. Обособляется классъ жрецовъ. Рабство однихъ даетъ досугъ другимъ. Досугъ идетъ на умственное развитіе. Трудъ перестаетъ вознаграждаться всѣмъ результатомъ труда; результатъ этотъ дѣлится между господиномъ и рабомъ, который получаетъ свою долю въ видѣ скудной пищи. Но почти столь же скуднымъ вознагражденіемъ довольствуется еще и господинъ. Производители и потребители находятся въ посредственныхъ сношеніяхъ, взаимная связь ихъ проста и очевидна; продукты труда идутъ довольно равномерно на поддержаніе однихъ и тѣхъ же потребностей въ различныхъ недѣлимыхъ. Каждый потребитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и производитель, и наоборотъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ коопераціи и досуга, развиваются и потребности. Является надобность въ такихъ предметахъ, которые не могутъ быть произведены тѣми или другими лицами, а между тѣмъ производятся въ сосѣдствѣ. Начинается обмѣнъ продуктовъ. Въ болѣе или менѣе широкомъ обмѣнѣ могутъ участвовать только нецѣлостныя недѣлимыя, т. е. недѣлимыя, усвоившія себѣ извѣстную специальную сферу дѣятельности. Далѣе, какъ въ области религіозной понадобились посредники между людьми и богами, такъ и въ экономической области оказываются нужными посредники между производителями и потребителями. Обособляется торговый классъ, задерживающій, въ видѣ торговаго процента, часть результата труда въ своихъ рукахъ; поземельная рента и прибыль капиталиста еще ждутъ своей очереди. Торговля оказывается занятіемъ столь выгоднымъ, что отвлекаетъ значительную часть силъ отъ войны, до тѣхъ поръ

главнаго занятія. Однако, они еще долго должны идти рука объ руку, потому что торговец можетъ каждую минуту ждать нападенія и долженъ противопоставлять силу силѣ. Въ рукахъ торговаго класса сосредоточиваются значительныя богатства, превышающія его потребности. Является новое наслажденіе—наслажденіе приобрѣтенія, и новая цѣль—богатство, доступныя только для нѣкоторыхъ членовъ общества. Въ далекомъ будущемъ, это специальное наслажденіе и эта специальная цѣль, обособленныя отъ всѣхъ другихъ сторонъ человѣческой индивидуальности, ложатся въ основу науки, по поводу которой Сисмонди задумался: „Неужели богатство—все, а человѣкъ—абсолютно ничто?“; по поводу которой Дрозъ замѣчаетъ, что представители ея думаютъ, что „человѣкъ созданъ для продуктовъ, а не продукты для человѣка“.

Общественныя дифференцированія, опредѣляя для каждой обособившейся соціальной группы образъ жизни и занятія, отличные отъ образа жизни и занятій остальныхъ группъ, вызываютъ разнородность нравовъ и обычаевъ. Эта разнородность вызываетъ такія столкновенія, что становится, наконецъ, необходимымъ формальное опредѣленіе правъ и обязанностей членовъ общества. Является писанный законъ, сначала, разумѣется, не очень далекій отъ обычнаго права, но, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ отличный отъ него; въ него вносятся главнымъ образомъ воззрѣнія правящаго класса. Нравы, нравственность и справедливость роздробляются на самостоятельныя категоріи. Законодатель смѣло пишетъ: *Servitus est constitutio juris gentium, quo quis dominio alterius contra naturam subiicitur*, т. е. рабство есть учрежденіе *народнаго права*, по которому человѣкъ *противуестественно* владычествуетъ надъ другимъ. Въ далекомъ будущемъ нравы и обычаи обособляются въ деспотизмъ общественнаго мнѣнія; нравственность—въ аскетическую мораль; право и справедливость даютъ начало наукѣ, провозгласяющей своимъ принципомъ: *fiat justitia pereat mundus*, т. е. не справедливость существуетъ для человѣка, а человѣкъ для справедливости.

Рядомъ съ безусловною справедливостію и безусловною нравственностію выступаютъ чистая наука, чистое искусство. И такъ, въ теченіе вѣковъ, раздѣленіе труда постепенно, но съ неудержимой силой, подтачиваетъ первобытный антропоцентризмъ. Мы не имѣемъ никакой возможности прослѣдить здѣсь всѣ стороны эсцентрическаго періода. Читатель найдетъ кое-что въ этомъ отношеніи у Спенсера, въ статьяхъ: „Происхожденіе и дѣятельность музыки“, „Обычаи и приличія“, „Прогрессъ, его законъ и причины“ и т. д. Но Спенсеръ выбираетъ примѣры сравнительно не важные, и притомъ смотритъ на нихъ исключительно съ точки зрѣнія увеличенія общественной разнородности, не касаясь параллельнаго факта усиленія индивидуальной однородности. Спенсеръ, не смотря на многочисленность примѣровъ, приводимыхъ имъ въ подтвержденіе закона прогресса, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному, ни разу не останавливается надъ значеніемъ этого перехода для выработки понятій полезнаго, пріятнаго, добраго, нравственнаго, справедливаго. А между тѣмъ обособленіе ихъ другъ отъ друга несомнѣнно подтверждаетъ его законъ прогресса: оно могло явиться только въ обществѣ очень разнородномъ. Бѣдняга первобытный человѣкъ думалъ, что все создано для него. Оказывается, что онъ самъ созданъ для всего, кромѣ самаго себя. Онъ созданъ для справедливости, для нравственности, для богатства, для знанія, для искусства. И все это требуетъ безусловнаго, исключительнаго поклоненія себѣ; все это въ открытой враждѣ другъ съ другомъ: искусству не надо справедливости, наука отрицается нравственности, богатство не видитъ справедливости, формальная справедливость незнакома съ нравственностію. Но—замѣчательный фактъ, который мы объяснимъ ниже— всѣ эти отвлеченныя категоріи, порожденныя процессомъ общественныхъ дифференцированій и соотвѣтственныхъ индивидуальных интеграцій, находясь въ открытой междоусобной войнѣ, въ то же самое время единодушно поддерживаютъ вызвавшій ихъ на свѣтъ божій порядокъ. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай показать, что безусловная справедливость есть ни что

инное, какъ идеализація существующихъ общественныхъ отношеній, возведеніе въ принципъ голаго эмпирическаго факта. А между тѣмъ какъ она величава и широка, эта безусловная справедливость! Теоретическія формулы объективно-антропоцентрическаго періода (все создано для человѣка) и періода эксцентрическаго (человѣкъ для богатства, для справедливости, для истины, или, что то же, справедливость для справедливости, истина для истины, богатство для богатства) до такой степени діаметрально-противоположны, что можно было бы подумать, что самая природа человѣка потеряла какое-нибудь коренное преобразование. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ люди живутъ здѣсь для знанія, для искусства, для справедливости? Не со всѣмъ такъ. Произошло собственно вѣтъ что. Были люди дикіе, ограниченные, неразвитые, но цѣлостные. Ихъ цѣлостная индивидуальность, благодаря коопераціи раздѣльнаго труда, развивалась въ раздробь. Жизнь недѣлимаго есть сумма отпавленій, допускаемыхъ его организаціей. Въ первобытномъ человѣкѣ мы имѣемъ эту сумму отпавленій. Исторія, не давъ силамъ и способностямъ человѣка, такъ сказать, выдти изъ скрытаго состоянія, достигнуть гармонической и всесторонней напряженности въ предѣлахъ одной индивидуальности, размѣстила эти силы и способности по множеству разныхъ индивидуальностей. Сила мысли оказалась въ одномъ углу и больше въ немъ ничего не оказалось, въ другомъ — сила мышцъ, въ третьемъ — эстетическая способность и т. д. Эти изолированныя силы, развиваясь въ нецѣлостныхъ недѣлимыхъ на счетъ другихъ силъ, получаютъ колоссальную интенсивность и при этомъ окончателно заглушаютъ остальные отпавленія. Такимъ путемъ происходитъ общественная разнородность рядомъ съ индивидуальной однородностью. Казалось бы, что здѣсь, какъ и вездѣ при осуществленіи принципа раздѣленія труда, происходитъ значительная экономія силъ; что общество получаетъ огромный барышъ, доводя различныя силы и способности до такого развитія, какое недостижимо при совмѣщеніи ихъ всѣхъ въ предѣлахъ одной и той же личности. „Раздѣленіе занятій—говоритъ Милль—

совершенство одновременнымъ трудомъ нѣсколькихъ работы, которая не могла бы быть окончена какимъ бы то ни было числомъ лицъ порознь, — вотъ великая школа коопераціи“ (Статья „Цивилизація“ въ „Разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ“). Великая ли эта школа, это вопросъ, подлежащій обсуждевію. Но это не единственная школа коопераціи, потому что есть еще школа простаго сотрудничества. Какъ мы неоднократно доказывали, раздѣленіе труда, способствуя выработкѣ нецѣлостныхъ недѣлимыхъ, есть источникъ безчисленныхъ патологическихъ явленій въ области индивидуальной и соціальной жизни. Но этого мало; есть предѣлы, за которыми всякая сила и способность, развиваясь на счетъ другихъ силъ и способностей, перестаетъ быть силой и способностью, о чемъ съ неумолимою ясностью свидѣлствуютъ добытые ею результаты.

Грубый фетишизмъ смѣнился болѣе утопченнымъ политеизмомъ. Для первобытнаго человѣка исчезла возможность быть съ своими богами за панибрата, бесѣдовать съ ними запросто, сидѣть въ одной комнатѣ. Въ сношенія съ ними онъ долженъ вступать чрезъ посредство жрецовъ. Обезпеченные трудомъ производительныхъ классовъ, жрецы и высшіе слои общества вообще начинаютъ мало-по-малу отвыкать отъ физическаго труда. Когда распаденіе труда на трудъ физическій и умственный доходитъ до извѣстныхъ предѣловъ, антропоцентрической унизы смѣняется эксцентрическимъ дуализмомъ. Когда вы здоровы, вы не замѣчаете присутствія того или другаго органа, сознаете только себя, какъ совокупность органовъ, находящихся въ физиологической гармоніи. Когда вы больны, то-есть когда гармонія оправленій такъ или иначе нарушена, вы невольно обращаете вниманіе на пораженный органъ. Въ здоровомъ состояніи трудно мыслить о головѣ, о рукѣ, о ногахъ, о сердцѣ и т. д. безотносительно ко всему организму. Больная голова, больная рука вызываютъ ваше специальное вниманіе, и вы мысленно отдѣляете ихъ отъ остальной части организма. Совершенно точно такъ же нарушенная дифференцированіемъ труда гармонія выдѣлила для человѣка духъ, какъ нѣчто отдѣльное

отъ тѣла. Борозда, пролегшая между духомъ и матеріей въ практической жизни, отразилась и на теоретическихъ воззрѣніяхъ, и со смѣною поколѣній обозначалась все рѣзче и рѣзче. Единоличнымъ богамъ и единоличной морали первобытнаго человѣка, работающаго одновременно и руками, и головой, соотвѣтствуетъ понятіе о единствѣ его собственнаго существа. Вступая свободнымъ и независимымъ членомъ въ союзъ простаго сотрудничества, первобытный человѣкъ все-таки держится своего унизма, потому что и здѣсь ему приходится трудиться равномерно и физически, и умственно. Въ коопераціи раздѣльнаго труда душа и тѣло расходятся въ разные стороны. Вслѣдствіе различія побочныхъ обстоятельствъ, расхожденіе это проявляется различнымъ образомъ. Такъ полинезійцы вѣрують, что только предводители ихъ имѣють душу. Такъ древніе перувианцы вѣровали, что ихъ знать была божественнаго происхожденія. Оба эти факта приводятся Спенсеромъ въ подтвержденіе той мысли, что въ первобытномъ обществѣ личности бога и государя совпадаютъ. Въ этомъ отношеніи особенно неудаченъ примѣръ перувианцевъ. Перу извѣстно намъ уже на относительно очень высокой ступени цивилизаціи; и потому вѣрованіе перувианцевъ ничего не доказываетъ: установленію его предшествовали цѣлыя вѣка общественныхъ дифференцированій. Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что такъ или иначе практическое распаденіе труда на физическій и умственный вездѣ и всегда сопровождается и теоретическимъ распадениемъ души и тѣла, т. е. дуализмомъ. Однако, кое-какія эмпирическія свѣдѣнія, приобретаемыя высшими классами и особенно жрецами, еще долго имѣють въ виду исключительно человѣка какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Природа изучается объективно-антропоцентрически, и притомъ на столько, на сколько это изученіе можетъ быть непосредственно приложено къ пользамъ и нуждамъ человѣка. Практическое приложеніе добытыхъ знаній находится въ вѣдѣніи самихъ изучающихъ природу; теорія еще не отдѣлилась отъ практикн, наука — отъ искусства, знаніе теоретическое —

отъ прикладнаго. Но глубже и глубже ложатся демаркаціонныя черты между интересами различныхъ слоевъ общества. Процессъ дифференцірованій, разъ начавшись, идетъ все быстрѣе и быстрѣе. Увеличивающійся досугъ, гарантированный трудомъ нижняго этажа общественнаго зданія, и привычка къ умственнымъ занятіямъ побуждаютъ, наконецъ, нѣкоторыхъ членовъ высшихъ слоевъ заняться изученіемъ явленій природы не ради тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, а изъ любопытства, ради самой истины. Является новое специальное наслажденіе — наслажденіе знанія, разъ отвѣдавъ котораго, мысль не удержимо стремится къ дальнѣйшему знанію. Знаніе перестаетъ быть средствомъ, и становится цѣлью. Эта новая цѣль все болѣе и болѣе заслоняетъ собою для преслѣдующихъ ее всѣ другія цѣли, и, вызванная процессомъ общественныхъ дифференцірованій, закрѣпляетъ ихъ собою. †Религіозныя представленія становятся утонченнѣе. Является философія. Мысль чело-вѣческая, увѣрившись въ своей независимости отъ брэнной тѣлесной оболочки, оказываетъ крайнюю самонадѣянность. Презирая опытъ и наблюденіе, какъ орудія брэнной оболочки, мысль стремится въ надзвѣздныя пространства и желаетъ получить понятіе о мірѣ чисто діалектическимъ путемъ, изъ самой себя. Презирая оковы, налагаемыя на нее внѣшними чувствами, мысль презираетъ и добываемое внѣшними чувствами. Ей мало феноменальнаго знанія, которое можетъ получить и приложить къ дѣлу всякій ремесленникъ. Она ищетъ нумена, вещи въ себѣ, сущности вещей, и самая эта сущность оказывается, наконецъ, ни чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же самымъ духомъ, который такъ тщательно и любовно воспитывается насчетъ матеріи въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Объ утилитарной сторонѣ знанія нѣтъ и помину. Архимедъ извиняется передъ современниками и потомствомъ въ томъ, что иногда работаетъ для практическихъ цѣлей. Въ наши времена Шопенгауеръ заявляетъ, что только бесполезное можетъ имѣть значеніе. Платонъ говоритъ, что значеніе ариметики состоитъ отнюдь не въ ея практической пользѣ, а въ томъ, что она „об-

легчаетъ душѣ путь изъ области преходящихъ вещей къ созерцанію истины и бытія“; что она обязана „заниматься числами въ себѣ, въ ихъ сущности, и не терпѣтъ вмѣшательства чего бы то ни было видимаго и осязаемаго“; что геометры заблуждаются, если удаляются отъ изученія того, что составляетъ сущность вещей, истину вѣчную и безусловную; что цѣль астрономіи совсѣмъ не практическая, она не есть даже изученіе видимаго, она должна вести къ той же вѣчной истинѣ, постижимой одною чистою мыслью (Республика, кн. VII). Русскій педагогъ, г. Модзалевскій, полагаетъ, что, „благодаря незначительной населенности страны и существованію рабства, бывшаго удѣломъ иноплеменниковъ, жизнь свободныхъ людей была легка и чужда мелочныхъ заботъ. Бѣольшая часть націи была совершенно незнакома съ низкими и тяжелыми работами, и потому грекъ чрезъ воспитаніе свое могъ становиться выше всего пошлаго и мелочнаго въ жизни“ (Очеркъ исторіи воспитанія и обученія и проч., ст. 47). Считаю долгомъ замѣтить, что это античное воззрѣніе приведено рядомъ съ мыслями Платона не по чему иному, какъ потому, что мы случайно развернули лежащую передъ нами книгу г. Модзалевскаго.

Освобожденная отъ мелочныхъ и пошлыхъ заботъ, мысль, стремясь уразумѣть сокровенныя сущности вещей, получаетъ о себѣ все болѣе и болѣе высокое понятіе. Чистая мысль обазывается единственнымъ источникомъ познанія, въ ней одной слѣдуетъ искать законовъ міровыхъ явленій. Метафизическія системы громоздятся одна на другую; въ нихъ погибаютъ величайшіе умы. Таковъ въ области мысли и знанія одинъ результатъ общественныхъ дифференцированій и осуществленія принципа раздѣленія труда, то-есть, по Спенсеру, общественнаго прогресса.

Тѣмъ временемъ мало по малу копятся положительныя знанія. Практическія надобности и счастливыя случайности порождаютъ технику, искусства, а техника влечетъ за собой нѣко-

торня обобщенія. Сначала эти обобщенія кладутся гордыми и нетерпѣливыми умами въ основаніе метафизическихъ объясненій міра. Затѣмъ, подъ вліяніемъ общаго процесса социальныхъ дифференцированій, наука отдѣляется отъ философіи. Далѣе, тотъ же процессъ повелъ къ тому, что „каждый отдѣльный классъ изслѣдователей какъ бы выдѣлилъ свой частный порядокъ истинъ изъ общей массы матеріала, накопленнаго наблюденіемъ“ (Спенсеръ, I, 307). Знаніе, какъ цѣль, распадается постепенно на множество частныхъ цѣлей. Одинъ избираетъ одну отрасль, другой—другую и т. д. Какъ и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, это раздѣленіе труда имѣетъ двойственный характеръ. Наука обогащается, но міросозерцаніе специалистовъ все болѣе и болѣе суживается. Однако, скоро и наука перестаетъ обогащаться. Съ дальнѣйшимъ специализированіемъ утрачивается взаимное пониманіе между представителями различныхъ отраслей знанія. Они не понимаютъ даже языка другъ друга. Погруженный въ свой клочокъ знанія, специалистъ взрываетъ его вдоль и поперекъ, но не имѣетъ понятія о сосѣднемъ клочкѣ. Онъ уже давно пересталъ быть гражданиномъ, давно пересталъ сознавать свою солидарность съ остальными членами кормящаго его общества. Но, наконецъ, онъ перестаетъ быть и ученымъ; добываемое имъ знаніе дѣлается не только неважнымъ, второстепеннымъ, третьестепеннымъ и т. д., но даже перестаетъ быть знаніемъ. Это требуетъ нѣкотораго объясненія. Для изслѣдованія самого простаго явленія, на примѣръ, для опредѣленія какого нибудь минерала требуется, собственно говоря, цѣлый рядъ опытовъ и наблюденій. Минераль можетъ имѣть строеніе аморфное или кристаллическое. Въ послѣднемъ случаѣ нужно опредѣлить геометріческія свойства кристала, отношенія угловъ и плоскостей. Но этого недостаточно, потому что много есть минераловъ, совершенно различныхъ и тѣмъ не менѣе кристаллизующихся въ одной и той же формѣ. Отъ гониометра приходится перейти къ паяльной трубкѣ, изслѣдовать отношенія даннаго минерала къ тѣмъ или другимъ реактивамъ, къ поляризаціи, его спайность, твердость и т. д. Послѣ этого ряда опытовъ и наблюденій

явленіе понято, потому что кромѣ математическихъ, физическихъ и химическихъ никакихъ другихъ свойствъ минераль не имѣеть. Понятное дѣло, что еслибы какой нибудь специалистъ-кристаллографъ не имѣлъ свѣдѣній химическихъ и физическихъ и былъ бы склоненъ, подобно всякому специалисту, придавать своей точкѣ зрѣнія первенствующее значеніе, понятно, что его минералогическія знанія не были бы знаніями. Что касается до его собственно кристаллографическихъ наблюдений, то они представляли бы не болѣе, какъ сырой матеріаль. Мы взяли примѣръ почти невозможный, потому что минералогія завѣдуетъ явленіями столь простыми, что связь и необходимость различныхъ точекъ зрѣнія тутъ совершенно очевидны. Но въ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ сложнѣйшими явленіями, подобные случаи не только возможны, а и весьма обыкновенны, потому что для пониманія этихъ болѣе сложныхъ явленій требуется и большая разносторонность свѣдѣній. Ясно, что въ этомъ случаѣ узкій специалистъ можетъ накопить множество знаній, которыя, при всестороннемъ ихъ разсмотрѣніи, окажутся совершенно ложными. Время отъ времени въ эту массу ложныхъ или вѣрныхъ, но мелочныхъ фактовъ врываются могучіе умы, внося синтетическое начало въ это неограниченное правленіе анализа. И это синтетическое начало представляетъ собою отраженіе простого сотрудничества между науками и индивидуальной цѣлостности дѣятеля науки; истины различныхъ наукъ группируются при этомъ не какъ однородные члены разнороднаго цѣлаго, а наоборотъ. Наука дѣлаетъ гигантскій шагъ, подобравъ сразу весь пригодный сырой матеріаль, а остальную часть его выбрасываетъ, какъ совершенно негодную. Однако, иногда и на самихъ представителяхъ синтетическаго начала отражаются послѣдствія коренныхъ общественныхъ дифференцированій. Вырвавшись изъ эксцентрическаго періода, съ одной стороны, они еще глубоко сидятъ въ невѣ, съ другой. Опытъ и наблюденіе еще не вытѣснили изъ нихъ вѣры въ безконтрольную силу чистой мысли. Отсюда опять метафизическія стремленія уловить сущность вещей, ихъ конечныя причины, отсюда метафизическія понятія

природы, боящейся пустоты, зоогена, жизненной силы, жизненных духовъ и т. п.

Наконецъ, въ области теоретическихъ вопросовъ, исторія снова выдвигаетъ человѣка центромъ вселенной. Позитивизму принадлежитъ честь объединенія и обобщенія этого стремленія. Опять человѣкъ становится мѣриломъ вещей, но на этотъ разъ уже сознательно. Дуализмъ опять смѣняется унизомомъ. Границы науки совпадаютъ съ границами человѣка, какъ существа цѣльнаго и единого. Мысль вводится въ свои законныя границы. Человѣкъ можетъ познавать только явленія и тѣ постоянныя отношенія, въ которыя они становятся другъ къ другу. Сущность вещей — вѣчная тьма. Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина для человѣка, и, за предѣлами человѣческой природы — нѣтъ истины для человѣка. Положенія эти выработывались вѣками. Но въ курсѣ философіи Конта имъ подведенъ полный итогъ, къ которому мы и отсылаемъ читателя. Послѣ борьбы съ метафизикой читатель найдетъ тамъ и борьбу съ излишней спеціализаціей знаній, но эта часть трактата едва-ли удовлетворитъ его въ такой же мѣрѣ. Здѣсь разсыпаны, однако, зачатки золотыхъ мыслей, цѣнность которыхъ уменьшается только кореннымъ недостаткомъ Контовой системы — устраненіемъ субъективнаго метода изъ области вопросовъ социологіи, этики и политики. Позитивизмъ сдѣлалъ до сихъ поръ полдѣла, — установилъ законность человѣческой точки зрѣнія на явленія природы, а человѣческая точка зрѣнія есть здѣсь точка зрѣнія человѣка мыслящаго и ощущающаго, т. е. цѣлостнаго недѣлимаго, обладающаго всею суммою органовъ и всею суммою отправленій, свойственныхъ организму человѣка. Такимъ совмѣстнымъ участіемъ всѣхъ сторонъ индивидуальности получается истина, не абсолютная, а истина для человѣка. Та же точка зрѣнія должна быть приложена и къ рѣшенію практическихъ вопросовъ, но этой половины великаго дѣла позитивизмъ совершить не можетъ, потому что тутъ ему пришлось бы ввести субъективный методъ даже въ постановку чисто теоретическихъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ объективной точки зрѣнія, всѣ

истины равны. Выборъ между истинами, т. е. отдѣленіе истинъ полезныхъ отъ бесполезныхъ, нужныхъ отъ ненужныхъ, обязательныхъ отъ необязательныхъ, — это дѣло очевидно субъективнаго метода. Тѣмъ справедливѣе это для практическихъ приложений добытыхъ истинъ. Относительно этихъ пунктовъ могутъ выдти разногласія, объективнымъ методомъ неустранимыя, вслѣдствіе чего позитивизму приходится быть пассивнымъ зрителемъ этихъ столкновений, не принимая въ нихъ никакого участія. Въ Позитивной Политикѣ Контъ отвергнута отказался отъ этой пассивной роли и, при помощи субъективнаго метода, попытался перекинуть мостъ отъ науки къ жизни. Мостъ вышелъ непрочный, но это отнюдь не значитъ, что можно обойтись совсѣмъ безъ моста. До какой степени Контъ и въ своемъ курсѣ философіи былъ близокъ къ тому, чтобы ввести въ свою систему человѣка, какъ *цѣлостное недѣлимое*, центромъ не только теоретическихъ, а и практическихъ вопросовъ, т. е. связать научнымъ образомъ вопросы о теоретической истинѣ съ вопросами о практическомъ благѣ, и до какой степени ему тѣсно было въ путахъ объективнаго метода въ социологіи, — это видно изъ слѣдующихъ его словъ, которыя я боюсь испортить переводомъ:

„Chez la classe speculative l'élévation de l'âme et la générosité des sentiments peuvent difficilement se développer sans la généralité des pensées, d'après l'affinité naturelle qui *doit* y exister entre les vues étroites ou dispersives et les penchants égoïstes“ (t. VI, 387).

„L'intime dégénération, indiquée par de tels symptômes confirme l'état purement provisoire d'une classe spéculative où l'actif sentiment du devoir a dû s'affaiblir au même degré que le véritable esprit d'ensemble, et chez laquelle on remarque, en effet, aujourd'hui, encore plus que partout ailleurs, une systematique prépondérance de la morale métaphysique fondée sur l'intérêt personnel. Bientôt, peut être, la science elle même en sera profondément atteinte, soit parce qu'une trop avide concurrence menace y déterminer, chez des natures trop inférieurs, une altération

volontaire de la vérocité des observations, soit à cause de la surexcitation qu'une cupidité croissante est exposée à y recevoir des relations plus directes et plus actives entre les spéculations scientifiques et les opérations industrielles" (VI, 393).

Эта невозможность высокого нравственнаго уровня при отсутствіи общихъ взглядовъ на явленія природы; это „естественное сродство, которое *должно* существовать между узкими и односторонними научными воззрѣніями, съ одной стороны, и эгоистическими наклонностями, съ другой“; это „ослабленіе чувства долга параллельно ослабленію цѣлостности міросозерцанія“—угаданы великимъ мыслителемъ совершенно независимо отъ его философской системы. Система эта не даетъ отвѣта на вопросъ: почему же между научною односторонностью и узкимъ эгоизмомъ должно существовать сродство? Что между ними общаго? Далѣе, не суть ли всѣ эти Клаэсы позитивисты, такъ-какъ они могутъ самымъ позитивнымъ образомъ изучать законы послѣдовательности и сосуществованія явленій? Гдѣ же въ системѣ позитивизма тотъ пунктъ, съ котораго дѣятельность Клаэсовъ достойна порицанія? Правда, позитивизмъ и съ объективной точки зрѣнія можетъ требовать нѣкоторой научной цѣлостности, такъ-какъ классификація наукъ Конта указываетъ, что каждая наука можетъ быть только тогда рационально разрабатываема, когда усвоены истины всѣхъ предыдущихъ наукъ ряда. Но, во первыхъ, если специалистъ нарушаетъ это условіе и приходитъ къ важнымъ заключеніямъ, то позитивизмъ только и можетъ сказать, что это заключенія ложныя, но отнюдь не можетъ связать это обвиненіе съ нравственной оцѣнкой. Во вторыхъ, если мы возьмемъ одну изъ низшихъ наукъ, то, по классификаціи Конта, для механика достаточно математическихъ познаній, для физика—математическихъ и механическихъ, для химика—математическихъ, механическихъ и физическихъ. Каждый изъ нихъ можетъ такимъ образомъ удовлетворять рациональнымъ требованіямъ позитивизма, но оставаться въ то же время Клаэсомъ, узкимъ специалистомъ и эгоистомъ. И какъ

ни клеймить ихъ Контъ за этотъ эгоизмъ, ему приходится влючать ихъ въ число позитивистовъ.

Мы вполне сознаемъ всю неудовлетворительность, неполноту и, быть можетъ, неясность нашего предъидущаго изложениа. Сознаніе это не доставляетъ намъ, разумѣется, никакого удовольствія. Мы хотѣли сказать нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи объективнаго метода въ соціологіи и для этого намѣрены были сдѣлать „небольшое, а можетъ быть и довольно длинное отступленіе“ отъ Спенсера. Отступленіе вышло и слишкомъ длинно и слишкомъ коротко, такъ-какъ намъ приходилось чуть не бѣгомъ бѣжать, а объ объективномъ методѣ въ соціологіи мы все-таки сказали мало. Въ слѣдующей статьѣ мы надѣемся поправить дѣло. Однако, и здѣсь мы не совершенно удалились отъ Спенсера, потому что имѣли случай прослѣдить нѣкоторыя послѣдствія осуществленія принципа раздѣленія труда и общественныхъ дифференцированій; далѣе, говоря о Контѣ, мы все-таки были вблизи отъ Спенсера, потому что оба они настаиваютъ на законности объективнаго метода въ соціологіи и оба могутъ считаться представителями позитивизма, хотя Спенсеръ не ставитъ себя, да и не можетъ быть поставленъ въ число учениковъ Конта, и хотя послѣдній двумя головами выше перваго. Во всякомъ случаѣ, мы были бы вполне счастливы, еслибы читатель убѣдился пока въ слѣдующемъ: метафизика, т.-е. стремленіе къ уразумѣнію сущности вещей и абсолютному знанію, и крайняя спеціализація, которая, какъ говоритъ Фаустъ о Вагнерѣ, *froh ist, wenn sie Regenwürmer findet*, — имѣютъ одну общую причину, которая не видна съ точки зрѣнія, принятой Контомъ, и потому ему, скрѣпя сердце, приходится ставить ихъ въ различные отдѣлы своей объективной классификаціи. Общая причина этихъ двухъ, повидимому, крайнихъ противоположностей заключается въ томъ самомъ, что Спенсеръ съ объективной точки зрѣнія признаетъ соціальнымъ прогрессомъ — въ дифференцированіяхъ общества и въ томъ разладѣ, который вносится въ индивидуальную и соціальную жизнь направлениемъ коопераціи по типу раздѣльнаго труда. И метафизика и

спеціалізація знаній суть результати нарушенія цѣлостности недѣлимыхъ и безконечнаго раздробленія человѣческихъ цѣлей и интересовъ. И та и другая возможны только въ эксцентрическомъ періодѣ соціального развитія.

Третій великій результатъ нарушенія индивидуальной цѣлостности и гармоніи отправленій есть объективный методъ въ соціологіи; имъ мы окончательно займемся въ слѣдующей статьѣ.

Бѣглость и неполнота нашего очерка могутъ поселить между нами и читателемъ нѣкоторыя взаимныя непониманія по многимъ пунктамъ. Современемъ мы надѣемся совершенно устранить это обстоятельство, но и теперь намъ хочется остановиться на одномъ изъ такихъ пунктовъ. Читатель замѣтилъ, разумѣется, что мы не особенно расположены къ эксцентрическому періоду общественнаго развитія. На пути къ счастью, человечеству остается пройти еще однѣ великія историческія ворота, надъ которыми стоитъ надпись: человѣкъ для человѣка, все для человечества. За объективно-антропоцентрическимъ періодомъ отсутствія коопераціи и слабыхъ зачатковъ простаго сотрудничества, за эксцентрическимъ періодомъ преобладанія раздѣленія труда, слѣдуетъ субъективно-антропоцентрической періодъ господства простаго сотрудничества. Нѣкоторыя стороны человѣческой жизни уже вступаютъ въ этотъ періодъ; такъ позитивизмъ ввелъ въ него теоретическія отношенія человѣка къ природѣ. Поэтому, не маскируясь объективностью, мы откровенно сознаемся, что желаемъ скорѣйшаго окончанія эксцентрическаго періода, который не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, той розовой окраски, какую налагаетъ на него Спенсеръ. Но не значитъ ли это обругать вѣковую исторію? Не даль ли намъ именно этотъ процессъ исторіи науку, искусства, промышленность? Конечно, даль. Но нѣкоторая часть всего этого добыта простымъ сотрудничествомъ, а остальное куплено и покупается, можетъ быть, слишкомъ дорогою цѣною. Будущій историкъ напишетъ прихода-расходную книгу цивилизаціи и сведетъ эти счета.

И такъ, мы не принадлежимъ къ числу хвалителей эксцен-

трическаго періода, а выше мы говорили, что, между прочимъ, въ этотъ періодъ произошло распадѣніе знанія теоретическаго и прикладнаго, что наука перестала здѣсь служить практическимъ цѣлямъ. Изъ этого читатель, пожалуй, можетъ вывести, что мы считаемъ наиболѣе важнымъ въ настоящее время собственно техническія знанія. Есть узколобые утилитаристы, проповѣдующіе подобныя вещи, но мы не имѣемъ съ этими Бекончиками ничего общаго. Ружья Шаспо, пушки Армстронга, мониторы — тоже вѣдь результаты пракческаго примѣненія знаній. Инженеры, механики, техники, практическіе химики, металлурги — все это народъ несомнѣнно полезный. Но для опредѣленія ихъ истиннаго общественнаго значенія въ каждомъ частномъ случаѣ, слѣдуетъ помнить, что трудами ихъ могутъ воспользоваться тѣ, кто можетъ оплатить ихъ. Это значително усложняетъ вопросъ. Имѣйте только въ виду, что благо чело-вѣка есть его цѣлостность, гармонія отправления, то-есть раз-нородность недѣлимыхъ и общественная однородность, что истина для чело-вѣка лежитъ въ тѣхъ же предѣлахъ индивидуальной цѣлостности; имѣйте это въ виду и беритесь за какую угодно работу: вы не возрадуетесь, когда найдете Regenwürmer, не будете скорбѣть о невозможности созерцать чистую истину и сущность вещей, и не изобрѣтете казого-нибудь новаго иголь-чатаго ружья.

УІІІ.

Какъ мы уже говорили, Спенсеръ, опредѣливъ прогрессъ, какъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному, отъ общаго къ частному, длиннымъ рядомъ дифференцированій или разчлененій, находить даже нужнымъ сдѣлать къ этому опредѣленію нѣкоторыя поправки и дополненія. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

„Что существуютъ переходы отъ менѣе разнороднаго къ болѣе разнородному, не подходящіе подъ то, что мы называемъ развитіемъ, — говоритъ Спенсеръ — это доказывается каждымъ

случаемъ мѣстной болѣзни. Часть тѣла, въ которой возникаетъ тотъ или другой болѣзненный наростъ, безспорно представляетъ новое дифференцированіе. Будетъ ли или нѣтъ этотъ болѣзненный наростъ болѣе разнороденъ, нежели ткани, въ которыхъ онъ является—не въ этомъ дѣло. Вопросъ въ томъ—становится ли строеніе организма, взятое въ цѣломъ, болѣе разнороднымъ вслѣдствіе присоединенія къ нему части, непохожей ни по формѣ, ни по составу своему, ни на одну изъ прежнихъ? И на этотъ вопросъ возможенъ только утвердительный отвѣтъ“ (Основныя начала, вып. VII, 188). Однако, этотъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному Спенсеръ не считаетъ возможнымъ признать развитіемъ. Далѣе онъ находитъ, что и первые моменты разложенія мертваго тѣла представляютъ усложненіе, увеличеніе разнородности. „Хотя конечнымъ результатомъ будетъ бѣлая однородность, но непосредственный результатъ противоположенъ. Однако, этотъ непосредственный результатъ отнюдь не представляетъ развитія“. „Но изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ, продолжаетъ Спенсеръ, самые неоспоримые представляются общественными беспорядками и переворотами. Если въ какой нибудь націи возникаетъ возмущеніе, оставляя извѣстныя области непо тревоженными, развивается здѣсь въ тайныя общества, тамъ въ публичныя демонстраціи, а въ иныхъ мѣстахъ въ призывъ къ оружію, приводящій къ столкновенію и кровопролитію,—то нельзя не согласиться, что это общество, разсматриваемое въ цѣломъ, стало болѣе разнороднымъ. Ясно, однако, что такія измѣненія не только не составляютъ дальнѣйшей ступени развитія, но напротивъ представляютъ собою шаги къ разложенію“.

Однако, почему же это ясно? Есть, конечно, точки зрѣнія, съ которыхъ вся совокупность описанныхъ Спенсеромъ явленій признается шагомъ къ разложенію; есть другія точки зрѣнія, съ которыхъ на рядъ подобныхъ явленій смотрятъ какъ на шаги къ развитію, или къ разложенію, смотря по тому, во имя чего происходятъ столкновенія и кровопролитіе; наконецъ, какова бы ни была цѣль всего движенія, кровопролитіе со всѣхъ возмож-

ныхъ точекъ зрѣнія признается явленіемъ печальнымъ. Но всѣ эти точки зрѣнія субъективны. Всѣ они рассматриваютъ и оцѣниваютъ явленія въ связи съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ понятіемъ о человѣческомъ счастьи. Описанныя Спенсеромъ явленія они признаютъ шагами къ развитію или къ разложенію, явленіями прогрессивными или регрессивными только по тому понятію, которое они составили себѣ о человѣческомъ благоденствіи и о путяхъ къ достиженію его. Еслибы, на примѣръ, намъ пришлось отвѣчать на заданный себѣ Спенсеромъ вопросъ: находится ли нація, въ которой существуютъ въ данную минуту тайныя общества, публичныя демонстраціи, вооруженныя столкновенія и проч., на пути къ разложенію, или, наоборотъ, на пути къ дальнѣйшему развитію?—еслибы намъ пришлось отвѣчать на этотъ вопросъ, то мы очутились бы въ большомъ затрудненіи. Мы нашли бы вопросъ по малой мѣрѣ очень страннымъ. Мы пожелаемъ бы узнать, о какихъ именно событіяхъ идетъ рѣчь, во имя чего собираются тайныя общества, устраиваются публичныя демонстраціи и т. д. и какую вѣроятность успѣха имѣетъ все это движеніе. Агитація, подготовившая Итальянское королевство, позднѣйшая агитація оставшихся за штатомъ итальянскихъ Бурбоновъ; агитація, низвергшая Изабеллу испанскую, агитація изабелистовъ и карлистовъ, агитація испанскихъ республиканцевъ-федералистовъ, — всѣ онѣ могутъ выражаться въ однѣхъ и тѣхъ же общихъ формахъ тайныхъ обществъ, публичныхъ демонстрацій, вооруженныхъ столкновеній, и, тѣмъ не менѣе, представлять явленія, радикально различныя по своему смыслу и результатамъ. Получивъ на счетъ этого смысла движенія и ожидаемыхъ его результатовъ нужныя свѣдѣнія, мы можемъ признать его явленіемъ прогрессивнымъ, или регрессивнымъ, смотря по тому, способствуетъ ли оно приближенію общества къ нашему идеалу счастья и совершенства, или же загораживаетъ ему эту дорогу. Мы, на примѣръ, полагаемъ, что счастье заключается въ индивидуальной цѣлостности, т.-е. въ индивидуальной разнородности и общественной однородности. Къ этому критерию мы и обращаемся для оцѣнки даннаго политическаго

движенія. И такъ поступаетъ всякій. Разница только въ качествахъ критерія. Но Спенсеръ совершенно устраняетъ вопросъ о человѣческомъ счастіи. Онъ общался „проанализировать различные классы измѣненій, обыкновенно признаваемыхъ прогрессомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе классы, которые сходны съ ними, но прогрессомъ не считаются“; при этомъ онъ хотѣлъ рассмотреть, „въ чемъ состоитъ ихъ существенная особенность, т.-е. какова ихъ существенная природа, независимо отъ отношеній къ нашему благоденствію“. Эта объективная точка зрѣнія привела его къ убѣжденію, что прогрессъ есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному. И тѣмъ не менѣе, дойдя до извѣстнаго явленія, представляющаго именно такой переходъ, онъ отказывается признать его явленіемъ прогрессивнымъ и не объясняетъ даже причинъ, побуждающихъ его къ такому уклоненію отъ имъ самимъ найденной объективной нормы прогресса. Собственныя его слова могутъ быть сгруппированы такимъ образомъ: „разсматривая тѣ классы измѣненій, которые считаются прогрессомъ, а равно и другіе, которые сходны съ ними, но прогрессомъ не считаются, мы находимъ, что прогрессъ есть переходъ отъ одонороднаго къ разнородному. Данное явленіе представляетъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, но мы его не считаемъ прогрессивнымъ“. Но съ какой-же это стати? почему? И откуда этотъ аксіоматическій тонъ? Если Спенсеръ обращается здѣсь къ простому здравому смыслу, то, во первыхъ, здравый смыслъ несомнѣнно откажется подтвердить его положеніе, а, во вторыхъ, дѣло было именно въ томъ, чтобы оставить простой здравый смыслъ въ сторонѣ. Ясно, что Спенсеръ не могъ удержаться на высотѣ объективнаго метода и, въ противность своему общанію, придерживается извѣстныхъ субъективныхъ воззрѣній на прогрессъ, вноситъ въ свои разсужденія нѣкоторую телеологію; имѣетъ свой идеаль обществственныхъ отношеній, по мѣркѣ котораго выкроены и общіе взгляды его на социальный прогрессъ. Онъ, однимъ словомъ, приступаетъ къ изслѣдованію прогресса съ предвзятымъ мнѣніемъ. То же самое относится и къ двумъ другимъ его примѣрамъ не

прогрессивнаго перехода отъ однороднаго къ разнородному. Болѣзненный наростъ, безусловно способствующій усложненію организма, едва-ли кто нибудь рѣшится назвать явленіемъ прогрессивнымъ. Но къ этому инстинктивному голосу простаго здраваго смысла Спенсеръ не имѣетъ никакого права прислушиваться, такъ-какъ онъ заранѣе поставилъ себя въ независимость отъ подобныхъ рѣшеній. Онъ объявилъ, что будетъ разсматривать всякія измѣненія, независимо отъ того, признаются они большинствомъ за измѣненія прогрессивныя или не признаются. Основанія, по которымъ нието не рѣшится назвать болѣзненный наростъ шагомъ къ дальнѣйшему развитію, очень просты, но они очевидно вяжутся съ нѣкоторою телеологіей, они лежатъ въ понятіи о благоденствіи человѣка, а Спенсеръ считаетъ такую постановку вопроса нераціональною и недостаточно свободною. Если онъ такимъ образомъ становится въ противорѣчіе какъ со своимъ объективнымъ методомъ, такъ и съ добытою имъ формулою прогресса, то это опять-таки значитъ, что и въ этомъ случаѣ имъ руководитъ нѣкоторое предвзятое мнѣніе. Мы уже говорили, что присутствіе предвзятаго мнѣнія, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, при всякомъ наблюденіи и изслѣдованіи вообще неизбежно и что все дѣло состоитъ только въ достоинствѣ этого предвзятаго мнѣнія. Въ случаѣ его истинности можно ожидать и вѣрнаго изслѣдованія, и наоборотъ. Къ тому, что мы сказали объ этомъ въ первой статьѣ, мы прибавимъ здѣсь взглядъ Кюпта на значеніе предвзятаго мнѣнія. Фактовъ, говоритъ Кюптъ, нельзя изучать безъ помощи теоріи, хотя бы въ видѣ временной гипотезы. Это не только неудобно, но просто невысказуемо, невозможно; хотя ранняя, скороспѣлая, еще недостаточно прѣренная теорія, пока она не повѣрена, представляетъ многія опасности и поводы къ ошибкамъ. Съ этимъ, однако, поневоля приходится примириться. „Если видѣть въ этой опасности достаточный мотивъ для возстановленія преобладанія такъ-называемаго эмпиризма, то на дѣлѣ устраненіе этой опасности повело бы только къ замѣнѣ руководства болѣе или менѣе раціо-

нальных, но всегда поправимых теорій вліаніемъ чисто метафизическихъ докторинъ; потому что *совершенное устраненіе какаго бы то ни было руководящаго взгляда есть химера*“ (Cours de phil. positive. IV, 304). Здѣсь рѣчь идетъ собственно о законности гипотезъ, которыя суть предвзятыя мнѣнія, сознательно, условно и временно выдвигаемыя для какихъ-нибудь опредѣленныхъ цѣлей. Но подчеркнутыя нами слова выражаютъ именно то, что мы говоримъ о неизбѣжности предвзятыхъ мнѣній.

Есть, какъ извѣстно, нѣсколько группъ мыслителей, которые расходятся между собою во многихъ отношеніяхъ, но согласны по крайней-мѣрѣ въ одномъ общемъ положеніи,—въ томъ, что человѣкъ родится съ нѣкоторыми готовыми истинами. Къ числу такихъ, безъ труда приобрѣтенныхъ, и даже не приобрѣтенныхъ, а присущихъ духу человѣка, врожденныхъ истинъ принадлежатъ общія нравственныя идеи и нѣкоторыя возрѣнія на окружающій вещественный міръ. Изъ всѣхъ этихъ истинъ упорнѣе всего держались и удачнѣе всего защищались математическія аксіомы. Это по истинѣ флосософская крѣпость идеализма, какъ называетъ аксіомы Тэнъ. Однако, крѣпость эту можно теперь считать взятою приступомъ. Самыя аксіомы оказываются результатами опыта и наблюденія, и если онѣ и могутъ казаться прирожденными человѣческому духу, то только по своей крайней простотѣ и общности. Явленія и ихъ взаимныя отношенія, выражаемыя аксіомами, до такой степени несложны и до такой степени часто повторяются въ природѣ, что человѣкъ и не замѣчаетъ тѣхъ ежедневныхъ, ежечасныхъ, ежеминутныхъ опытовъ и наблюденій, которые постепенно убѣждаютъ его, что цѣлое больше части, что если къ двумъ равнымъ величинамъ прибавить по равной величинѣ, то суммы будутъ равны и т. д. Такъ что, вполнѣдствіи, будучи представлена человѣку въ своемъ отвлеченномъ отъ конкретной обстановки видѣ, аксіома кажется ему нетребующею опытно-наблюдательнаго подтвержденія. Въ сущности же она есть не болѣе, какъ обобщеніе едничныхъ, разбросанныхъ представленій и ощущеній, съ самаго дня рожденія залегавшихъ въ его памяти. Такихъ

же путемъ сознательнаго или безсознательнаго опыта получаютъ наши знанія и о предметахъ болѣе сложныхъ. Ни внѣ насъ, ни внутри насъ мы не можемъ признать существованія какихъ либо особыхъ дѣятелей, дающихъ намъ, помимо опыта, готовые рѣшенія насчетъ нашихъ отношеній въ природѣ и къ другимъ людямъ. Человѣкъ рождается, имѣя только орудія для пріобрѣтенія знаній и оцѣнки явленій вообще и не принося съ собою на свѣтъ никакихъ готовыхъ истинъ. Все наше психическое содержаніе безъ остатка, т.-е. всѣ наши мысли, знанія — будутъ ли они истинны или ложны, всѣ наши желанія и чувства — будутъ ли они хороши или дурны, — обязаны своимъ происхожденіемъ опыту. Было бы, однако, ошибочно думать, что вся сумма знаній, чувствъ и желаній каждаго человѣка дана его личнымъ опытомъ. Опытъ предковъ, безъ сомнѣнія, производитъ въ цѣломъ ряду поколѣній болѣе или менѣе глубокія измѣненія въ нервной системѣ, такъ что мозгъ новорожденнаго ребенка не есть *tabula rasa*. Однако, поскольку человѣкъ можетъ прослѣдить генезисъ своихъ инстинктовъ и всего своего психическаго содержанія, оно въ началѣ все-таки опредѣляется опытомъ. Иначе говоря, содержаніе нашего я есть всегда исключительно эмпирическое. Содержаніе это можетъ постоянно измѣняться, но въ каждую данную минуту человѣкъ отрѣшиться отъ него не можетъ. Поэтому представленія и ощущенія, получаемыя нами въ данную минуту отъ давняго явленія, самымъ существеннымъ образомъ опредѣляются тѣмъ порядкомъ, въ которомъ расположились въ нашемъ психическомъ строѣ прежде накопленные опыты и наблюденія. Совокупность этихъ предъидущихъ данныхъ опыта, сгруппированныхъ тѣмъ или другимъ образомъ, составляетъ предвзятое мнѣніе. Ребенокъ, привлеченный блестящимъ видомъ нагрѣтаго самовара, дотрогивается до него рукой и обжигается. Онъ узнаетъ, что самоваръ жжется, что, въ переводѣ на болѣе точный языкъ, значить: нагрѣтый самоваръ, придя въ соприкосновеніе съ человѣческимъ тѣломъ, производитъ въ немъ ощущеніе жара, которое, будучи усилено, становится болѣзненнымъ. Но такое

отчетливое представлѣніе своихъ отношеній къ самовару возможно для ребенка только гораздо позже. Сначала у него остается въ памяти только тотъ фактъ, что блестящее тѣло извѣстной формы (которую онъ запомнилъ вѣроятно только приблизительно) жжется. Это сырое, неотдѣланное, изолированное представлѣніе служить ему уже нѣкоторымъ руководителемъ въ его несложной жизни. Увидя на другой, на третій день блестящую поверхность, сходную съ поверхностью самовара, или тотъ же самоваръ, ребенокъ смотритъ на него уже съ тѣмъ предвзятымъ мнѣніемъ, что онъ жжется. Воображеніе и память комбинируютъ для него опытъ прошедшаго съ новымъ или только повторяющимся явленіемъ. Но группировка ощущеній, составляющая его предвзятое мнѣніе, оказывается неудовлетворительною и потому приводитъ его къ ряду ошибокъ. Рядъ дальнѣйшихъ вольныхъ или невольныхъ опытовъ и наблюденій убѣждаетъ его, наконецъ, задолго до раціональной теоретической группировки соотносящихся фактовъ, что не всякая блестящая поверхность жжется, что и самый самоваръ жжется только когда онъ нагрѣтъ, что для полученія ощущенія боли надо держать палецъ у самовара извѣстное время и т. д. Здѣсь мы имѣемъ явленіе опять-таки очень простое и потому ступени ложныхъ предвзятыхъ мнѣній пробѣгаются тутъ весьма быстро. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы даже въ такихъ несложныхъ вещахъ предвзятое мнѣніе не могло существеннымъ образомъ измѣнить значеніе непосредственнаго свидѣтельства чувствъ. Мнѣ самому случилось видѣть—и вѣроятно всякій припомнитъ аналогичные факты—какъ ребенокъ, дотронувшись до холоднаго металлическаго кофейника, заплакалъ и показывалъ на свой палецъ, какъ на обожженный. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, которыхъ въ особенности много можетъ привести исторія предразсудковъ и суевѣрій, ложное предвзятое мнѣніе, построенное на ошибочно или односторонне обобщенныхъ представленіяхъ и ощущеніяхъ, совершенно парализируетъ и извращаетъ непосредственное воспріятіе; говоря психологическимъ языкомъ,—апперцепція перевѣшиваетъ перцепцію. Для уясненія значенія

апперцепціоннаго процесса каждый может сдѣлать слѣдующій простой опытъ. Посмотрите съ извѣстнаго разстоянія, напри- мѣръ, на вывѣску хоть мелочной лавочки. Вы увидите болѣе или менѣе ясныя очертанія плодовъ, сахарныхъ головъ, пече- ныхъ хлѣбовъ и т. д. Положимъ, что, при силѣ вашего зрѣнія, и съ того мѣста, гдѣ вы находитесь, вы можете разглядѣть на вывѣскѣ яблоко, пару грушъ и еще что-то круглое, но для васъ не совсѣмъ ясное. Вы берете зрительную трубку, и, при помощи ея, усматриваете, что это нѣчто неясное изображаетъ виноградную кисть. Вы оставляете трубку, смотрите на вывѣс- ку опять простыми глазами и на этотъ разъ можете уже раз- смотрѣть очертанія той самой виноградной кисти, которая за- нѣсколько минутъ передъ тѣмъ представлялась вамъ просто круглымъ пятномъ. Предшествующее впечатлѣніе, въ этомъ случаѣ полученное при помощи зрительной трубки, что разу- мѣется не обязательно, называется апперцепирующимъ. Перцеп- ція или непосредственное воспріятіе, полученное въ данную минуту, осложняется апперцепціей или тѣми впечатлѣніями, ко- торыя получены наблюдателемъ раньше. Вы разсмотрѣли во второй разъ простыми глазами виноградную кисть только пото- му, что предварительный опытъ приготовилъ васъ къ ея усмо- трѣнію, надѣлилъ васъ предвзятымъ мнѣніемъ, безъ котораго вы и во второй и въ третій разъ виноградной кисти не раз- глядѣли бы. Въ этомъ опытѣ съ вывѣской мы, такъ сказать, уединяемъ апперцепцію и потомувліяніе ея становится очевиднымъ. Но, собственно говоря, всякое наблюденіе и всякій психическій процессъ состоитъ въ неизбѣжно совокупномъ дѣйствиі перцепціи и апперцепціи, и вторженіе послѣдней можетъ совершенно извра- тить свидѣтельство чувствъ. По непривычкѣ къ самонаблуде- нію, мы обыкновенно не замѣчаемъ подобныхъ фактовъ, потому что либо апперцепція дѣйствительно совпадаетъ съ перцепціей, либо первая совершенно заслоняетъ для нашего сознанія вторую, и въ такомъ случаѣ онѣ субъективно тождественны. Вторженіе апперцепціи можетъ происходить на очень разнообразныя лады и давать очень разнообразные результаты. Въ вышеприведен-

номъ примѣръ она только дополнила перцепцію и помогла увидѣть то, что дѣйствительно было. Но она можетъ и помѣшать увидѣть существующій фактъ, и освѣтить его невѣрнымъ свѣтомъ. Вы часто можете разсмотрѣть ту же виноградную кисть на вывѣскѣ мелочной лавочки съ такого разстоянія, съ какого не увидите предмета такихъ же размѣровъ, но вамъ менѣе знакомаго. Всѣ эти вывѣски рисуются на одинъ и тотъ же манеръ, впечатлѣнія вы отъ нихъ сотни разъ получали одни и тѣ же, и сумма ихъ составляетъ для васъ то предвзятое мнѣніе, въ силу котораго вы можете увидѣть виноградную кисть на очень отдаленномъ разстояніи. Но предположимъ, что на какой-нибудь вывѣскѣ живописецъ измѣнилъ рутинѣ и нарисовалъ вмѣсто обычной виноградной кисти ананасъ. Легко можетъ быть, что вы, даже на относительно близкомъ разстояніи, увидите не ананасъ, какъ должна бы была засвидѣтельствовать перцепція, а виноградную кисть, какъ вамъ подсказываетъ апперцепція. И вы будете утверждать, что вы видѣли виноградную кисть собственными глазами, и вы будете не совсѣмъ неправы. Въ первой статьѣ мы привели нѣсколько заимствованныхъ у Спенсера характерныхъ примѣровъ извращенія наблюденій ложными апперцепирующими представленіями. Происхожденіе этихъ представленій необходимо опытное, но лежащій въ основѣ ихъ опытъ можетъ быть не полонъ, одностороненъ, совсѣмъ невѣренъ, наконецъ, можетъ быть извращенъ болѣе ранними ложными апперцепціями. Но точно также апперцепція можетъ быть и совершенно безупречна. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, апперцепціонный процессъ неизбѣженъ. Онъ состоитъ, какъ видитъ читатель, въ томъ, что при всякомъ чувственномъ воспріятіи, въ нашемъ сознаніи особенно отчетливо поднимаются тѣ предъидущія впечатлѣнія, которыя имѣютъ съ даннымъ воспріятіемъ какое-нибудь сходство. Воображеніе и память комбинируютъ воспріятіе съ соответственными сторонами нашего уже установившагося эмпирическаго содержанія, и эта новая комбинація немедленно входитъ какъ одинъ изъ элементовъ въ психическое содержаніе. Все это располагается въ нашемъ психическомъ

строѣ въ извѣстномъ порядкѣ, который однако въ большинствѣ случаевъ представляетъ большой беспорядокъ, благодаря условіямъ современной жизни: собственный опытъ ранняго дѣтства, комбинируясь съ бабушкиными сказками, можетъ породить въ насъ такія чувства, слѣды которыхъ остаются и въ взросломъ человѣкѣ; сочетаніе болѣе поздняго опыта съ впечатлѣніями, полученными отъ чтенія какого-нибудь опредѣленнаго рода книгъ, можетъ дать начало новому слою побужденій и т. д. Поэтому въ этой сложной сѣти часто бываетъ весьма трудно добраться до первыхъ источниковъ какого-нибудь ошибочнаго воззрѣнія.

„Спросите — говорить Спенсеръ — любаго изъ передовыхъ нашихъ геологовъ и фізіологовъ (это писано еще до появленія книги Дарвина), вѣритъ ли онъ въ легендарное объясненіе сотворенія міра—онъ сочтетъ вашъ вопросъ за обиду. Онъ или вовсе отвергаетъ это повѣствованіе, или принимаетъ его въ какомъ-то неопредѣленномъ, неестественномъ смыслѣ. Между тѣмъ, одну часть этого повѣствованія онъ бессознательно принимаетъ, и принимаетъ даже слишкомъ буквально. Откуда онъ заимствовалъ понятіе объ „отдѣльности твореній“, которое считаетъ столь основательнымъ и за которое такъ мужественно сражается? Очевидно, онъ не можетъ указать никакого другого источника, кромѣ того міра, который отвергаетъ. Онъ не имѣетъ ни одного факта въ природѣ, который могъ бы привести въ подтвержденіе своей теоріи; у него не сложилось также и цѣпи отвлеченныхъ доктринъ, которая могла бы придать значеніе этой теоріи. Заставьте его откровенно высказаться, и онъ долженъ будетъ сознаться, что это понятіе было вложено въ его голову еще съ дѣтства, какъ часть тѣхъ рассказовъ, которые онъ считаетъ теперь нелѣпыми. Но почему, отвергая все остальное въ этихъ рассказахъ, онъ такъ ревностно защищаетъ послѣдній ихъ остатокъ, какъ будто почерпнутый имъ изъ какого-нибудь достовѣрнаго источника, — это онъ затруднится сказать“ (Т. I, Опытъ. „Гипотеза развитія“, 178). Въ этихъ случаяхъ въ области психическихъ явленій происходитъ своего рода атавизмъ: заглохнувшее относительно нѣкоторыхъ частныхъ пред-

ставленіе вдругъ встаетъ во всей силѣ и въ тайнѣ руководить наблюдателя, безъ вѣдома его сознанія. Наблюдатель вслѣдствіе этого видитъ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, не видитъ того, что встрѣчается на каждомъ шагу, придаетъ важное значеніе самымъ бѣднымъ доводамъ и не убѣждается таблицею умноженія. Противъ этого рода опасностей есть только одно средство: по возможности тщательно провѣрять свое эмпирическое содержаніе и отыскивать его источники. Если комбинація воспріятій, лежащихъ въ основу предвзятаго мнѣнія, признана и можетъ быть формулирована, она обращается въ теорію, допускающую критическое отношеніе къ себѣ. Теорія эта можетъ, безъ сомнѣнія, также служить источникомъ ложныхъ апперцепирующихъ представленій, какъ, на примѣръ, въ случаѣ двухъ микроскопистовъ, придерживающихся различныхъ теорій и вслѣдствіе этого видящихъ подъ однимъ и тѣмъ же микроскопомъ, въ одномъ и томъ же явленіи, различныя вещи. Въ этомъ случаѣ каждый изъ наблюдателей видитъ только то, что желаетъ видѣть, чего онъ ищетъ, и не видитъ того, чего не ищетъ. Оба ссылаются на свои непосредственныя впечатлѣнія и потому взаимная повѣрка обѣихъ теорій прямымъ наблюденіемъ весьма затруднительна. Но за то здѣсь остается другой путь къ повѣркѣ. Такъ какъ теорія составляетъ рядъ сознательныхъ обобщеній отдѣльныхъ фактовъ и вся эта цѣль наблюденій и обобщеній, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, находится у всѣхъ на виду, то всякій можетъ вернуться къ самымъ источникамъ теоріи. Такимъ образомъ, кромѣ вопроса: что видитъ микроскопистъ въ данномъ явленіи? чего онъ въ немъ ищетъ?—кромѣ этого вопроса можетъ быть заданъ иной, а именно: имѣетъ ли микроскопистъ логическое и научное право искать именно этого, а не чего либо другаго. Другими словами, оправдывается ли его теорія фактами, уже прочно стоящими въ наукѣ? Если такое оправданіе существуетъ, то можно думать, что наблюденіе, сдѣланное подъ вліяніемъ соответствующей теоріи, вѣрно.—Если же нѣтъ, то теорія получаетъ права и обязанности гипотезы въ ожиданіи полученія

инымъ путемъ такихъ научныхъ данныхъ, которыя либо подтверждаютъ, либо уничтожаютъ гипотезу. Совсѣмъ иное дѣло бываетъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, несознаннымъ, состоящимъ изъ невѣдомаго самому изслѣдователю сочетанія воспріятій, невылившимся въ ясную для него самага формулу. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ говоритъ, что онъ приступаетъ къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія. Но хотя въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ такое выраженіе имѣетъ нѣкоторый достаточно опредѣленный смыслъ. однако, строго говоря, этотъ человѣкъ, заявляющій о своемъ безусловномъ безпристрастїи, говоритъ неправду. Утвержденіе его отнюдь не значитъ, чтобы онъ могъ дѣйствительно отрѣшиться отъ готовыхъ уже въ его головѣ обобщеній. Оно въ лучшемъ случаѣ означаетъ только, что обобщенія эти образуютъ цѣпь, для него самага неясную (въ худшемъ оно показываетъ, что человѣкъ собираетъ просто намѣренно извратить истину). И потому здѣсь несравненно труднѣе убѣдиться въ ошибочности своего воззрѣнія и отнестись къ нему критически; здѣсь приходится имѣть дѣло съ невидимыми и неизвѣстными врагами, которые, однако, неуклонно слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ и даютъ себя чувствовать тамъ, гдѣ вы ихъ всего менѣе можете ожидать. Отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія столь же трудно, какъ, на примѣръ, вывернуться на изнанку. Можно только замѣнить одно содержаніе другимъ, для чего первое должно быть приведено въ совершенную ясность и должны быть тщательно выслѣжены тѣ пути, которыми человѣкъ дошелъ до такихъ-то именно воззрѣній. А это невозможно, если человѣкъ придаетъ строгое значеніе всему общаваію приступить къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, ибо это значитъ, что человѣкъ не знаетъ, что дѣлается въ его головѣ. Современный филологъ можетъ съ изумленіемъ остановиться на томъ фактѣ, что древніе римляне называли германскія племена варварами и считали ихъ совершенно особою, низшею порокою людей, „тогда какъ между языкомъ Цезаря и языкомъ

варваровъ, противъ которыхъ онъ воевалъ въ Галліи и Германіи, было столько же сходства, какъ между его языкомъ и языкомъ Гомера“ (Максъ Мюллеръ. Лекціи по наукѣ о языкѣ и проч. Спб. 1865. Стр. 91). „Мужъ съ остроуміемъ Цезаря—прибавляетъ Максъ Мюллеръ—непремѣнно замѣтилъ бы это, еслибы не былъ ослѣпленъ традиціонною фразеологіей“. Далѣе, приведя въ примѣръ спряженіе глагола *имѣть* въ латинскомъ и готскомъ языкахъ, знаменитый лингвистъ говоритъ: „Для того, чтобы не замѣтить такого сходства, требуется въ самомъ дѣлѣ порядочная доля слѣпоты, или лучше, глухоты, и причиною такой слѣпоты или глухоты было, я думаю, единственно слово *варваръ*“ (92). Дѣло въ томъ, что римляне, бывшіе въ глазахъ грековъ въ свое время сами варварами, получивъ отъ нихъ это готовое выраженіе, приложили его ко всѣмъ народамъ, за исключеніемъ себя и своихъ цивилизаторовъ—грековъ. Ни съ какимъ опредѣленнымъ смысломъ выраженіе это не связывалось, никакого опредѣленнаго, яснаго содержанія не имѣло, кромѣ чисто отрицательнаго: не римляне, не греки. Въ пору малаго знакомства грековъ съ другими народами, слово „варваръ“ имѣло нѣкоторый историческій смыслъ. Греческое ухо, недостаточно развитое опытомъ въ этомъ направленіи, не умѣло различать звуки чуждыхъ языковъ, хотя, надо замѣтить, греки различали варварогласныхъ, т.е. худо говорящихъ погречески, и собственно варваровъ. Такимъ образомъ, противопоставленіе варваровъ грекамъ было слѣдствіемъ недостаточности опыта, а не причиною его. Но разъ установившись традиціоннымъ путемъ, слово „варваръ“ легло въ основаніе предвзятаго мнѣнія, въ силу котораго греки и позднѣе римляне не могли замѣтить сходства между своими языками и языками варваровъ, несмотря на постоянныя столкновенія. Максъ Мюллеръ полагаетъ, что это предвзятое мнѣніе было разрушено и могло быть разрушено только христіанствомъ. „Идея всего человѣчества, какъ одного семейства, какъ дѣтей одного Бога, родилась изъ христіанства, и наука человѣчества и языковъ человѣчества есть наука, которая безъ

христіанства никогда не вступила бы въ жизнь. Когда людей стали учить смотрѣть на всѣхъ ближнихъ, какъ на братьевъ, тогда только разнообразіе человѣческой рѣчи представилось вопросомъ, призывающимъ къ своему рѣшеніюшъ глубокомысленныхъ наблюдателей, и поэтому я считаю настоящее начало науки о языкѣ съ перваго дня Пятидесятницы. Послѣ этого дня освобожденныхъ языковъ изливается новый свѣтъ надъ міромъ, и нашимъ взорамъ являются предметы, скрывавшіеся отъ глазъ народовъ древности. Старыя слова принимаютъ новое значеніе, старые вопросы получаютъ новый интересъ, старыя науки новую цѣль“ (Ibid.) Хотя значеніе христіанства здѣсь преувеличено, но въ мнѣніи Макса Мюллера есть значительная доля правды. Во всякомъ случаѣ, судьба слова „варваръ“ представляетъ прекрасный примѣръ ливидациі психическаго содержанія человѣческаго я. Воспріятія, полученныя греками при первыхъ ихъ столкновеніяхъ съ другими народами, убѣдили ихъ, что существуютъ на свѣтѣ не-греки, люди, отличные отъ грековъ. Дальнѣйшая классификація этихъ не-грековъ была на первыхъ порахъ невозможна. Зная только себя, греки не могли ориентироваться въ массѣ чуждыхъ нравовъ, языковъ, понятій. Ихъ психическій аппаратъ былъ приготовленъ предъидущимъ опытомъ только къ отличенію своихъ порядковъ отъ не своихъ. Уразумѣть жизнь, нѣсколько отличную отъ ихъ жизни, они не могли, и потому естественно преувеличивали черты различія между ними и варварами и уменьшали значеніе различій въ средѣ самыхъ варваровъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ другими народами, такая грубая классификація должна была необходимо пасть и, повидимому, римлянамъ было особенно легко съ ней разстаться, такъ какъ они и сами считались нѣкогда варварами, и имѣли столкновенія въ Европѣ, Азіи и Африкѣ съ очень разнообразными народностями. Но здѣсь стало поперегъ дороги слово „варваръ“. Порожденное сходствомъ впечатлѣній, полученныхъ во время знакомства съ разными народами, и усвоенное путемъ безсознательной традиціи, слово это обратилось въ какую-то перегород-

ку, изъ-за котóрой римляне не могли рассмотреть нѣкоторыхъ чертъ въ характерѣ варваровъ. Маленькое и совершенно бессмысленное словечко давало пищу національному самолюбію, презрѣнію къ другимъ народамъ, но ни одинъ римлянинъ не соединялъ со словомъ *варваръ* какого-нибудь опредѣленнаго представленія. Фактъ смутныхъ и одностороннихъ воспріятій былъ бессознательно возведенъ въ принципъ. Непосредственное свидѣтельство чувствъ, руководимое несознаннымъ предвзятымъ мнѣніемъ, говорило въ пользу глубокаго различія между варварскимъ міромъ и міромъ греко-римскимъ. Факты сходства не замѣчались, факты различія преувеличивались, такъ что вытолкать понятіе о варварствѣ прямое наблюденіе не могло— оно, напротивъ, закрѣпощало его. Нужно было какое-нибудь коренное измѣненіе со стороны, новая точка зрѣнія на самыя общія и элементарныя основанія международныхъ отношеній, чтобы перегородка между греко-римлянами и варварами развалилась. Нужно было ликвидировать всю эту сторону психическаго содержанія римлянъ, т.-е. дать новую руководящую нить на столько сильную и основную, чтобы она могла захватить корни предвзятаго мнѣнія о варварствѣ, и тогда вѣтви отвалились бы сами собой; сознательное отношеніе къ вѣковому предразсудку, основанному на одностороннемъ сочетаніи воспріятій, должно было совершенно и благотворно измѣнить значеніе прямаго опыта. И конечно, космополитическая христіанская идея была въ этомъ случаѣ однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ. Такъ или иначе, она разбила перегородку, или, по крайней мѣрѣ, весьма сильно помогла разбить ее. Такимъ образомъ, ликвидація психическаго содержанія, смѣна одного содержанія другимъ можетъ произойти не иначе, какъ путемъ его уясненія. До тѣхъ же поръ, пока наше психическое содержаніе не приведено въ ясность, пока не изучены его корни, объ отрѣшеніи отъ даннаго эмпирическаго содержанія нечего и думать, и всякая подобная попытка должна потерпѣть полное фіаско.

Отвлеченныя категоріи, представляющія въ эксцентрическомъ періодѣ развитія руководящіе принципы въ области мыс-

ли и практической жизни, составляют именно такі попытки отрѣшиться отъ даннаго эмпирическаго содержанія. Такова, на-примѣръ, пресловутая формула „искусство для искусства“ или „чистое искусство“. Собственно говоря, эта ходячая условная формула отнюдь не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ качествамъ тѣхъ явленій, которыя ею обозначаются; собственно говоря, чистое искусство есть миражъ, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ вещей, которыми человекъ самъ себя обманываетъ. Пренія о цѣли и значеніи искусства составляли у насъ недавно столь любимую тему, что, безъ сомнѣнія, успѣли порядочно надоесть обществу. Но читатель можетъ успокоиться,—мы будемъ кратки. Для оцѣнки истиннаго значенія принципа искусства для искусства слѣдуетъ условиться насчетъ пониманія словъ „прекрасное“, „красота“. Люди, исповѣдующіе культъ чистой, идеальной красоты, или прямо говорятъ о себѣ:

Воспѣваетъ, простодушный;
Онъ любовь и красоту
И науки имъ ослушной
Суету и пустоту. (Баратынскій).

Или же заявляютъ, что, вполне уважая науку и великіе нравственные принципы, они тѣмъ не менѣе отмежевываютъ себѣ совершенно особый уголокъ дѣятельности, куда не допускается ни теоретическое знаніе, ни тревоги практической жизни, гдѣ все прекрасно, гдѣ поколѣніе за поколѣніемъ служить одной чистой идеѣ красоты, принося ей художественныя жертвы. Мы чистые художники, говорятъ жрецы идеи прекраснаго, мы не знаемъ и знать не хотимъ никакихъ тенденцій, т. е. никакихъ субъективныхъ отношеній къ создаваемымъ нами образамъ, устраняемъ всякія свои личныя симпатіи и антипатіи, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются идеею прекраснаго. Но въ чемъ же состоитъ это „прекрасное“, эта „красота“? Мы видимъ, что понятія о красотѣ древняго грека, индуса, средневѣковаго монаха, современнаго итальянца, голландца, китайца, француза, представителя высшихъ слоевъ общества, русскаго крестьянина,

наконецъ понятія Петра, Ивана, хотя и имѣютъ нѣкоторые общіе пункты, но въ общемъ совершенно различны. Съ точки зрѣнія врожденныхъ идей фактъ этого разнообразія совершенно темень и непонятенъ. Но мы легко поймемъ значеніе всѣхъ развѣтвленій и метаморфозъ понятія о прекрасномъ, если признаемъ, что понятіе это слагается эмпирическимъ путемъ, путемъ комбинированія тѣхъ пріятныхъ ощущеній, которыя получаетъ на своемъ вѣку и на своемъ мѣстѣ каждая индивидуальная и социальная единица. Оставляя въ сторонѣ индивидуальныя особенности, какъ второстепенныя, посмотримъ, какъ складываются коллективныя понятія о красотѣ, на примѣръ, человѣческаго тѣла. Если данная социальная группа въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній испытывала наслажденіе власти, она необходимо внесетъ соотвѣтственный элементъ въ свой идеаль красоты: величественную поступь, повелительные жесты и взгляды, гордый поворотъ головы. И такимъ же образомъ отражаются въ понятіи о красотѣ всѣ остальные эмпирическія условія, которыя выработаны для данной группы историческимъ путемъ общественныхъ дифференцированій. Рутинный типъ идеальной красоты высшихъ слоевъ европейскаго общества извѣстенъ: блѣдное или съ слабымъ румянцемъ лицо, прямой лобъ, мало развитыя скулы, тонкія кости, маленькія руки и ноги, томные или страстные, вообще выразительные глаза и т. д. Всѣ эти элементы такъ-называемой идеальной красоты даны на идеальнымъ, а эмпирическимъ порядкомъ вещей. Все это существенные признаки такой общественной единицы, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воспитывала въ себѣ интеллектуальную сторону насчетъ физической, или—что то же—жила насчетъ труда другихъ общественныхъ единицъ. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ войти въ идеаль красоты, на примѣръ, русскаго мужика. За неимѣніемъ досуга, онъ не могъ испытать пріятныхъ ощущеній, даваемыхъ умственнымъ развитіемъ, не могъ выработать себѣ высокаго, прямого лба и задержать развитіе скуловыхъ костей и нижней челюсти, и потому ни въ грошъ не ставитъ личной угодъ; не испыталъ онъ

и удовольствія мечты и потому не оцѣнить томныхъ глазъ; не входятъ въ составъ его идеала красоты и тонкія кости и блѣдный цвѣтъ лица. Десять идеальныхъ красавицъ высшаго круга онъ отдастъ за одну умѣренно полную бабу съ здоровыми руками и румянцемъ во всю щску. Точно также ожирѣвшій идеаль, напримѣръ, купеческаго сословія совершенно соотвѣтствуетъ существующимъ условіямъ этой социальной группы, удаленной и отъ тяжкаго труда и отъ утонченнаго развитія страстей и отъ умственного развитія. Изъ этого слѣдуетъ, что идеально прекрасное, будучи понятіемъ относительнымъ, находится въ тѣсной связи съ идеалами нравственности, добра, умственной мощи, и эстетическая способность, т.-е. способность чують красоту, переплетается множествомъ нитей съ остальными психическими силами; такъ-какъ силы эти питаются, какъ корнями, тѣми же ощущеніями, сочетаніе которыхъ ложится въ основу идеально прекраснаго. Въ нашемъ понятіи о красотѣ отражаются въ большей или меньшей степени всѣ наши обычные мысли, чувства и желанія; оно опредѣляется эмпирическимъ содержаніемъ нашего я, и именно количествомъ и качествомъ нашихъ знаній о природѣ и человѣкѣ и качествомъ и напряженностью чувствъ и желаній, вызванныхъ знаніемъ. Элементы эти, тѣмъ или другимъ образомъ сгруппированные, ложатся съ одной стороны въ основаніе идеально-прекраснаго, а съ другой составляютъ то предвзятое мнѣніе, съ которымъ художникъ смотритъ на Божій міръ для извлеченія изъ него своихъ образовъ. Вопросъ только въ томъ,—можетъ ли дать себѣ художникъ отчетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ, сознаетъ ли онъ свою собственную личность, или же онъ усвоилъ свои понятія о красотѣ инстинктивно, всасывая извѣстную атмосферу всѣми порами своего существованія съ ранняго дѣтства или даже унаслѣдовавъ свои воззрѣнія отъ предковъ, и не имѣлъ въ теченіе жизни случая и возможности вернуться къ ихъ источникамъ. Въ первомъ случаѣ художникъ можетъ силою сознанія ликвидировать свое эмпирическое содержаніе и замѣнить одинъ идеаль другимъ. Во вто-

ромъ это невозможно, и художникъ будетъ утверждать, что онъ жрецъ чистаго искусства. Поклоняясь красотѣ, онъ думаетъ что онъ ратуетъ за чистую, идеальную красоту, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только возводитъ въ принципъ тѣ черты эмпирической, такъ-сказать, красоты, которыя ему доступны; онъ ратуетъ только за тѣ условія, которыя дали возможность выработаться этой эмпирической красотѣ. Провозглашая принципъ искусства для искусства, онъ думаетъ, что его произведенія относятся къ изображаемому имъ предмету совершенно объективно, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Въ сущности претендовать на объективное изображеніе можетъ только безличная фотографія. Но эта объективность покупается цѣною смысла: фотографія передаетъ, напимѣръ, человѣческое лицо въ такомъ видѣ, въ какомъ застала его въ данное мгновеніе. Она передаетъ съ одинаково безучастною отчетливостью всѣ подробности отъ формы и положенія пуговицы до формы и выраженія глазъ, и въ силу самой этой своей отчетливости не можетъ передать жизни лица, выбрать изъ ряда непрерывно измѣняющихся чертъ наиболѣе для даннаго предмета характерныя. Человѣкъ же неизбѣжно даетъ свое субъективное содержаніе всякому создаваемому или передаваемому имъ образу. Донъ-Кихоть, Гамлетъ, Отелло, Манфредъ, типы Диккенса и Теккерея, Чичиковъ, Плюшкинъ, Маниловъ, — все это не только живыя лица, но лица, понятія художникомъ. Всякое художественное произведеніе есть не только изображеніе предмета, но и сужденіе о немъ. Первоклассный художникъ имѣетъ въ рукахъ своего сознанія всѣ нити своихъ сужденій, тогда какъ художникъ мелко-травчатый до такой степени руководствуется инстинктомъ, что даже и не подозрѣваетъ, что придерживается тѣхъ или другихъ, но непремѣнно придерживается тенденцій, произносить надъ явленіемъ тотъ или другой нравственный судъ. Разница только въ томъ, что одинъ художникъ вноситъ въ свои произведенія содержаніе крупное, другой — мелкое; у одного идеаль не совпадаетъ съ дѣйствительностью, и въ такомъ случаѣ тенденція выступаетъ ярко; у другаго — критерій для оцѣнки явле-

ній есть спеціально естетическій, рутинно и безсознательно усвоенный художникомъ. Но этотъ спеціально естетическій критерій выкроенъ пзъ чисто эмпирическихъ условій, онъ представляетъ возведенный въ принципъ голый фактъ, и потому скрытая, неясная для самого художника тенденція состоитъ въ этомъ случаѣ въ санкціи факта. Дѣло, значитъ, только въ томъ, что идеаль жреца искусства для искусства не возвышается надъ уровнемъ дѣйствительности. И такое возведеніе факта въ принципъ необходимо всегда имѣеть мѣсто, когда фактъ оцѣнивается съ точки зрѣнія нѣкоторой отвлеченной категоріи, представляющей результатъ обособленія и спеціализаціи одной какой нибудь психической силы. Высшая объективность, какой можетъ достичь художникъ, состоитъ въ полномъ и всестороннемъ проникновеніи жизнью своихъ образовъ, а это не можетъ быть достигнуто фотографическимъ, безтенденціознымъ путемъ.

Чистое искусство,—это нѣчто невозможное, несуществующее, немислимое. Закажите художнику нарисовать, напримѣръ, убійство Юлія Цезаря. Положимъ, что онъ пожелаетъ устранить всякія тенденціи и сохранить безусловное безпристрастіе. Изобразить онъ кучу римскихъ носовъ, плѣшивую голову Цезаря, рядъ римскихъ тогъ, худощавую фигуру Кассія, поднятые книжалы и проч. Но какую нибудь мыслишку, хоть самую жалкую, да вставить онъ въ эту кучу. И если онъ будетъ настаивать на своемъ безпристрастіи, то это покажетъ только, что данное событіе не останавливало на себѣ его особеннаго вниманія, а извѣстная мысль о немъ все-таки въ немъ сидитъ. Только онъ не знаетъ, какъ и откуда получена имъ мысль, — можетъ быть изъ учебника исторіи, изъ отрывочныхъ разговоровъ и проч. Во всякомъ случаѣ, картина его будетъ, по всей вѣроятности, санкціей какого нибудь ходячаго воззрѣнія и возведеніемъ факта этого воззрѣнія въ принципъ.

Таковы основанія и результаты попытокъ вылѣзти изъ своей собственной кожи, отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія. Таковы же они и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. „Наши общія идеи—говоритъ Милль—содержать лишь то, что

было вложено въ нихъ либо нашимъ невольнымъ опытомъ, либо нашими дѣятельными привычками мысли. И метафизики всѣхъ вѣковъ, пытавшіеся построить законы вселенной умозаключеніемъ отъ предполагаемыхъ необходимостей нашей мысли, всегда дѣйствовали и могли дѣйствовать, лишь ревностно открывая въ своемъ умѣ то, что сами предварительно въ него вложили, и выпутывая изъ своихъ идей о вещахъ то, что они сами сначала впутали. Этимъ путемъ всѣ глубоко коренящіеся мнѣнія и чувства способны создать мнимыя доказательства ихъ истинности и разумности, повидимому, вытекающія изъ ихъ сущности“ (Система логики. II, 308). Въ наукѣ общественной и вообще въ вопросахъ, непосредственно затрагивающихъ интересы человѣка, особенно было сильное вѣрованіе, что чистый разумъ есть преобладающій источникъ знаній. Съ этого основанія и до сихъ поръ не сдвинулась наука права. Царящая въ ней идея справедливости есть отвлеченная категорія, совершенно аналогичная съ идеею чистаго искусства и идеальной красоты. Принципы международныхъ и междуличныхъ отношеній, добытые эксцентрическимъ путемъ, представляютъ точно такъ же закрѣпленіе эмпирическихъ фактовъ, ихъ санкцію, возведеніе въ принципъ. Цивилистъ, полагая, что онъ изучаетъ природу чистаго разума, въ сущности только „отерываетъ въ немъ то, что предварительно въ него вложилъ“, и если онъ настаиваетъ на законности своихъ пріемовъ, то только потому, что не можетъ подвести итоги своего собственнаго эмпирическаго содержанія. Еще очевиднѣе это относительно криминалиста и особенно криминалиста-объективиста. Утверждая, что онъ относится къ факту преступления совершенно объективно, съ высоты безусловной справедливости, незнающей пристрастія, криминалистъ не подозреваетъ, что вся его система сплошь окрашена густою краскою пристрастія къ эмпирическому, исторически-сложившемуся порядку вещей. Несмотря на идеалистическую подкладку его теоріи, его идеаль общественныхъ отношеній не возвышается надъ дѣйствительностію; онъ считаетъ справедливымъ именно данный порядокъ вещей и достойнымъ возмездія только наруше-

ніе этого порядка. Несмотря на свою объективность и свое устраненіе отъ предвзятыхъ мнѣній, отъ всего своего эмпирическаго содержанія, онъ втайнѣ, безсознательно руководится предвзятымъ мнѣніемъ о разумности и справедливости выработанныхъ исторією отношеній. И здѣсь, какъ въ дѣлѣ искусства, единственная, доступная человѣку объективность состоитъ во всесторонней оцѣнкѣ фактовъ и въ цѣлостной постановкѣ вопросовъ, въ проникновеніи жизнью преступника. Полное олицетвореніе безусловной справедливости есть палачъ. Не даромъ мрачный католикъ и абсолютистъ де-Мэстръ видитъ въ палачѣ нѣчто высшее, сверхчеловѣческое. Я не знаю, можетъ быть, и сверхчеловѣческое, но, во всякомъ случаѣ, нечеловѣческое, какъ нечеловѣчна объективность фотографіи. Палачъ — этогъ бездушный специалистъ, непонимающій, кого и за что онъ готовится поразить, и полагающій все свое самолюбіе въ томъ, чтобы артистически вздернуть веревку или ловко вытянуть плетью, машина, неволнующаяся, нескорбящая и ненегодующая—вотъ идеаль безусловной справедливости. И того мало. Палачъ—человѣкъ, онъ можетъ изъ состраданія ослабить ударъ плети, быстрѣе затянуть роковую петлю. Чтобы приискать въ области справедливости параллель фотографическому аппарату въ области чистаго искусства, надо и здѣсь спуститься до настоящей машины—до висѣлицы. Де-Мэстръ ошибся: палачъ все-таки человѣкъ. Висѣлица не человѣкъ, и, пожалуй, на нее можно посмотрѣть, какъ на нѣчто сверхчеловѣческое...

IX.

Обратимся къ Спенсеру. Изъ вышеприведенныхъ противорѣчій онъ выпутывается довольно безцеремоннымъ образомъ. Натолкнувшись на тотъ фактъ, что есть такіе переходы однороднаго къ разнородному, которые онъ не рѣшается признать измѣненіями прогрессивными, онъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній и предварительныхъ объясненій говоритъ: „Всякое

развитіе представляетъ одновременно измѣненіе отъ однороднаго къ разнородному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненіе отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Какъ, съ одной стороны, имѣется переходъ отъ простаго къ сложному, такъ съ другой—представляется переходъ отъ беспорядка къ порядку, отъ неопредѣленнаго строя къ опредѣленному. Въ процессѣ развитія, какова бы ни была сфера, въ которой онъ обнаруживается, бываетъ не только постепенное умноженіе неодинаковыхъ частей, но и постепенное возрастаніе отчетливости, съ какою эти части разграничиваются между собою. *Такимъ образомъ*, увеличеніе разнородности, характеризующее развитіе, отличается отъ того увеличенія разнородности, которое не составляетъ признака развитія“ (Вып. VII, 190). Здѣсь особенно бросается въ глаза обычная у Спенсера манера изложенія. Всегда и вездѣ онъ ставитъ сперва положеніе, подтверждая его затѣмъ примѣрами. Но здѣсь, кромѣ приѣма собственно писателя, характерно выдается приѣмъ мыслителя. Въ какомъ порядкѣ вы будете излагать свои мысли на бумагѣ,—начнете ли вы съ анализа частныхъ фактовъ и доведете читателя постепенно до общенія, или наоборотъ, выставите сначала свою формулу и отъ нея спуститесь къ фактамъ—это дѣло второстепенной важности. Но весьма важно прослѣдить, хотя бы и на способѣ изложенія, тотъ процессъ мышленія, который навелъ мыслителя на извѣстные факты съ извѣстной стороны. Нетвердость приѣмовъ изслѣдованія, обнаруживаемая Спенсеромъ въ вопросѣ о прогрессѣ, свидѣтельствуетъ, что въ его воззрѣніяхъ на этотъ предметъ играетъ значительную роль нѣкоторый, для него самаго неясный элементъ. И не трудно, кажется, открыть, въ чемъ тутъ дѣло.

Въ опытѣ „Прогрессъ, его законъ и причина“ Спенсеръ говоритъ: „Напримѣръ, переставъ смотрѣть на послѣдовательныя геологическія измѣненія земли, какъ на такія, которыя сдѣлали ее годною для человѣческаго обитанія, и *поэтому* видѣть въ нихъ геологическій прогрессъ, мы должны стараться опредѣлить характеръ, общій этимъ измѣненіямъ, законъ, которому

всѣ они подчинены“ (Т. I, стр. 2). Приводимый здѣсь Спенсеромъ примѣръ неправильнаго воззрѣнія на геологическій прогрессъ очень характеренъ для объективно-антропоцентрическаго міросозерцанія, предполагающаго, что человѣкъ есть, въ качествѣ вѣнца творенія, объективный центръ вселенной. Нечего и говорить, что подобное воззрѣніе имѣетъ за себя только историческія, а не логическія или научныя оправданія. Нечего и говорить, что Спенсеръ не только имѣлъ полное право, но былъ обязанъ выкинуть изъ своихъ соображеній такую телеологию. Но реакція завела мыслителя слишкомъ далеко. Кромѣ телеологии, какъ ученія о цѣляхъ природы, возможна телеология, какъ ученіе о цѣляхъ, поставляемыхъ себѣ человѣкомъ. Эти двѣ телеологии не только не имѣютъ между собою ничего общаго, но находятся въ постоянномъ и не случайномъ, а необходимомъ антагонизмѣ. Если признать, что природа управляется цѣлесообразно, что сами вещи тяготеютъ, вслѣдствіе внутренней необходимости, къ той или другой, заранѣе опредѣленной цѣли, то естественно, что такимъ вѣрованіемъ преграждается путь стремленію человѣка къ цѣлямъ, имъ самимъ для себя сознательно поставляемымъ. Понятное дѣло, что если природа до такой степени обязательна, что и землю приготовила для человѣческаго обитанія, и населила эту землю для человѣка же и проч., понятное дѣло, что въ такомъ случаѣ человѣку не приходится добиваться самому до какихъ-нибудь своихъ цѣлей. И ложное, предвзятое мнѣніе, лежащее въ основаніи объективно-антропоцентрическаго міросозерцанія, до такой степени охватываетъ человѣка, что онъ не разубѣждается даже ежеминутными опытами. Добывая въ потѣ лица хлѣбъ свой, онъ все-таки благодаритъ природу за ея благодѣянія. Наконецъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части человѣчества, объективно-антропоцентрическое міросозерцаніе теряетъ свое обаяніе. Но его смѣняетъ эксцентрическій періодъ, только видоизмѣняющій первобытную телеологию. Окончательное паденіе ея возможно только при выступленіи на первый планъ личнаго труда и установившейся въ своихъ законныхъ предѣлахъ

мысли. Поэтому борьба противъ телеологіи объективно-антропоцентрической не только не обязываетъ бороться и съ субъективно-антропоцентрическою телеологіею, но обязываетъ, напротивъ, предоставить послѣдней, въ области явленій человѣческой жизни, индивидуальной и соціальной, самую широкую долю работы. Смѣшно и странно говорить, что послѣдовательныя геологическія фазы представляютъ прогрессъ, потому что онѣ подготовили землю для человѣческаго обитанія; но нисколько не смѣшно и нисколько не странно утверждать, что въ области человѣческой мысли прогрессъ состоитъ въ послѣдовательномъ уразумѣніи законовъ природы и общественныхъ отношеній, что въ области явленій общественной жизни прогрессъ состоитъ точно также въ рядѣ измѣненій по направленію къ опредѣленной цѣли, ставимой самимъ человѣкомъ. Не только не смѣшно и не странно, но человѣкъ и не можетъ ставить вопроса иначе, не можетъ органически, не можетъ потому, что онъ человѣкъ. Самое слово „прогрессъ“ имѣетъ смыслъ только по отношенію къ человѣку, и явленіями прогрессивными въ области человѣческой мысли и человѣческихъ дѣяній мы можемъ признать только тѣ, которыя подвигаютъ человѣка къ данной цѣли; явленія, задерживающія это движеніе или отклоняющія его въ стороны, мы должны признать съ человѣческой, т. есть единственно возможной для человѣка точки зрѣнія — явленіями регрессивными. Ниже, на ближайшихъ къ человѣку ступеняхъ органической жизни, мы можемъ еще примѣнять понятіе прогресса по аналогіи; еще ниже мы можемъ различать только явленія физиологическія и патологическія, и, наконецъ, въ мірѣ неорганическомъ для человѣка нѣтъ ничего кромѣ измѣненій.

Коренная и ничѣмъ неизгладимая разница между отношеніями человѣка къ человѣку и отношеніями человѣка къ остальной природѣ состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ явленіями, а съ явленіями, тяготящими къ извѣстной цѣли, тогда какъ во второмъ цѣль эта для человѣка не существуетъ. Различіе это до такой

степени важно и существенно, что само по себѣ уже намекаетъ на необходимость примѣненія различныхъ методовъ въ двухъ великихъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія. И дѣйствительно. Ошибка людей эксцентрическаго періода развитія состоитъ либо въ томъ, что они стремятся уразумѣть цѣли природы, и въ такомъ случаѣ употребляютъ субъективный методъ въ естествознаніи, либо въ томъ, что они игнорируютъ цѣли человѣка, и въ такомъ случаѣ употребляютъ объективный методъ въ общественной наукѣ. Тогда какъ нормальное распредѣленіе методовъ обратное. У Спенсера въ этомъ отношеніи господствуетъ паразитическая сбивчивость и едва-ли онъ такъ свободенъ отъ всякой телеологіи, какъ ему кажется. Онъ, повидимому, совершенно не уяснилъ себѣ своей задачи. Среди массы его оговорокъ, недомолвокъ, возвращеній къ пройденному очень трудно ориентироваться и узнать, чего онъ ищетъ. Повидимому, онъ желаетъ найти такой законъ, который обнималъ бы всѣ измѣненія, безъ различія, имѣвшія мѣсто отъ начала вселенной. Это можно заключать, вопервыхъ, изъ того, что онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ измѣненіяхъ физиологическихъ и патологическихъ; во вторыхъ изъ того, что всѣ явленія, со включеніемъ явленій общественной жизни, онъ пытается оцѣнить безотносительно къ благосостоянію человѣка; в третьихъ наконецъ изъ того, что онъ придаетъ своимъ основнымъ законамъ, — „всякое измѣненіе производитъ нѣсколько измѣненій“ и „однородное неустойчиво“ — характеръ универсальности, недопускающей исключеній. Затѣмъ онъ встрѣчается съ такими измѣненіями, которыя не рѣшается признать прогрессивными, не смотря на то, что они удовлетворяютъ всѣмъ поставленнымъ ими условіямъ, и считаетъ ихъ даже шагами къ разложенію. Значитъ возможны въ природѣ и шаги къ разложенію. Въ чемъ же они состоятъ и каково ихъ отношеніе къ универсальности основныхъ законовъ? Надъ этимъ Спенсеръ не задумывается, а просто отбрасываетъ не нравящіяся ему (иначе нельзя выразиться) измѣненія въ сторону и идетъ дальше. Дѣлаетъ въ своей формулѣ правую, состоящую въ опредѣленіи прогресса или развитія, какъ

перехода не только отъ однороднаго къ разнородному, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному и затѣмъ говоритъ: „Если переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному составляетъ существенную отличительную черту развитія, то мы естественно должны *повсюду* встрѣчать этотъ переходъ точно такъ же, какъ въ послѣдней главѣ мы *повсюду* видѣли переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Съ цѣлью доказать, что дѣйствительно такъ бываетъ и на дѣлѣ, посмотримъ вкратцѣ тѣ же самыя классы различныхъ фактовъ“. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ опять возвращается къ надеждѣ уловить законъ всѣхъ безъ различія измѣненій и найти такую точку зрѣнія, съ которой всѣ отгѣнки и особенности измѣненій должны сгладиться и весь міръ долженъ представиться безустанно и безостановочно прогрессирующимъ. Но куда же дѣвать тѣ измѣненія, которыя Спенсеръ не признаетъ прогрессивными? А вотъ куда: „Если возражать, что у цивилизованныхъ народовъ встрѣчаются также и примѣры уменьшенія опредѣленности (какъ, напримѣръ, въ случаяхъ нарушенія сословныхъ разграниченій), то на это слѣдуетъ отвѣчать, что такія *кажушіяся* исключенія суть спутники социальныхъ метаморфозъ, перехода отъ военнаго или хищническаго типа общественнаго строенія къ типу промышленному или торговому,—перехода, въ теченіе котораго исчезаютъ старыя черты организаціи и являются новыя“. Прекрасно, но если это только *кажушіяся* исключенія изъ общаго закона прогресса, то зачѣмъ они были названы въ предъидущей главѣ шагами къ разложенію? зачѣмъ Спенсеръ такъ категорически отказался включить ихъ въ число явленій прогрессивныхъ, и даже на ихъ непрогрессивности основалъ необходимость исправить свою формулу?

Затѣмъ дѣлаются новыя поправки и универсальный законъ прогресса наконецъ полученъ. Но, говоря о теоріи Дарвина, Спенсеръ заявляетъ полный скептицизмъ относительно прогресса. Онъ говоритъ: „Громадный контрастъ между немногочисленными и низкими формами самой ранней изъ извѣстныхъ фаунъ и многочисленными и высокими формами теперь суще-

ствующей фауны обыкновенно принимается за свидѣтельство не только великаго измѣненія, но и великаго прогресса. Но этотъ кажущійся прогрессъ можетъ быть и вѣроятно есть, по преимуществу, только иллюзія... Между тѣмъ какъ свидѣтельства, обыкновенно принимаемыя за доказательства прогрессивности, оказываются недостоверными, мы находимъ достоверныя свидѣтельства, что во многихъ случаяхъ прогрессивность незначительна или вовсе не существуетъ" (Вып. X „Основанія биологіи“. 327, 328). И далѣе: „Къ этимъ случаямъ близки случаи такъ-называемаго ретрограднаго развитія. Многія паразитныя существа, а также существа, живущія одно время самостоятельно дѣятельною жизнію и впослѣдствіи становящіяся неподвижными, теряютъ въ зрѣлости члены и чувства, которые имѣли въ молодости“ (Ibid. 378). Изъ послѣдней цитаты можно бы было непосредственно вывести весьма важныя заключенія, подрывающія Спенсерову теорію прогресса въ корень. Въ примѣненіи къ общественнымъ вопросамъ можно показать, что рядъ дифференцированныхъ, составляющихъ, по Спенсеру, прогрессъ, порождаетъ въ обществѣ такихъ же паразитовъ, точно также заглушающихъ въ себѣ тѣ или другія отправления. Во всякомъ случаѣ, въ приведенныхъ словахъ Спенсера видно полное отрицаніе универсальности закона прогресса, прогресса именно въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его самъ Спенсеръ. Онъ говорилъ, что прогрессъ, между прочимъ, обнаруживается послѣдовательнымъ усложненіемъ фауны и флоры, что однако теперь считаетъ не болѣе какъ иллюзіей. Надо впрочемъ замѣтить, что противорѣчіе это не должно быть вмѣняемо мыслителю въ большую вину, такъ-какъ теорія Дарвина естественно могла сильно измѣнить воззрѣнія Спенсера. „Основныя начала“, въ которыхъ подробно изслѣдуется законъ развитія, претерпѣваютъ теперь, какъ говорятъ издатели рускаго перевода, большія измѣненія. И въ новомъ своемъ видѣ сочиненіе это будетъ, можетъ быть, приведено въ большій порядокъ. Трудно однако, надѣяться, чтобы Спенсеръ обратилъ вниманіе, во первыхъ, на различіе между нашими отношеніями къ природѣ и нашими отношеніями къ дру-

гимъ людямъ, а вовторыхъ, на столь же коренное отличіе раздѣленія труда между органами отъ раздѣленія труда между цѣлыми организмами. Трудно ожидать, чтобы теорія Дарвина произвела въ его воззрѣніяхъ столь коренной переворотъ, такъ-какъ она для него не новость. Нѣкоторыя частности этой теоріи были имъ самимъ съ замѣчательною силою развиваемы до появленія книги Дарвина.

+

Вся приведенная путаница въ изложеніи и въ мысляхъ Спенсера зависитъ отъ ненадлежащаго примѣненія объективнаго метода. Разъ мы вычеркнули изъ своего психическаго содержанія убѣжденіе въ цѣлесообразности устройства вселенной, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ приложенія слова и понятія „прогрессъ“ въ послѣдовательной смѣнѣ явленій природы, или же не дѣлать различія между развитіемъ и разложеніемъ. Почему бы не считать разложенія мертваго тѣла явленіемъ прогрессивнымъ, ступеню дальнѣйшаго развитія? Можетъ быть, „интересы природы“ „экономія природы“, „цѣли природы“, „стремленія природы“ требуютъ круговаго развитія, причемъ моментъ разложенія окажется только одною изъ фазъ развитія. Но мы знаемъ, что у несмѣющейся и неплачущей природы нѣтъ цѣлей, нѣтъ стремленій, нѣтъ интересовъ, и потому смотримъ на разложеніе трупа, какъ на фактъ, подлежащій объективной оцѣнкѣ. Но у человѣка есть цѣли; цѣли эти представляютъ столь же реальные факты нашего сознанія, какъ реаленъ фактъ разложенія мертваго тѣла. Фактъ этотъ точно также требуетъ оцѣнки, но оцѣнки субъективной. И не потому только, что исключительно объективная оцѣнка не можетъ дать полнаго понятія о фактахъ общественной жизни, такъ-какъ въ этихъ фактахъ есть элементъ, встрѣчающійся только въ нихъ и не поддающійся объективной оцѣнкѣ, — а потому, что исключительно объективная оцѣнка здѣсь немислима и невозможна.

Наше психическое содержаніе дано опытомъ унаслѣдованнымъ, личнымъ и сочувственнымъ (прекрасный терминъ, употребляемый и Спенсеромъ). Сочувственный опытъ основанъ на нашей спо-

способности переживать чужую жизнь, ставить себя въ чужое положеніе. Какъ примѣръ сочувственнаго опыта заимствуемъ у Спенсера такой фактъ. Когда люди появляются въ какой-нибудь вновь открытой, до тѣхъ поръ необитаемой землѣ, они находятъ тамъ до такой степени небоязливыхъ птицъ, что ихъ можно безъ труда бить пальцами. Проходить нѣсколько поколѣній, и птицы, при одномъ приближеніи человѣка, торопливо улетаютъ. И пугливость эта замѣчается не только въ старыхъ особахъ, но и въ молодыхъ, которыя еще не могли на себѣ испытать послѣдствій встрѣчи съ человѣкомъ. Какъ это объяснить? Спенсеръ говоритъ, что истребленіемъ небоязливыхъ недѣлимыхъ этого объяснить нельзя, потому что убивается сравнительно ничтожное число птицъ, и объясняетъ фактъ послѣдовательнымъ накопленіемъ данныхъ опыта. Въ каждой птицѣ, раненой человѣкомъ или встревоженной крикомъ стаи („стадные животныя—замѣчаетъ Спенсеръ въ скобкахъ — обладающія малѣйшею степенью разумности, по необходимости обнаруживаютъ болѣе или менѣе сочувствіе другъ къ другу“), устанавливается ассоціація идей между фигурой человѣка и нѣкоторыми страданіями, причемъ понятіе страданія дается не только личнымъ опытомъ, а и сочувственнымъ, т.-е. видомъ чужихъ страданій. Затѣмъ опытъ этотъ передается наследственно въ видѣ извѣстныхъ измѣненій нервной системы, и при видѣ человѣка, птица мысленно воспроизводитъ тѣ болѣзненные ощущенія, которыхъ она лично, на самой себѣ, можетъ быть, никогда не испытала. Въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ говоритъ: „Я отважусь высказать здѣсь, въ нѣсколькихъ строкахъ, гипотезу; что понятіе о граціи имѣетъ свое субъективное основаніе въ сочувствіи (симпатіи). Та же самая способность, которая заставляетъ насъ содрогаться при видѣ человѣка, находящагося въ опасности, и которая производитъ иногда движеніе въ нашихъ собственныхъ членахъ, при видѣ другого человѣка, борящагося или падающаго,—заставляетъ насъ раздѣлять и всѣ мѣщечныя ощущенія, которыя испытываются вокругъ насъ другими. Когда ихъ движенія бываютъ насильственными или неловки, тогда и мы отчасти испытываемъ тѣ неприят-

ныя ощущенія, которыя должны были бы испытать, еслибы эти движенія были въ насъ самихъ. Когда же движенія людей, на которыхъ мы смотримъ, свободны, тогда и мы раздѣляемъ пріятныя ощущенія, какія испытываются личностями, совершающими эти движенія“. Изложенный здѣсь принципъ, несмотря на то, что на немъ одномъ Адамъ Смитъ построилъ свою теорію нравственныхъ чувствъ, разработанъ весьма мало. А между тѣмъ надлежащее его развитіе могло бы пролить много свѣта и на законы души человѣческой и на задачи общественной науки. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что сочувственный опытъ не безпредѣленъ, что сочувствовать мы можемъ только подобнымъ себѣ, и что существуетъ въ этомъ отношеніи извѣстная градація. Какъ представитель органической жизни, человѣкъ можетъ понять міръ неорганической только объективно, и безусловно не можетъ пережить его жизнь, поставить себя на его мѣсто. Какъ недѣлимое, онъ можетъ переживать жизнь только недѣлимаго, и притомъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ данное недѣлимое человѣкообразнѣе. Поэтому онъ можетъ различать въ этой области явленія фізіологическія и патологическія. Наконецъ, полный просторъ сочувственному опыту предоставляется въ области отношеній человѣческихъ. Но и здѣсь есть ступени. Одинъ человѣкъ можетъ пережить жизнь каждаго человѣка, другой — только жизнь представителя своей общественной единицы, то-есть жизнь своихъ соотечественниковъ, своихъ собратьевъ по профессіи, по образу жизни и проч. Сочувственный опытъ, вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь извѣстнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, на ряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, устанавливаетъ категоріи пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго. Отрѣшиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія нашего *я* столь же невозможно, какъ произвольно вычеркнуть изъ своей памяти какія-нибудь знанія. Поэтому комбинація ощущеній и впечатлѣній, составляющая предвзятое мнѣніе, съ которымъ человѣкъ приступаетъ къ какому бы то ни было

изслѣдованію, въ области общественныхъ отношеній осложняется нѣкоторымъ новымъ элементомъ, элементомъ нравственнымъ. Вотъ почему Контъ былъ правъ, утверждая, въ своемъ курсѣ философіи, что „только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ“, хотя съ общей тогдашней точки зрѣнія Конта условіе это отнюдь не могло считаться необходимымъ. Но случайно прорвавшееся у Конта положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, Бэконъ — предатель, взяточникъ, клеветникъ и вмѣстѣ великій мыслитель о природѣ возможной, — фактъ на лицо. Но Бэконъ — великій соціологъ немислимъ. Я не говорю о грубой сознательной подтасовкѣ фактовъ для какихъ-нибудь своекорыстныхъ цѣлей, да объ этомъ и „нечего говорить“. „Наука, учащая подданныхъ сомнѣнію въ божественности происхожденія власти коронованныхъ лицъ, не можетъ пользоваться большимъ уваженіемъ со стороны послѣднихъ. Воинъ, въ свою очередь, отказываетъ въ довѣрїи науцѣ, которая проповѣдуетъ уничтоженіе его ремесла; а монополистъ неохотно вѣритъ въ преимущества конкуренціи. Государственный человѣкъ, получающій средства къ жизни за завѣдываніе общественными дѣлами, отнюдь не желаетъ, чтобы народъ выучился самъ вести свои дѣла, безъ посторонняго участія. Представитель крупной поземельной собственности вѣритъ въ одно ученіе, а его арендаторъ признаетъ другое; человѣкъ, платящій за трудъ, смотритъ на всѣ вопросы съ точки зрѣнія, прямо противоположной той, съ которой смотритъ на нихъ тотъ, кому онъ платитъ... Школьное ученіе во Франціи измѣняется отъ времени до времени, смотря по тому, деспотизмъ ли уступаетъ народу или народъ деспотизму. Поземельная аристократія въ Англіи была крайне довольна, когда Мальтусъ убѣдилъ ее, что бѣдность и нищета народа суть необходимое слѣдствіе великаго закона, исходящаго отъ всевѣдущаго и всеблагаго провидѣнія; а промышленная аристократія, въ свою очередь, точно также довольна, считая доказаннымъ, что для общихъ интересовъ страны полезны мѣры, создающія обширные запасы дешеваго и дурно

оплачиваемаго труда“ (Кэри. Руководство къ соціальной наукѣ, стр. 33—34). Здѣсь свалены въ одну кучу вещи очень различныя. Есть люди, намѣренно извращающіе факты, но есть и такіе, которые извращаютъ ихъ совершенно добросовѣстно, только потому, что ими руководить безъ ихъ вѣдома ложное предвзятое мнѣніе, т. е. неудачное и одностороннее сочетаніе личныхъ и сочувственныхъ опытовъ, еще быть можетъ закрѣпощенное путемъ наслѣдственной передачи. Въ числѣ подготовительныхъ работъ къ соціологіи важное мѣсто занимаетъ статистика, пользующаяся весьма точными приемами. И однако статистики, чаще чѣмъ кто нибудь, впадаютъ въ грубо-фаталистическія заблужденія. Мы приводили подобные примѣры въ статьѣ „Аналогическій методъ“. Если какой нибудь Дюфо старается меня увѣрить, что людскія страданія составляютъ результатъ открытаго имъ закона „нравственнаго равновѣсія судебъ человѣчества“, то это не даетъ еще мнѣ никакого права считать почтеннаго статистика отъявленнымъ негодяемъ и шулеромъ, дѣлающимъ вольтъ. Но это, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что его нравственный уровень не особенно высокъ; что, хотя и онъ толкуетъ о негодности субъективнаго метода и вмѣшательства чувствъ въ рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, имъ управляетъ очень опредѣленное чувство, — чувство, совершеннаго удовлетворенія эмпирическою дѣйствительностью. Не будь этого, онъ не сочинилъ бы своего закона нравственнаго равновѣсія судебъ человѣчества и, слѣдуя евангельскому слову: толцте и отверзетсѣ, нашелъ бы иной выходъ для дѣйствительности.

Какъ невозможна для человѣка безусловная справедливость, какъ невозможно чистое отъ всякихъ тенденцій искусство, такъ невозможенъ и исключительно объективный методъ въ соціологіи. Несмотря на, повидимому, коренное различіе между двумя первыми и послѣднимъ видомъ эксцентризма, всѣ они суть порожденія одной и той же причины, одного и того же историческаго явленія, и именно экономическаго раздѣленія труда (не специально экономическаго, но я употребляю это выраженіе въ отличіе отъ раздѣленія труда фізіологическаго) и обществен-

ныхъ дифференцированій. И, какъ таковыя, всё они имѣютъ одинаковыя свойства и одинаковые результаты. Всё они, вопервыхъ, представляютъ попытки отрѣшенія отъ даннаго психическаго содержанія; всё они хотятъ быть безпристрастными и всё одинаково пристрастны, всё одинаково санкционируютъ факты, всё имъ случайности дѣйствительности зажимаютъ ротъ. Всё они ошибаются въ томъ, что думаютъ достигнуть объективности, рассматривая явленія общественной жизни съ точки зрѣнія отвлеченной категоріи, — чистой красоты, чистой справедливости, чистой истины, тогда какъ всё эти точки зрѣнія слишкомъ узки для такого сложнаго явленія, какъ человекъ въ обществѣ. До такой степени узки, что изъ чистой справедливости, изъ чистаго искусства, изъ чистой истины на каждомъ шагу вылѣзаетъ человекъ въ обществѣ, т. е. человекъ съ извѣстными чувствами, извѣстными стремленіями, съ извѣстнымъ, наконецъ, предвзятымъ мнѣніемъ. Въ большинствѣ случаевъ изъ этихъ оболочекъ человекъ выходитъ некрасивымъ, иллюзія чистоты распадается прахомъ. Но едва-ли можно сожалѣть объ этомъ: для человека нѣтъ ничего прекраснѣе человека, и самый нехорошій человекъ все-таки лучше самаго лучшаго фотографическаго аппарата, самой лучшей вискѣлицы и самой лучшей числительной машинки. И потому безъ обмана все-таки лучше.

Еслибы я былъ художникомъ, я бы написалъ три картины, только три во всю жизнь. Но я бы всю душу свою положилъ въ нихъ, и картины вышли бы хорошія. Сюжеты я бы взялъ готовые изъ исторіи человѣческой мысли. ?

Темой для второй картины я бы взялъ положеніе величайшаго изъ идеалистовъ — Канта: если общество даже завтра должно распасться, если даже завтра всё члены его должны порвать всякія связи между собой и разойтись въ разныя стороны, то сегодня послѣдній преступникъ все-таки долженъ быть казненъ во имя и во славу абсолютной справедливости. — Площадь, полузаросшая бурьяномъ, кругомъ покачнувшіяся и осѣвшія опу-

стѣлыя зданія съ разбитыми стеклами, съ разохшимися дверями. Посреди площади полусгнившая плаха, и на ней распротертый скелетъ послѣдняго преступника. Кругомъ тишь, ни души человѣческой. Только воронъ долбитъ отскочившій въ сторону черепъ послѣдней и никому уже ненужной жертвы абсолютной справедливости. Еслибы воронъ могъ каркать на картинѣ, онъ прокаркалъ бы: fiat justitia, pereat mundus!..

Это эксцентрической періодъ, въ которомъ человекъ съ его плотью и кровью, съ его помыслами и чувствами, съ его любовью и ненавистью забыть для отвлеченной категоріи.

На третьей картинѣ я изобразилъ бы „Тьму“ Байрона. Вы, можете быть, помните эту потрясающую, беспорядочную кучу образовъ. Поэтъ видитъ слѣдующій сонъ, который однако „былъ не совсѣмъ сонъ“. Солнце погасло, звѣзды, земля безъ лучей носились въ мрачномъ пространствѣ. Чтобы добыть свѣтъ люди зажгли лѣса. Дерево за деревомъ, пень за пнемъ вспыхивали, трещали и сторали. Опять тьма... Зажгли дома, дворцы, храмы. У этихъ страшныхъ костровъ толпились люди. Одни плакали, другіе безумно смѣялись. А пышные города все горѣли. Наступилъ голодъ. Хищныя птицы, дикіе звѣри, растерянные и присмирѣвшіе, терлись среди людей.

И змѣи ползали въ толпѣ съ шипѣньемъ,
Не смѣя жалить—ихъ душила люди
И пожирали. Стихшая на время
Рѣзня опять зажглась: цѣною крови
Обѣдъ голоднымъ покупался; дико
Другъ друга каждый бѣгалъ, чтобъ трапезу
Свершить кровавую. Любви не стало
Въ сердцахъ людей; лишь смерти страхъ и голодъ
Мучительный, палящій всѣхъ томила
И рвали внутренность. Неумолимо
Вставала смерть—и умирали люди,
И трупы ихъ лежали безъ могилы.
Полуживой глодалъ скелетъ собрата,
Какъ дикій звѣрь храпа; голодной стаей псы
Въ куски рвали тѣла своихъ хозяевъ...

Только одна собака осталась вѣрна своему хозяину и, охраняя его трупъ отъ птицъ, звѣрей и людей, съ жалобнымъ воемъ лизала его окостенѣвшую руку. Наконецъ свалилась и она. Постепенно превращалась жизнь. Въ огромномъ городѣ уцѣлѣло только два человѣка, и это были два врага. Они столкнулись у погасающихъ свѣтильниковъ алтаря, постарались своимъ дыханіемъ хоть немного раздуть пламя и, когда увидѣли другъ друга,—вскрикнули и умерли, пораженные своимъ безобразіемъ...

Вотъ три страшныя картины разрушенія общества. Сравните только двѣ послѣднія. Вся, сдавленная въ идеалѣ великаго метафизика чѣловѣческая природа, природа, преданная на жертву абстрактной справедливости, прорывается въ фантастической картинѣ великаго поэта въ самыхъ страшныхъ и отталкивающихъ образахъ. Въ цѣломъ громадномъ городѣ уцѣлѣли только два человѣка, и именно два врага. Почему именно два врага? Потому, что они передушили передъ тѣмъ всѣхъ друзей, потому что въ моментъ разрушенія общества разбирать не приходится. Кантъ захотѣлъ въ этотъ самый моментъ ерлыки навѣшивать: этотъ—преступникъ, тотъ—добродѣтель воплощенная... По Байрону же, самому Канту было бы тутъ не до абсолютной справедливости; онъ бы съ этого абсолюта кувыркомъ слетѣлъ, онъ бы думалъ только о томъ, какъ бы ему прожить лишній часъ, лишнюю минуту, или же просто пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ. Онъ бы не пошелъ искать преступника, а еслибы и наткнулся на него, такъ, можетъ быть, просто на просто съѣлъ бы его. А попадись добродѣтель, которая вчера монтионовскую премію получила, онъ бы, можетъ быть, и въ нее зубами впился...

Но въ этой потрясающей картинѣ, въ которой фантастическій фонъ сплошь затканъ голою правдою образовъ,—васъ поражаетъ одинъ диссонансъ, именно собака, вѣрная трупу хозяина. Если хотите, сама по себѣ эта свѣтлая точка не диссонансъ, а явленіе высоко-гармоническое, но эта-то гармонія и составляетъ диссонансъ въ массѣ диссонансовъ. Зачѣмъ Бай-

ронъ, среди исчезнувшей любви къ человѣчеству, къ отечеству, къ ближнему, сохранилъ любовь одной собаки къ хозяину? Ясно, что это не болѣе, какъ эстетическая уловка, пущенная съ тою цѣлью, чтобы отгнать картину. Это упрекъ человѣку. Поэтъ хочетъ сказать: смотрите, какъ гадою и низкою человѣкъ, — собака лучше его! Очевидно, что Байронъ сзумѣлъ заглянуть въ душу человѣческую, но, находясь одной ногой еще за рубежомъ эксцентрическаго періода, онъ не выдержалъ зрѣлища. Онъ съ ужасомъ отскочилъ. Какъ! человѣку не вродены, не присущи идеи любви, справедливости, красоты! Можно вообразить такое сдѣяніе обстоятельствъ, изъ-за котораго человѣкъ не увидитъ разницы между мозгомъ Прометея и кулакомъ Геркулеса, между горбомъ Езопа и пышною грудью Елены прекрасной, между сердцемъ дѣвственницы и сердцемъ каторжника... Можетъ наступить такая пора, хотя бы въ воображеніи. И воображеніе не откажется нарисовать эту картину торжества животнаго человѣка надъ человѣкомъ нравственнымъ!.. Да, воображеніе не отказывается...

И вотъ явилась вѣрная собака. Но эта собака составляетъ ошибку, диссонансъ, хотя и драгоцѣнный, какъ одинъ изъ ключей къ жизни и поэзіи Байрона. По общему тону картины, собака должна впиться зубами въ холодный и посинѣлый трупъ хозяина. Презрѣнный червь, великій Кантъ и какой-нибудь вѣрный Трезоръ не нарушили бы отвратительной мощи Байроновской картины, еслибы они оказались за однимъ табльд'отомъ, еслибы абсолютная преданность почувствовала такой же голодь, какъ и абсолютная справедливость... Не будь въ картинѣ этой фальши, она могла бы служить полнымъ выраженіемъ одной части субъективно антропоцентрическаго міросозерцанія. Но такъ-какъ міросозерцаніе это не допускаетъ абсолютныхъ рѣшеній, то оно не можетъ умѣститься въ одной картинѣ. Возьмемъ же человѣка такимъ, какимъ его дѣлаютъ природа и общество и вообще обстановка. Возьмемъ его голоднаго, холоднаго, темнаго, нечистаго, потому что не только въ

моментъ фактивнаго разрушенія общества, а и теперь чело-
вѣкъ голодень, холодень, темень и нечисть.

„Это психологическій законъ,—говорить Милль,—который
можетъ быть выведенъ изъ наиболѣе общихъ законовъ духов-
наго склада людей, что всякая сильная страсть дѣлаеть насъ
легковѣрными къ существованію предметовъ, способныхъ воз-
будить ее... Склонность дѣйствуетъ, заставляя человѣка ревно-
стно искать доводовъ или мнимыхъ доводовъ въ подтвержденіе
мнѣній, сообразныхъ его выгодамъ или чувствамъ, и проти-
виться неблагопріятнымъ. А когда выгоды или чувства общи
множеству лицъ, то принимаются и становятся общеупотребительными
доводы, на которые, въ качествѣ доводовъ, никто не
обратилъ бы вниманія, еслибы ничто не говорило могуществен-
нѣ ихъ въ пользу заключеній“ (Система логики, т. II, 290).
Если таковъ законъ нашей психической жизни, то нечего ду-
мать о томъ, чтобы совершенно избѣжать его вліянія. Бу-
демъ повиноваться закону природы, но постараемся регулиро-
вать его. Выяснивъ наши истинныя чувства, введемъ ихъ изъ-
подъ спуда нечеловѣческой чистоты, постараемся найти для
нихъ возможно лучший критерій. Искать этотъ критерій однимъ
объективнымъ путемъ, значить складывать аршины съ пудами.

Посмотримъ вратѣ, какъ складывается и какимъ образомъ
влияетъ на наши изслѣдованія нравственная сторона предвзя-
таго мнѣнія; какимъ образомъ могло, на примѣръ, выработаться
U приводимое Кэри мнѣніе англійской поземельной аристократіи
о нищетѣ народа, какъ о результатѣ непреложной воли всебла-
гаго провидѣнія. И опять-таки намъ здѣсь нѣтъ дѣла до людей,
сознательно провозглашающихъ ложь.

Первыя правила морали, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ
религиозными представленіями, имѣютъ мѣсто, безъ сомнѣнія,
еще въ пору полного отсутствія коопераціи. Они даны исклю-
чительно личнымъ опытомъ, и притомъ опытомъ болѣе или ме-
нѣе одностороннимъ. Сочувственный опытъ начинаетъ давать
свою долю въ хранилище нравственныхъ правилъ только съ
появленіемъ коопераціи, будь она коопераціей по типу простаго

или сложнаго сотрудничества. Только тутъ человѣкъ получаетъ возможность пережить другую жизнь, перестрадать чужое страданіе, насладиться чужимъ наслажденіемъ. Пока въ средѣ данной группы не выработались еще путемъ раздѣльнаго труда слишкомъ рѣзкіе контрасты, пока вся группа представляетъ нѣчто болѣе или менѣе однородное и контрасты существуютъ только между нею и другими группами, до тѣхъ поръ сочувственный опытъ играетъ нѣкоторую роль только въ средѣ группы. †Пережить жизнь представителя чужаго племени первобытный человѣкъ не можетъ. И сообразно этому истолковываетъ всякій фактъ въ пользу своего племени и во вредъ чужому. Предвзятое мнѣніе, сложившееся изъ впечатлѣній и ощущеній, данныхъ личнымъ опытомъ и опытомъ сочувственнымъ въ средѣ его племени заставляетъ его искренно вѣрить, что божества исключительно покровительствуютъ ему и его сотрудникамъ. Когда принципъ раздѣленія труда получаетъ въ средѣ общества полное осуществленіе, когда процессъ общественныхъ дифференцированныхъ дробитъ группу на рѣзко обособленныя единицы, имѣющія свои собственные цѣли и интересы, когда, однимъ словомъ, развертывается эксцентрическій общественный строй,—сочувственный опытъ получаетъ совершенно иные предѣлы и иную интенсивность. Съ одной стороны сочувственный опытъ имѣетъ болѣе широкое и полное примѣненіе въ средѣ каждаго изъ обособившихся слоевъ общества, а съ другой для каждаго изъ представителей извѣстнаго слоя утрачивается возможность поставить себя въ положеніе представителя другаго слоя. Есть мнѣніе, что сочувствовать можно только тому, что мы испытали лично, что сочувствіе сводится къ воспроизведенію опыта того или другаго состоянія, нашего сознанія, испытаннаго нами самими. Едва-ли можно принять это положеніе въ такомъ абсолютномъ видѣ, и въ этомъ отношеніи справедливо указываютъ, напримѣръ, на сочувствіе мужчины къ мукамъ беременной женщины, хотя мужчина и не могъ лично испытать этихъ мукъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ приведенномъ мнѣніи (Бэна) есть значительная доля правды. Безъ всякаго сомнѣнія, личный опытъ

увеличиваетъ силу опыта сочувственнаго, и намъ легче поставить себя мысленно въ такое положеніе, въ которомъ мы были сами. Эта поддержка личнаго опыта, очевидно, должна слабѣть по мѣрѣ углубленія уединительныхъ бороздъ, проводимыхъ эксцентрическимъ порядкомъ. Рабовладѣльцу легко проникнуться жизнью такого же, какъ и онъ, рабовладѣльца, ведущаго одинаковый съ нимъ образъ жизни, имѣющаго тѣ же привычки, потому что личный ихъ опытъ почти тождественъ. Но понять страданія и горести раба, поставить себя въ его положеніе, для рабовладѣльца несравненно труднѣе. Онъ никогда не испытывалъ того, что испытываетъ рабъ. Поэтому онъ естественно высоко ставитъ радости и горести своей группы и ни въ грошъ не ставитъ радостей и горестей другихъ группъ; онъ ихъ не замѣчаетъ, онѣ для него не существуютъ. † Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ. Въ его сознаніи они отдаются глухо, хотя онъ въ то же время способенъ съ полною отчетливостію оцѣнить горести и радости своихъ сотрудниковъ. Эта естественная неравномѣрность оцѣнки существеннымъ образомъ отражается на всемъ его психическомъ складѣ, состояніе котораго, такъ-сказать, замораживается въ цѣломъ ряду поколѣній наследственной передачею. Чтобы въ эксцентрическомъ періодѣ общественнаго развитія могли явиться люди органически способные къ многостороннему сочувственному опыту, способные воспроизвести въ своемъ сознаніи всѣ оттѣнки жизни, раскиданные процессомъ общественныхъ дифференцированій въ разные стороны, — для этого нужны особенно счастливыя и чисто случайныя сочетанія обстоятельствъ, удачное смѣшеніе крови, особенности воспитанія и проч. И это будутъ люди съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, способные къ успѣшной разработкѣ социологіи. (Можетъ быть, не лишнее замѣтить, что одинъ высокій нравственный уровень, самъ по себѣ, не можетъ гарантировать ничего). Но такіе люди, конечно, рѣдки. И развитіе общественной науки необходимо задерживается и этою рѣдкостью, а не только недостаточнымъ развитіемъ низшихъ наукъ, и преимущественно біологіи. И вотъ еще одно изъ различій

между наукою о природѣ и наукою объ обществѣ. Для безпрепятственнаго развитія первой совершенно достаточно послѣдовательнаго усвоенія истинъ въ порядкѣ возрастанія сложности явленій. Соціологіи же мы никогда не будемъ имѣть, если борьба интересовъ не расчиститъ для нея почвы, сгладивъ общественныя дифференцированія. За вычетомъ нѣкоторыхъ блистательныхъ исключеній, въ общемъ нравственныя и политическія науки необходимо отражаютъ въ себѣ практическую жизнь съ ея шероховатостями. Поэтому первая общая задача современной общественной науки состоитъ въ опредѣленіи значенія общественныхъ дифференцированій, — задача, къ которой инстинктивно и потому неопредѣленно стремились всѣ лучшіе люди всѣхъ временъ.

Итакъ, количествомъ личныхъ и сочувственныхъ опытовъ и качествомъ ихъ комбинаціи опредѣляется нравственный складъ людей, не открыто исповѣдуемый ими культъ, напримѣръ, христіанской морали,—эта часть психическаго содержанія слишкомъ высока и обща,—а тѣ порожденныя процессомъ историческаго развитія особенности, лежація гораздо глубже, которыя заставляютъ людей смотрѣть на общественные факты подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, съ извѣстнымъ, неяснымъ для нихъ самими, предвзятымъ мнѣніемъ. И это предвзятое мнѣніе отличается отъ предвзятаго мнѣнія естествоиспытателя только тѣмъ, что въ немъ играетъ важную роль нравственный элементъ. Какъ два микроскописта, исповѣдующіе различныя теоріи, видятъ то, чего ищутъ, такъ видятъ то, чего ищутъ, и два соціолога, придерживающіеся различныхъ воззрѣній. Какъ тамъ, въ случаѣ невозможности соглашенія путемъ непосредственнаго наблюденія, слѣдуетъ отыскать какую-нибудь иную опору для сознанія, обратиться къ самымъ источникамъ теорій, для чего онѣ должны быть приведены въ совершенную ясность; такъ и здѣсь ликвидация даннаго психическаго содержанія, смѣна одного содержанія другимъ возможна не иначе, какъ путемъ уясненія всѣхъ его составныхъ частей, а слѣдовательно и чувствъ и желаній. Какъ тамъ не должно быть рѣчи объ изслѣдованіи безъ предвзятаго

мнѣнія, а должно только заботиться о томъ, чтобы предвзятое мнѣние получило характеръ рациональной теоріи; такъ и здѣсь незачѣмъ маскироваться объективностью, а должно выяснить безъ остатка свою личность, дать себѣ полный отчетъ въ своихъ желаніяхъ, побужденіяхъ и цѣляхъ. Претензія на объективность можетъ здѣсь только повести къ сбивчивости, именно потому, что полная объективность недостижима. Малѣйшее разногласіе между истинными, въ глубинѣ души лежащими чувствами социолога, его истиннымъ нравственнымъ идеаломъ и обсуждаемыми имъ фактами дѣйствительности, — поведетъ все-таки къ открытому примѣненію субъективнаго метода, но примѣненію неудовлетворительному, кастрированному.

X.

Такъ именно случается со Спенсеромъ, когда онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, единственно по внушенію безотчетнаго чувства, отступаетъ отъ своихъ приемовъ и отъ добытой ими истины.

Послѣдуемъ за нимъ въ его поправкахъ и дополненіяхъ къ формулѣ прогресса. Мы видѣли, что первая поправка состоитъ въ прибавленіи къ процессу перехода отъ однороднаго къ разнородному — процесса перехода отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Съ этой новой точки зрѣнія приостановившей-было Спенсера фактъ революціоннаго движенія, представляющій переходъ отъ однороднаго къ разнородному, получаетъ новое освѣщеніе: „Политическій взрывъ, доходящій наконецъ до возмущенія, съ самаго начала стремится изгладить правительственныя и промышленныя спеціализаціи, существовавшія прежде. Недовольство, производящее такой взрывъ, само по себѣ предполагаетъ уже ослабленіе узъ, связывающихъ гражданъ въ отдѣльные классы и подклассы. Агитація, вырастающая въ революціонные митинги, обнаруживаетъ рѣшительную склонность къ слиянію слоевъ, обыкновенно отдѣльных другъ отъ друга“

(Вып. VII, Основные начала, 191). Такимъ-то образомъ, явленіе это представляетъ шаги не къ дальнѣйшему развитію, а къ разложенію, такъ-какъ оно составляетъ переходъ отъ опредѣленнаго къ неопредѣленному. Вглядитесь однако въ это новое описаніе революціоннаго движенія, и вы замѣтите, что для него, по крайней мѣрѣ, не было никакой надобности усложнять формулу прогресса. „Сліяніе слоевъ“, „уничтоженіе правительственныхъ и промышленныхъ специализаций“,— что это такое, какъ не переходъ отъ разнороднаго къ однородному, а такъ-какъ первоначальная формула прогресса есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному, то и безъ всякихъ поправокъ революціонное движеніе можетъ быть разсматриваемо, какъ шагъ къ разложенію. Но почему Спенсеръ пожелалъ сдѣлать поправку? Потому, что нашелъ, что революціонное движеніе есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному и потому, повидимому, подходит къ формулѣ прогресса. Такимъ образомъ объективный методъ не только не устраняетъ неудобствъ субъективнаго метода, но еще увеличиваетъ ихъ. Конечно данное революціонное движеніе можетъ быть признано съ одной субъективной точки зрѣнія шагомъ къ развитію, съ другой шагомъ къ разложенію, и этимъ разногласіемъ вопросъ затемняется. Но я могу взвѣсить доводы одного человѣка и доводы другого, потому что и тотъ и другой говорятъ мнѣ, что такое-то явленіе хорошо или нехорошо, такъ-какъ ведетъ къ такимъ-то хорошимъ или нехорошимъ результатамъ. Что же дѣлаетъ объективный методъ? Онъ самымъ грубымъ и топорнымъ образомъ уклоняется отъ оцѣнки внутренняго смысла явленій и скользитъ по ихъ внѣшности. Да, и по внѣшности именно только скользитъ, потому что посмотрѣлъ Спенсеръ одинъ разъ на картину революціоннаго движенія и нашелъ въ ней переходъ отъ однороднаго къ разнородному, посмотрѣлъ въ другой разъ и нашелъ переходъ отъ разнороднаго къ однородному. И однако и въ томъ и въ другомъ случаѣ видитъ въ ней шаги къ разложенію. Не ясно-ли, что, какъ ни выворачивай Спенсеръ подлежащій обсужденію фактъ, онъ всегда найдетъ его регрессивнымъ явленіемъ, ни по чему

другому, какъ потому, что ему революціонныя движенія не нравятся. Причемъ же тутъ хваленая объективность?

„Послѣдовательныя фазисы, черезъ которые проходитъ общество,— говоритъ Спенсеръ (Вып. VII, 204),—обнаруживаютъ еще яснѣе (чѣмъ явленія неорганическаго и органическаго міра) прогрессъ отъ неопредѣленнаго строя къ опредѣленному. Бродячее племя дикарей, не будучи постоянно ни въ своей мѣстности, ни въ относительномъ положеніи своихъ частей, далеко не такъ опредѣлено, какъ народъ, покрывающій территорию, ясно обозначенную, и состоящій изъ недѣлимыхъ, сгруппированныхъ въ городахъ и деревняхъ... Разница между царскимъ родомъ и остальнымъ племенъ увеличивается до такой степени, что порождаетъ въ умѣ народа мысль о различіи природы въ томъ и другомъ. Классъ воиновъ достигаетъ совершеннаго отдѣленія отъ классовъ, посвятившихъ себя обработыванію земли и другимъ занятіямъ, считающимся удѣломъ рабовъ. Является жречество, опредѣленное по своему достоинству, функциямъ и привилегіямъ. Эта рѣзкость опредѣленія, увеличиваясь все болѣе и болѣе и проявляясь разнообразіемъ и разнообразіемъ по мѣрѣ того какъ общество идетъ къ зрѣлости, обнаруживается въ высшей степени въ тѣхъ обществахъ, которые достигли полнаго развитія или склоняются уже къ упадку. Относительно древняго Египта намъ извѣстно, что въ немъ социальныя дѣленія были рѣзко обозначены, а обычай крайне строги. Въ Индіи, неизмѣнныя отличія кастъ, существующихъ и въ настоящее время, точно также, какъ и постоянство въ образѣ одежды, въ промышленныхъ процессахъ и религиозныхъ обрядахъ—показываютъ, до какой степени прочны порядки въ странахъ, имѣющихъ за собою громадное прошедшее“.

Вотъ что; съ объективной точки зрѣнія, имѣетъ право на званіе прогресса. И эта точка зрѣнія до такой степени объективна, что съ нея нельзя даже отличить эпохи развитія отъ эпохъ упадка. Я не затѣмъ сдѣлалъ эту выписку, чтобы опровергать ее. Она намъ пригодится ниже. Здѣсь же замѣчу только, что Спенсеръ нигдѣ не доводитъ до конца своей любимой параллели между обществомъ и организмомъ. Онъ входитъ въ мельчайшія подробности этой параллели и однако не касается одного весьма существеннаго пункта — смерти. Обязательна ли смерть для общества, какъ обязательна она для недѣлимаго? Спенсеръ вездѣ обходитъ этотъ вопросъ. Мы дадимъ за него отвѣтъ. Всякое общество, если оно дѣйствительно

приближается къ состоянію организма, если члены его дѣйствительно начинаютъ функціонировать какъ простые органы, безъ мысли и воли, если общество дѣйствительно начинаетъ уподобляться гигантскому туловищу, на которомъ сидитъ думающая за всѣхъ голова, а съ боковъ торчатъ работающія за всѣхъ руки, всякое общество, дошедше до такого состоянія, находится при смерти.

Послѣ перваго дополненія къ формулѣ прогресса Спенсеръ замѣчаетъ, что переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному есть не первичное, а вторичное явленіе, что это только „результатъ, сопровождающій окончаніе извѣстныхъ измѣненій“. Именно для того, чтобы нѣкоторое однообразное цѣлое преобразовалось въ комбинацію разнообразныхъ частей, необходимо разьединеніе частей. Но пока этотъ разьединительный процессъ имѣетъ мѣсто, опредѣленность невозможна. Она получится только тогда, когда внутри каждой обособившейся части окончится интетраціонная работа, т.-е. когда объединятся элементы, образующіе каждую изъ составныхъ частей. Мы уже видѣли, въ чемъ ближайшимъ образомъ состоитъ процессъ интеграціи. Мы видѣли, что это только другая сторона процесса дифференцірованія. Ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что Спенсеръ совершенно не вникаетъ во взаимное отношеніе интеграціоннаго и дифференціационнаго процессовъ, понятія о которыхъ, будучи приложены къ различнымъ вещамъ, дадутъ очень различные результаты. Спенсеръ говоритъ: „Надо замѣтить далѣе относительно европейскихъ народовъ, взятыхъ въ цѣломъ, что въ ихъ склонности заключать болѣе или менѣе продолжительные союзы, — въ ограничивающихъ вліяніяхъ, какія оказываютъ другъ на друга отдѣльныя правительства, въ постепенно устанавливающейся системѣ прекращенія международныхъ споровъ путемъ конгрессовъ, равно какъ и въ уничтоженіи препятствій торговлѣ и въ увеличивающихся удобствахъ сообщенія — мы можемъ признать начальную ступень европейской конфедерации, т.-е. интеграцію еще болѣе широкую, нежели какая бы то ни было изъ установившихся понинѣ“. Впервыхъ, явленіе это

представляетъ переходъ отъ разнороднаго къ однородному, слѣдовательно, по первоначальной формулѣ развитія, это явленіе не прогрессивное, а регрессивное. Вторыхъ, такъ-какъ при этомъ уменьшается рѣзкая опредѣленность отдѣльныхъ территорій, національностей и проч., то европейская конфедерація представляетъ регрессивное явленіе и по второй формулѣ Спенсера. Третьихъ, наконецъ, принимая за центръ изслѣдованія послѣдовательно различныя общественныя единицы, мы, слѣдя за ихъ измѣненіями, послѣдовательно придемъ къ ряду взаимно исключаютшихся результатовъ. Если мы, вооружившись законами Спенсера, будемъ слѣдить за развитіемъ государства, то дифференціаціонный процессъ выразится при этомъ распаденіемъ общества на обособленныя сословныя и профессиональныя единицы, а интеграціонный—объединеніемъ ихъ отдѣльныхъ представителей, то-есть нѣкоторымъ упрощеніемъ ихъ организаци. Взявъ за центръ изслѣдованія цѣлую систему государствъ, мы, напротивъ, должны будемъ признать, по Спенсеру же, прогрессомъ интеграцію отдѣльныхъ государствъ, то-есть ихъ упрощеніе и уничтоженіе нѣкоторыхъ „правительственныхъ и промышленныхъ специализацій“, установленныхъ путемъ дифференцірованія государства.

Наконецъ Спенсеръ дѣлаетъ еще одну поправку, которую мы ужъ не будемъ разсматривать; и приходитъ къ тому заключенію что „развитіе есть переходъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связной разнородности, путемъ непрерывныхъ дифференцірованій и интеграцій“.

Послѣ всей этой путаницы и замѣчательно нетвердыхъ шаговъ мысли, пріятно остановиться на такой ясной и свѣтлой статьѣ, какъ на примѣръ, „Обычаи и приличія“. Въ первой нашей статьѣ мы привели изъ статьи Спенсера „Философія слога“ образчикъ того, какъ онъ, переставъ трусить передъ телеологіей и субъективнымъ методомъ въ социологіи рѣшаетъ вопросъ о прогрессѣ, для частной области, въ смыслѣ совершенно противномъ всему вышеизложенному. Въ „Обычаяхъ и приличіяхъ“ дѣло еще яснѣе. Статья имѣетъ цѣлью доказать,

что обычаи и приличія, религіозныя представленія и политическая подчиненность совпадали нѣкогда въ одномъ понятіи, что, какъ выражается Спенсеръ, личности: „Бога, государя и церемоніймейстера“ представляли въ самую раннюю историческую пору одну личность, и что затѣмъ онѣ отдѣлились другъ отъ друга, слѣдуя общему процессу дифференцированій. Но здѣсь понятіе прогресса примѣняется Спенсеромъ уже несравненно осторожнѣе. Человѣкъ, отважившійся признать съ объективной точки зрѣнія индійскія касты и китайскую неподвижность явленіями прогрессивными, теперь говоритъ: „При китайскомъ деспотизмѣ, стѣснительномъ и безконечномъ въ своихъ постановленіяхъ и жестокомъ въ требованіи ихъ исполненія, деспотизмъ, съ которымъ соединяется равно суровый семейный деспотизмъ старшаго въ родѣ,—существуетъ система приличій, столь же сложныхъ, сколько и строгихъ. У нихъ есть трибуналь церемоній. Общественное обращеніе обременено безконечными комплиментами и поклонами. Сословныя отличія строго опредѣлены внѣшними знаками“ и т. д. На этотъ разъ Спенсеръ уже не смотритъ на подобныя явленія, какъ на одну изъ высшихъ ступеней общественнаго развитія. Отмѣтивъ нѣкоторые соотвѣтственные факты въ исторіи Европы, Спенсеръ продолжаетъ: „Одновременно съ упадкомъ вліянія духовенства и съ уменьшеніемъ страха вѣчныхъ мукъ, одновременно съ ослабленіемъ политической тиранніи, возростаніемъ народной власти и улучшеніемъ уголовныхъ кодексовъ,—шло и то уменьшеніе формальностей, то исчезновеніе внѣшнихъ отличій, которое становится нынѣ столь явно“. Человѣкъ, такъ наивно упорно старавшійся набросить тѣнь регресса на картину революціоннаго движенія, оказывается самымъ яркимъ и крайнимъ революціонеромъ, когда дѣло идетъ о приличіяхъ и обычаяхъ.

„Для истиннаго реформатора—говоритъ онъ—нѣтъ ни учрежденій, ни вѣрваній, которыя стояли бы выше критики. Все должно сообразоваться съ справедливостью и разумомъ; ничто не должно спасаться силою своего обаянія. Предоставляя каждому человѣку свободу достиженія своихъ цѣ-

лей и удовлетворенія своихъ вкусовъ, онъ требуетъ для себя подобной же свободы. Ему все равно, исходитъ ли постановленіе отъ одного человѣка или отъ всѣхъ людей, но если оно нарушаетъ законную сферу его дѣятельности, онъ отвергаетъ дѣйствительность такого постановленія. Тиранинъ, которая захотѣла бы принудить его къ извѣстному покрою одежды или къ извѣстному образу поведенія, онъ сопротивляется такъ же, какъ и тиранинъ, которая захотѣла бы ограничить его продажу и куплю, или предписать ему его вѣрованія. Будетъ ли это предписываться формальнымъ постановленіемъ законодательства или неформальнымъ требованіемъ общества,—будетъ ли неповиновеніе наказываться тюремнымъ заключеніемъ или косыми взглядами общества и остракизмомъ—для реформатора это не имѣетъ важности. Онъ высказываетъ свое мнѣніе, несмотря на угрожающее наказаніе; онъ нарушитъ приличія, несмотря на мелкія преслѣдованія, которымъ его подвергнутъ. Докажите ему, что дѣйствія его вредны ближнимъ—онъ остановится... Онъ обвиняетъ ихъ («партію порядка» въ дѣлѣ приличій и обычаевъ) въ деспотизмъ, который не довольствуется тѣмъ, что предоставляетъ имъ власть надъ ихъ собственными поступками и привычками, но требуетъ еще признанія ихъ власти надъ дѣйствіями и привычками другихъ, и сѣтуетъ, что такая власть не признается. Реформаторъ требуетъ такой же свободы, какой они пользуются; а они хотятъ предписать ему его поведеніе, обрѣзать и выкроить его жизнь по утвержденной ими выкройкѣ, и потомъ обвиняютъ его въ своеволіи и своекорыстіи за то, что онъ не хочетъ спокойно покориться! Онъ предупреждаетъ ихъ, что будетъ непремѣнно сопротивляться и что онъ сдѣлаетъ это не только для сохранения своей собственной независимости, но для ихъ же блага. Онъ доказываетъ имъ, что они рабы и не сознаютъ этого; что они скованы и цалуютъ свои цѣпи; что они всю жизнь прожили въ тюрьмѣ, и жалуются, что стѣны ея рухнули. Онъ говоритъ, что считаетъ всею обязанностью упорствовать для того, чтобы освободиться, и, несмотря на настоящіе ихъ порицанія, предсказываетъ, что когда они успокоятся отъ страха, причиненнаго имъ перспективой свободы, они сами будутъ благодарить его за то, что онъ помогъ имъ освободиться».

Я счелъ своею обязанностью выписать эту страстную тираду для уясненія еще одной черты нравственнаго склада Спенсера. Конечно, я не рѣшусь произнести какое-нибудь общее рѣшеніе на этотъ счетъ, пока въ русскомъ переводѣ не появилось главное сочиненіе Спенсера по соціологіи—«Соціальная статика». Но, во всякомъ случаѣ, небезынтересно замѣтить, что мыслитель, предписывавшій искусству отворачиваться отъ современной ему дѣйствительности; мыслитель, находившій возможнымъ

въ изслѣдованіи о прогрессѣ обойти вопросъ о человѣческомъ счастіи; мыслитель, заявлявшій, что всякое общественное броженіе, стирающее осажденныхъ исторіею перегородки, каковы бы ни были его дѣли, есть шагъ къ разложенію; что этотъ мыслитель съ такимъ паѳосомъ обрушивается на свѣтскія приличія и обычаи. Не безынтересно также замѣтить, что изъ трехъ вѣтвей одного и того же корня — религиозныхъ представленій, политической подчиненности, приличій и обычаевъ — онъ сосредоточиваетъ главное свое вниманіе на послѣднемъ. Онъ прямо утверждаетъ, что приличія-то именно и составляютъ самое крупное зло въ современномъ обществѣ. „Мы не сомнѣваемся (говорить онъ), что будучи подведены подъ одинъ итогъ, онѣ суммою превзошли бы сумму всѣхъ остальныхъ золъ. Если бы мы могли сложить съ ними еще безпокойства, издержки, зависть, досаду, недоразумѣнія, потерю времени и потерю удовольствія — все, что эти условія влекутъ за собой, — еслибы мы могли ясно понять, въ какой мѣрѣ они ежедневно связываютъ насъ и дѣлаютъ насъ своими рабами, мы, можетъ быть, и пришли бы къ заключенію, что ихъ тираннія хуже всякой другой тиранніи, которой мы бываемъ подвержены“ (Т. I, 396). Счастливая страна Англія...

Выше мы сказали, что исключительное употребленіе въ социологіи метода объективнаго равнялось бы, еслибы оно было возможно, складыванію аршинъ съ пудами, изъ чего, между прочимъ, слѣдуетъ не то, что объективный методъ долженъ быть совершенно удаленъ изъ этой области изслѣдованій, а только то, что высшій контроль долженъ здѣсь принадлежать субъективному методу. Но здѣсь рождается вопросъ: если объективный методъ не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ общественной науки, дать ей верховный принципъ, то какой изъ субъективныхъ принциповъ можетъ быть выбранъ, какъ наилучшій, такъ-какъ ихъ можетъ быть представлено нѣсколько? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ всей своей статьей. Возможно полное и многостороннее раздѣленіе труда между органами человѣка и возможно меньшее раздѣленіе труда между людьми, —

таковъ предлагаемый нами принципъ, такова цѣль, которую мы указываемъ какъ наилучшую. Принципъ этотъ, какъ намъ кажется, не имѣетъ ни одного изъ недостатковъ, присущихъ всѣмъ до сихъ поръ принимавшимся принципамъ политики, этики, экономіи. Всѣ они либо предназначаются только для какой-нибудь частной области, вслѣдствіе чего примиреніе между отдѣлами общественной науки не можетъ состояться; либо добыты метафизическимъ путемъ, либо страдаютъ эмпиризмомъ, либо незаконно минуютъ науку о природѣ, вслѣдствіе чего невозможно примиреніе между наукою и жизнью. Съ другой стороны, нашъ принципъ обнимаетъ всѣ области человѣческой дѣятельности, всѣ стороны жизни. Онъ выведенъ нами не изъ глубины собственнаго духа и не рекомендуется, какъ полученный супранатуральнымъ путемъ. Онъ прочно коренится въ объективной наукѣ, потому что вытекаетъ изъ точныхъ изслѣдованій законовъ органическаго развитія. Правда, отправляясь отъ этихъ самыхъ законовъ, Спенсеръ, Дрэперъ и многіе другіе люди съ полномѣснымъ авторитетомъ — пришли къ діаметрально-противоположнымъ результатамъ. Но обстоятельство это нисколько не колеблетъ нашего принципа, потому что, руководствуясь имъ однимъ, мы показали всю несостоятельность возрѣній Спенсера и имѣли даже возможность намекнуть на историческія причины этихъ возрѣній. Отбросивъ въ нашихъ статьяхъ все недоговоренное и недодѣланное, читатель имѣетъ передъ собою ясно и просто поставленный вопросъ: могутъ ли быть подведены къ одному знаменателю раздѣленіе труда между недѣлимыми и раздѣленіе труда между органами, какъ полагаетъ Спенсеръ и другіе, или это два явленія, взаимно исключаютіяся, находящіяся въ вѣчномъ и необходимомъ антагонизмѣ, какъ утверждаемъ мы? Вопросъ этотъ рѣшается данными объективной науки, и притомъ данными уже установленными, не подлежащими сомнѣніямъ. Если эти данныя дѣйствительно говорятъ въ пользу Спенсера рѣшенія вопроса о раздѣленіи труда, который мы считаемъ фундаментальнымъ вопросомъ общественной науки, всѣ наши соображенія должны рухнуть. Если же нѣтъ, если правда на на-

шей сторонѣ, въ чемъ я такъ же твердо увѣренъ, какъ въ томъ, что держу въ настоящую минуту въ рукѣ перо,—остается только приложить предложенный нами принципъ, въ качествѣ социологической аксіомы, къ рѣшенію частныхъ вопросовъ. На поставленный нами вопросъ: что такое прогрессъ? — отвѣчаемъ: Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ.
